РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR GENERAL HISTORY
CENTER FOR THE HISTORY OF
HISTORICAL KNOWLEDGE

Москва, 2024

HOMINES ET FONTES.
COLLECTANEA HISTORICA.

2024

ЛЮДИ И ТЕКСТЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ.

Выпуск 17
2024

ISSN 2414-3650

ЛЮДИ И ТЕКСТЫ. ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ 2024, номер XVII

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Отдела Новой и Новейшей истории Института всеобщей истории РАН, профессор МГИМО (У) МИД России
Марина Станиславовна Бобкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ИЗДАНИЯ

Доктор исторических наук *Марина Павловна Айзенштат (*Институт всеобщей истории РАН), доктор исторических наук, профессор кафедры истории Национального исследовательского ядерного *Сергей Викторович Алексеев* (Университет Московский инженерно-физический институт), доктор исторических наук, профессор кафедры истории *Владимир Алексаеевич Волков* (Московский педагогический государственный университет), доктор исторических науки, профессор РАН *Тимофей Валентинович Гимон (*Институт всеобщей истории РАН), профессор *Йона Клер Дюро* (Университет Лиона, Франция), доктор исторических наук, профессор *Сергей Борисович Крих* (Омский государственный университет), доктор исторических наук, профессор *Алексей Владимирович Лубков* (Московский педагогический государственный университет), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН) *Александр Иванович Сидоров*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник *Виталий Витальевич* Тихонов (Институт российской истории РАН), доктор исторических наук, профессор *Татьяна Васильевна Черникова (*Московский государственный институт международный отношений (Университет) МИД России), член-корреспондент РАН *Павел Юрьевич Уваров (*Институт всеобщей истории РАН), доктор исторических наук, профессор *Виктория Ивановна Уколова* (Московский государственный институт международный отношений (Университет) МИД России).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт всеобщей истории» Российской академии наук
Тел. +7 (905)513 47 65
Периодичность: 1 раз в год
Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
Адрес Редакции: Россия, 119334, Москва, Ленинский пр. д. 32А

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

ТЕКСТЫ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИЖНОСТИ

Алексеев Сергей Викторович
Образ язычества в славяноязычной литературе IX–XIII вв. …….. 14

Логутова Маргарита Георгиевна
Герт Гроте, “fons et origo modernae devotionis”……..... 31

ОБРАЗЫ ИСТОРИИ В АНГЛИИ

Браун Елена Давыдовна
Войны Роз в «Комической истории Англии»
Гилберта Эббота (1847–1848) ……..... 56

Айзенштат Марина Павловна
История в издательской практике Британии начала XIX в.
(по материалам «Эдинбургского обозрения») ……..... 95

Турлыгин Антон Александрович
История Англии глазами британского либерала середины XIX века 112

К ИСТОКАМ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Баязитова Гульнара Ильгизовна,
Сахарчук Иван Александрович
Алхимические практики Фридриха Благочестивого……..... 126

Сахарчук Иван Александрови
Об алхимическом сочинении Франсуа Отмана:
создание, редакции, характер, значение ……..... 142

Исследование выдающегося юрисконсульта Франциска Отмана.
Дозволительна ли алхимия в добропорядочном обществе?
(публикация, перевод с лат.яз., комментарий *И. Сахарчука*) …… 157

ИСТОРИОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЗМА И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Бухарин Михаил Дмитриевич
Советские энциклопедисты: Н.А. Кун и история Древней Индии
на страницах «Большой советской энциклопедии» ….....… 188

Котомина Анна Анатольевна
Тщательное коллекционирование и строгая группировка: история устройства Туркестанского отдела в Политехническом музее (1872–1900 гг.)……..... 201

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Сидоров Александр Иванович
Медиевистика: вчера, сегодня… завтра?....……..... 258

Яковлев Матвей Евгеньевич
Медиевистика: особенности докторских диссертаций 2014–2020 годы……..……..... 284

CONTENTS

PREFACE 9

I. TEXTS, AUTHORS AND READERS IN THE MEDIEVAL LITERARY CULTURE

Sergey V. Alekseev
The Image of Paganism in the Slavonic-Language Literature of the 9th–13th centuries 14

Margarita G. Logutova
Geert Groote"Fons et origo modernae devotionis"…….. 31

II. IMAGES OF HISTORY IN ENGLAND

Elena D. Braun
The Wars of the Roses in Gilbert Abbott's "Comic History of England" (1847–1848) 56

Marina P. Ayzenshtat
The History in the Publishing Practice of early nineteenth-century Britain (from the Materials of "The Edinburgh Review") 95

Anton A. Turlygin
History of England through the Eyes of a British Liberal in the mid-19th century 112

III. TO THE ORIGINS OF THE SCIENTIFIC REVOLUTION OF THE MID-17TH CENTURY

Gulnara I. Bayazitova, Ivan A. Sakharchuk
Alchemical Practices of Frederick the Pious 126

Ivan A. Sakharchuk
On the Alchemical Work of François Hotman: Creation, Redactions, Nature, Significance 142

Study of Eminent Legal Counsel François Hotman. Is Alchemy Permissible in a Respectable Society?
(Translation from Latin, commentary *I. Sakharchuk*) 157

IV. HISTORICAL WRITING IN CONTEXT ENCYCLOPEDISM AND COLLECTING

Mikhail D. Bukharin
Soviet Encyclopaedists: N.A. Kun and History of Ancient India on the Pages of the "Great Soviet Encyclopedia" 188

Anna A. Kotomina
Careful Collecting and Strict Grouping:
the History of the Organization of the Turkestan Department at the Polytechnic Museum (1872–1900) 201

V. FROM THE HISTORY OF HISTORICAL SCIENCE

Alexander I. Sidorov
Medieval Studies: Yesterday, Today, Tomorrow 258

Matvey E. Yakovlev
Medieval Studies: Features of Doctoral Dissertations 2014–2020 гг. 284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семнадцатый выпуск ежегодника Центра истории исторического знания Отдела Новой и Новейшей истории Института всеобщей истории РАН «Люди и тексты. Исторический альманах» и научного междисциплинарного семинара «Люди и тексты» состоит из нескольких разделов, которые подготовлены по итогам обсуждений проблем социального источниковедения в семинаре в 2023 г. Выпуск познакомит читателей с исследованиями исторических источников в социокультурном пространстве средневековой Европы, рецепцией Античности и Средневековья в Англии XIX в., обратит внимание на изучение алхимических текстов.

Социальное источниковедение, на наш взгляд, не относится к разряду специальных исторических дисциплин, а представляет собой отдельное направление исторической науки. Как известно, историческое мышление, то есть осмысление человеком своего прошлого, и историческое знание, составленное из множества фрагментов того, что нам известно (а не того, что было), образуют основу человеческих действий. Вне зависимости от того, насколько полно или фрагментарно историческое знание, именно на его базе складывается система ценностных суждений о настоящем через прошлое, именно оно служит критерием упорядочения знаний о мире и играет важнейшую роль в формировании мировоззрения. Из исторического знания рождается конкретный «образ истории». Он всякий раз индивидуален, субъективен, но в целом вписывается в общую картину представлений о прошлом, свойственную определенной социальной группе, определенному культурному типу, определенной эпохе.

Направление науки, которое мы представляем, теснейшим образом связанно с классическим источниковедением и использует его приемы и методы критики исторического источника, тем не менее реконструкция прошлого основа-

на на несколько иных основаниях. Прежде всего, нас интересует не источник сам по себе, а процесс наделения или не наделения смыслом событий, феноменов, явлений прошлого. Результатом этого осмысления и является текст, который мы изучаем как исторический источник и нисколько не сомневаясь реконструируем прошлое с огромным количеством допусков, формируя некий образ. Социальное источниковедение, ставя перед собой задачу изучения процесса изготовления текста – нарратива, визуального пространства, устного повествования – значительно снижает процент этих допусков, как бы помещая источник в его естественную среду, в то, что принято называть историческим контекстом или – шире – социальной историей. Поэтому вопросы, которые мы обсуждаем и в своем семинаре, и на страницах этого журнала, касаются текстов и людей, которые эти тексты создают, читают или не читают, исправляют, фальсифицируют, заказывают, прославляют друзей и придают позору врагов, размышляют о смысле Вселенной, через тексты сохраняют свою идентичность.

Отсюда и следует тот вопросный ряд, с которым мы обращаемся к историческим текстам. Нам интересно – кем был автор, в какой ситуации и почему он взялся за перо? Был ли заинтересованный в появлении определенного текста с определенными смыслами человек или какая-то общность, например, полис? Иными словами, был ли заказчик, который реализовывал через текст автора свой интерес и платил за это? Как складывалась судьба текста в разные периоды и в разных обществах, с какой интенсивность он переписывался/уничтожался, как и в какое время и при каких обстоятельствах рецепиировался? Как трактовали смыслы текстов иного времени, иного пространства современники из разных социальных групп и стран, а их потомки, а наши современники – историки и дилетанты? Ответ на вопрос как работали с текстом (например, многочисленные пометы на полях книг, между строк) приоткрывает нам секрет, о чем люди думали, читая этот текста. Как и почему появ-

ляются визуальные тексты (например, рисунки, мозаики, надгробные надписи, геральдические знаки, оформление денежных знаков, печатей). Деятельность Комиссии Индекса запрещенных книг – это прям кладезь для социального источниковедения. Это и многочисленные темы по цензуре и цензурированию, по динамике этих феноменов, которые менялись во времени и пространстве. Они тоже могут достаточно ясно осветить социальную природу исторического текста. История довольно многозначна по своему определению. Это рассказ, наука, процесс, схоларная практика, культурная практика. И везде рождаются тексты. Процесс от замысла до создания текста пронизан наделением его смыслом или смысловыми матрицами (не наделение смыслом, например).

В новом выпуске пять тематических разделов. Первый – «Тексты, авторы и читатели в средневековой книжности». Здесь С.В. Алексеев пытается ответить на довольно сложные вопросы. Например, чем определялся крайне малый интерес к полемике с язычеством у авторов известных нам старославянских и южнославянских литературных памятников? Насколько обоснованы предположения о несохранившихся южнославянских сочинениях как «модели» для древнерусских поучений против язычества? В силу каких причин именно русские книжники создали относительно последовательный, воплощённый в десятках в основном полемических произведений, образ дохристианской религии? Почему, в отличие от скандинавской и кельтской, славянской книжности чужды попытки «записи» или «реконструкции» языческих мифов? И, наконец, – насколько сведения славянских средневековых источников по этой теме отражают исторические реалии, а насколько – «должную» картину древних культов, сложившуюся на основе библейской и раннехристианской традиции? Статья М.Г. Логутовой продолжает тему, которой она уже посвятила много своих исследований – новому Благочестию. На этот раз мы знакомимся с жизненными коллизиями и идеями основателя нового Благочестия Герта Гроте.

Во втором разделе «Образы истории в Англии» речь идет об истории, скорее, как о культурной практике. Е.Д. Браун изучила, как и почему формировался образ Войны Роз в «Комической истории Англии» Гилберта Эббота (1847–1848 гг.), а М.П. Айзенштат и А.А. Турлыгин на материалах «Эдинбургского обозрения» и «Эдинбург Ревью» обратилась к исследованию рецепции истории в издательской практике Британии начала XIX в. с вопросами – какие исторические сюжеты были интересны читательской аудитории? что вызывало неприятие, а что – восхищение? какие факторы современности могли повлиять на восприятие событий прошлого? Как использовалась история в политической сфере?

Третьему разделу «К истокам Научной революции XVII века» у нас особенный интерес. В современной науке формируется новое представление о роли математических, схоластических, астрологических, алхимических, философских текстов, которое может значительно изменить широко распространенные и тиражируемые представления о достижениях Научной революции. Из какого смыслового контекста она родилась? Здесь мы представляем две исследовательские статьи Г.И. Баязитовой и И.А. Сахарчука об алхимических занятиях Фридриха III и французского правоведа Франсуа Отмана. В приложение к этим статьям мы публикуем впервые письмо Франсуа Отмана «Дозволительна ли алхимия в добропорядочном обществе?» в переводе и с комментариями И.А. Сахарчука.

Четвертый раздел «Историописание в контексте энциклопедизма и коллекционирования» состоит из двух статей – М.Д. Бухарина и А.А. Котоминой. В них очевиден социальный и, скорее даже, политический ангажемент в создании определенных образов истории, образов «нормативных» (энциклопедия, музей). Как себя чувствовали исторические источники в таком контексте?

Пятый раздел – это история профессионального сообщества медиевистов, рефлексия, анализ современ-

ной медиевистики на примере докторских диссертаций (А.И. Сидоров, М.Е. Яковлев). Это о том – кто мы, откуда, куда и зачем?

Номер получился довольно разнообразным и, возможно, высказанные идеи не бесспорны. Что ж приходите в последнюю среду месяца в ИВИ РАН в семинар «Люди и тексты», там родились эти статьи, там мы и поговорим!

М.Бобкова

21 мая 2024

ТЕКСТЫ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИЖНОСТИ

Сергей Викторович Алексеев

ОБРАЗ ЯЗЫЧЕСТВА В СЛАВЯНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ IX–XIII ВВ.

Аннотация. Когда речь заходит об образе языческих верований в памятниках славянской средневековой литературы, обычно внимание исследователей привлекают давно и хорошо изученные, многократно, разнообразно (и разноречиво) истолкованные сведения древнерусских источников. Вместе с тем, сведения о славянском язычестве, намного более скромные по объёму, отмечены и в старославянских текстах IX–X вв., и в средневековой южнославянской литературе. В статье предпринята попытка ответить на следующие связанные вопросы: Чем определялся крайне малый интерес к полемике с язычеством у авторов известных нам старославянских и южнославянских литературных памятников? Насколько обоснованы предположения о несохранившихся южнославянских сочинениях как «модели» для древнерусских поучений против язычества? В силу каких причин именно русские книжники создали относительно последовательный, воплощённый в десятках в основном полемических произведений, образ дохристианской религии? Почему, в отличие от скандинавской и кельтской, славянской книжности чужды попытки «записи» или «реконструкции» языческих мифов? И, наконец, – насколько сведения славянских средневековых источников по этой теме отражают исторические реалии, а насколько – «должную» картину древних культов, сложившуюся на основе библейской и раннехристианской традиции?

Ключевые слова: Средневековье, старославянская литература, древнерусская литература, староболгарская литература, старосербская литература, язычество.

Об авторе: Алексеев Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», профессор кафедры истории Наци-

онального исследовательского ядерного университета МИФИ. 115409, Москва, Каширское шоссе, д. 31; ipo1972@mail.ru

Среди славяноязычных литератур Средневековья наиболее обширными сведениями о дохристианской языческой религии славян обладает литература древнерусская – от летописных свидетельств до довольно богатого жанра «поучений против язычества (остающееся классическим, но уже недостаточно полное издание текстов этого жанра [2]). Как бы ни была фрагментарна рисуемая древнерусскими авторами картина, – а она более чем фрагментарна, – в других славянских регионах аналогов она не имеет. В чем-то не менее, в чем-то даже более детальный образ верований полабских и поморских славян создан иноязычными, в основном немецкими латинскими авторами XI–XII вв. Что же касается собственно славяноязычных литературных традиций, то ни в старославянских, ни в южнославянских источниках мы сколько-нибудь внятных сведений о местных языческих верованиях не находим. Тем не менее, отдельные свидетельства всё-таки есть, и в их природе, – а также в причинах отмеченного различия, – следует разобраться.

Прежде всего, отметим, что отсутствие сведений, сообщаемых источниками прямо, явно не означает отсутствие у их создателей знаний по рассматриваемой теме. Знаниями о славянском язычестве уже первые славянские писатели, вне всякого сомнения, обладали, и, более того, не с меньшей уверенностью можно сказать, что эти знания были детальны. В ином случае было бы невозможно использование языческого инструментария в интересах проповеди новой веры – появление уже в самых первых переводах Библии и богослужебных текстов на старославянский язык исконно-славянской по происхождению религиозной терминологии.

Термины эти прочно вошли в славянский христианский лексикон, притом что их дохристианское происхождение

очевидно. Среди них – понятия, связанные с мифологическими («бог», «бес», «дух», «душа») и морально-религиозными («грех», «свят») представлениями, а также с культовой сферой («волхв», «жертва», «молить/молитва», «треба»)[1]. Первоначальное значение их не всегда очевидно, но ясно то, что и для первого поколения проповедников, и для их паствы значение это было четким и недвусмысленным. Применение знакомых вчерашним язычникам понятий к реалиям новой веры должно было немедленно вызывать нужные проповеднику ассоциации.

При этом само по себе использование некоторых из этих терминов для проповеди христианства славянам на Среднем Дунае не было изобретением Солунских братьев и их учеников. Об этом свидетельствует лексикон так называемых Фрейзингенских фрагментов[2] – относящегося к X в. древнейшего памятника языка славян-хорутан, предков словенцев. Выполненные в латинской графике, Фрейзингенские фрагменты (исповедные формулы и гомилетический отрывок) отражают деятельность обративших Хорутанию баварских миссионеров – в Моравии ожесточенных противников Кирилла и Мефодия. В то же время и здесь мы обнаруживаем те же термины «бог», «грех», «дух», «душа», «молить», «свят», в тех же значениях, что и в Славянской Библии.

Именно на материале Фрейзингенских фрагментов выясняется, что имелись как понятия, которым христианские священнослужители могли найти славянские аналоги, так и понятия, которым таких аналогов найти оказалось невоз-

---

[1] Существенно отметить наличие среди этой древнейшей религиозной номенклатуры и тюркизмов («капище», «кумир»), впоследствии распространявшихся в славянском мире вместе со старославянской литературой. Это является одним из значимых аргументов в пользу болгаро-македонского, «солунского» (а не моравского) происхождения основной части старославянского лексикона.

[2] Новейшее онлайн-издание, подготовленное Институтом словенской литературы и литературоведения Словенской академии наук и искусств http://nl.ijs.si/e-zrc/bs/index-en.html.

можно. Слово «дьявол» неизвестные баварские проповедники перевели описательно как «злодей», для «ангелов» создали удержавшийся в словенском языке неологизм «крылатцы». В Славянской Библии, как известно, оба слова оставлены без перевода.

Итак, можно не сомневаться, что для создателей старославянской литературы язычество было реальностью, и реальностью хорошо известной. Однако упоминания этой реальности в самой литературе крайне редки. Существование язычества у славян отмечается именно как факт (например, когда в Житии св. Мефодия рассказывается о языческом князе вислян [15:191]), но обычно не более. Отдельные языческие обычаи просто упоминаются в связи с иными темами, причем крайне редко.

В Житии св. Константина Философа в ряду различных «бесчинств», допускавшихся немецкими миссионерами в Моравии среди своей паствы, отмечается, что немцы «не запрещали ни жертвы приносить по прежнему обычаю, ни браки без конца заключать» [15:169]. Согласно анонимному поучению «Владыкам земли Божье слово», «должен каждый князь... всем во всякий день запрещать обижать немощных, и какой угодно поганский обычай совершать, и поганские присяги, или иное что блудное» [20:201]. Собственно, этим любая конкретика, связанная со славянским язычеством, в древнейших старославянских сочинениях и исчерпывается.

Столь же или скорее даже более редко находим какие-либо конкретные сведения о древнем язычестве в чешских славяноязычных памятниках X–XI вв. Впрочем, это можно было бы объяснить плохой сохранностью старочешской славянской литературы, которая целенаправленно истреблялась после каждого поражения глаголистов на протяжении X–XII вв. Несколько полнее образ язычества представлен в чешских латиноязычных источниках, где появляется наполненная мифологическими элементами и обогащаемая ими в каждом новом изложении легенда о

происхождении династии Пржемысловичей. При этом не менее насыщали ее и античные аллюзии. Возможность таковых и оправдывала в глазах западнославянских латиноязычных писателей включение в «историю» наполненного вымыслом династического мифа о языческих героях и чародеях. Аналогичное явление можно наблюдать и в польской средневековой историографии.

Между тем, в болгарской раннесредневековой литературе, сохранившейся по всем параметрам лучше, чем славяноязычная чехо-моравская, ясных воспоминаний о дохристианской религии отнюдь ненамного больше. Это притом, что в болгарской словесности обильно представлены как переводы святоотеческих текстов (в том числе критикующих язычество), так и собственные учительные и полемические сочинения.

Наиболее подробные и связные сведения о болгарском язычестве мы получаем из иноземных источников. Это прежде всего, ответы папы Николая I на вопросы крестителя Болгарии князя Бориса, касающиеся правил новой веры и, в частности, отмены и осуждения некоторых языческих обычаев [10:87, 89, 92, 99, 105, 107, 113]. Относительно подробный очерк языческих погребальных обрядов болгар дает уже в середине X в. известный мусульманский историк ал-Масуди [3:127], – очевидно, на основе более ранних сведений.

Что же касается собственно болгарской литературы, то в ней, как уже сказано, мы находим лишь отдельные отрывочные и чаще всего обобщенно-типические упоминания о языческих верованиях и обрядах. В конце IX в. черноризец Храбр, автор апологии славянской азбуки «О письменах», отмечает: «Прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но читали и гадали с помощью черт и резов» [15:197]. В Службе св. Науму говорится, что «Христос... прославил мисийский язык [т.е. болгаро-славян], – роды, прежде обману, отче, подвластные и паче паннонцев [т.е. венгров] невежественные, каменьям и деревам веру-

ющие, Наум всечестной, вами и вашим словом и проповедью освободили от лютого безверия...» [9:188].

Чаще всего (трижды) к теме язычества обращался писатель середины X в. Козьма Пресвитер. Ему принадлежит самое объемное полемическое сочинение болгарской средневековой словесности, направленное, однако, против богомильской ереси – «Слово на еретиков, прение и поучение от Божественных книг» (или «Беседа на новоявленную ересь богомилов»). Козьма сравнивает еретиков с языческими идолами: «С чем сравним их, кому уподобим таковых? Ведь хуже кумиров, глухих и слепых! Кумиры-то каменные и деревянные, ничего не видят и не слышат, а еретики, мысли человеческие имея, самовольно окаменели, не познав истинного учения» [12:5]. Осуждая еретиков за отказ от почитания креста, полемист задается вопросом: «Какой христианин не просвещается Крестом Господним? Кто не веселится, видя кресты, на высоких местах стоящие, там, где прежде жертвовали бесам люди, закалывая сынов своих и дочерей?» [12:8]. Наконец, обличая самоназвание богомилов «христиане», Козьма сополагает их тем, кто в христианстве продолжает следовать языческим традициям: «Какая польза называться христианами, не творя дел, кои повелел Христос? Ведь многие из людей скорее на игры спешат, чем к церкви, и кощуны и блуд любят больше книг... Да поистине не стоит называть христианами творящих таковое! Ведь не те христиане, что с гуслями и плесканием, и с песнями бесовскими вино пьют, и встречам, и снам, и всякому сатанинскому учению веруют, – кто чью волю творит, тот тому и раб, а это всё дьявол указал. Потому-то тех, кто такое творит, не стоило бы христианами называть» [12:74].

Таким образом, некоторый «образ» язычества в болгарской книжности всё-таки очерчивается. Но, при минимальной местной специфике, он скорее стандартен и выражен в традиционных формулах, воспринятых из Библии и переводных святоотеческих текстов. Отмеченный местный

колорит указывает на то, что эти формулы к болгарской реальности оказывались вполне применимы. Однако это не делает получавшуюся в итоге картину конкретнее. На наличие языческих пережитков в повседневности, стоит заметить, указывает только Козьма, и мимоходом, обличая в первую очередь еретиков, а не суеверов.

Как ни парадоксально, чаще отмечены, – и ясно свидетельствуют о наличии таких пережитков, – достаточно нейтральные или даже принимаемые авторами следы языческих представлений во вполне христианской или околохристианской картине мира. Соответственно, как языческие они уже не воспринимаются авторами. Так, в Саввиной книге (старославянском Евангелии Апракос) и в одном из сочинений писателя второй половины X в. Петра Черноризца слово «русалии» употребляется как обычный календарный термин – обозначение Пятидесятницы [17:129-131; 2:152]. Довольно широко были распространены в раннесредневековой Болгарии, в том числе и во внешне ортодоксальной среде, «неканонические молитвы», многие из которых по сути являются заговорами. Помимо эпиграфического материала, они сохранились и в книжной традиции (см. [14:373-506; 19:713, 716-758; 21:93]). По происхождению они очень эклектичны, включая действительные элементы христианского молитвослова, сюжеты античного или ближневосточного происхождения. Но направлены они при этом, среди прочего, против болезнетворных демонических существ славянской низшей мифологии – вещицы, мары, нежита, трясавицы.

Подобное восприятие языческих образов проще происходило в богомильской или, во всяком случае, не вполне ортодоксальной и не вполне образованной среде, вне сферы влияния признанных церковных авторитетов. В апокрифе «Тивериадское море» [7: 289–294] довольно сложный богомильский миф творения[3] фактически рас-

[3] Известный, прежде всего, в латиноязычном варианте патаренско-катарской «Тайной книги» (см.: [7: 60-87]).

творен в ином, дохристианском по природе, характерном для «урало-алтайских» мифологий и описывающем сотворение мира двумя конкурирующими творцами. Будучи, вероятно, принесен в славянский мир кочевыми болгарами, этот мифологический комплекс щедро отразился как в апокрифической литературе восточных и южных славян, так и в фольклоре Нового времени. Другой связываемый с богомилами памятник – так называемая «Апокрифическая летопись» – содержит тотемический миф о рождении основателя Дунайской Болгарии хана Аспаруха («царя Испора») от коровы [7:282]. Еще в одном апокрифе, «Вопросах святого Ефрема», впервые фиксируется общеславянский (и общеиндоевропейский в генезисе) миф о природе грозы как погони небесных сил за злыми духами [11:495].

Во всех этих случаях авторы воспринимали описываемое вовсе не как языческое наследие, а как приемлемую часть «христианской» картины мира. В «Тивериадском море» действуют не языческие боги, а Бог и сатана; повествование в «Апокрифической летописи» ведется от лица пророка Исаии; в «Вопросах святого Ефрема» в грозу ангел преследует дьявола.

Единственное свидетельство того, что в раннесредневековой Болгарии имена некоторых языческих богов помнили, имеется в созданной там т.н. Хронографической «Александрии» – первом славянском переводе романа Псевдо-Каллисфена. Здесь посланец Александра, говоря брахманам о своем царе, называет его: «...сын божий, Поруна великого...». В греческом оригинале в соответствующем месте стоял эпитет Зевса «Дий» [8:114]. Это не только единственное упоминание в средневековой южнославянской литературе славянского языческого божества, но и единственный след применения в Болгарии позднеантичной традиции отождествлений языческих богов разных народов.

Уже Козьма Пресвитер прямо сопоставлял еретиков и язычников. В одной из редакций перечня запрещенных

книг болгарского священника X в., автора популярных апокрифов Иеремию обвиняли в том, что он «был в навех на Верзилове колу» (см. [14:665]). Последний оборот, вероятно, следует толковать «на Вельзевуловом хороводе». Но употребление славянского термина «нави», обозначающего мертвецов или загробный мир, позволяет заключить, что автор старался определить Иеремию одновременно как язычника и как дьяволопоклонника.

В развившейся позже болгарской и под ее влиянием старосербской литературе еретики-богомилы, разгромленные в Сербии в XII в. великим жупаном Стефаном Неманей, и язычники уже сливаются до неотличимости. Обвинения еретиков в поклонении «кумирам» звучат уже в одном из самых ранних сербских источников – написанном сыном Немани королем Стефаном Первовенчанным житии отца. Это могло иметь и некие основания во взаимопроникновении богомильства и народных верований (см. [1:71-72, 530-532]). Сербский агиограф Доментиан в XIII в. использует описание крещения Руси св. Владимиром как основу для описания разгрома богомилов. Негативные характеристики язычества с уверенностью применяются Доментианом к еретикам [1:100-106]. Ему следует и позднейший писатель Феодосий в своем житии сына Немани, сербского первосвятителя св. Савы. Здесь о Немане говорится, что он «храмы бесовские ниспроверг, церкви Богу воздвиг» – формулы, обычные для описания победы над язычеством, но здесь примененные к победе над «волками ереси» [1:250].

Единственное же прямое упоминание собственно языческих верований в сербской литературе – глосса (возможно, принадлежавшая св. Саве) о волкодлаках в переводной Святосавской кормчей. Здесь так истолкован не вполне ясный, видимо, для переводчика и его аудитории термин «облакопрогонники»[4]: «селянами называемые волкодлаки, так

[4] Благодаря Кормчей этот термин, простая калька с греческого, вошел в позднесредневековую славянскую литературу. В современной литературе о язычестве он по каким-то причинам нередко фигурирует как славянский.

что когда помрачаются месяц или солнце, говорят: “Волкодлаки съели месяц, или солнце”. Всё это басни и ложь» [5:417]. Такая ограниченность средневековых сведений вступает в заметный контраст с общим архаизмом сербской культуры и многочисленными языческими пережитками, отмеченными этнографами еще XIX и даже XX в.

Еще в самом начале систематического исследования древнерусских поучений против язычества была сформулирована гипотеза об использовании в них несохранившихся южнославянских памятников[5]. Однако она остается недоказанной. Идея эта основана по сути только на наличии южнославянских прототипов у некоторых дополненных сведениями о славянском язычестве древнерусских текстов – но в том и дело, что в сохранившихся прототипах этих дополнений нет.

Другой аргумент, весьма частный, – упоминания в целом ряде древнерусских памятников, начиная с наиболее ранних и подробных [2:23, 25, 41, 43, 59, 81], вил, рассматриваемых обычно как персонажи исключительно южнославянские. Действительно, именно в южнославянском фольклоре хорошо известны эти лесные и горные духи в образе прекрасных женщин. Однако надо отметить, что сведения о вилах в русских памятниках говорят не о массовой категории духов низшей мифологии, а о части пантеона. В «Слове некоего христолюбца» отмечается, что вил «число тридевять сестер, говорят невежды, и всех их мнят богинями» [2:41]. Упоминания вил могут, напротив, свидетельствовать об известности их в прошлом на Руси[6], и на одном таком основании утверждать, что тот или иной памятник имеет южнославянское происхождение, невозможно. В конечном счете, русский автор мог знать о южнославянских вилах и использовать их образ ввиду созвучия

---

[5] Ее, в частности, неоднократно и применительно к разным сочинениям высказывал Н.М. Гальковский [2].

[6] Общеславянское происхождение образа подробно обосновывается с лингвистической точки зрения У. Дуковой [4:24-31].

с библейским Белом-Вилом. Обыгрывание этого созвучия встречается в начале «Слова святого Григория об идолах» [2:23]. Итак, действительных оснований додумывать несуществующие памятники здесь нет (как нет их и в ином похожем случае – с гипотетической болгарской историографией средневековья).

Каковы же причины скудости сведений о языческих верованиях в южнославянской традиции? Встречающаяся иногда мысль, что это (в разных европейских традициях) обусловлено якобы запретом на именование и характеристики языческих богов, глубоко ошибочна. Перед глазами и греческих, и латинских, и славянских полемистов был пример многочисленных раннехристианских авторов, подробно описывающих античных богов, пересказывающих в критических целях мифы, в деталях бичующих языческий культ. Помимо этого, имелись и античные языческие авторы. На Западе хорошо знали Вергилия, на Востоке – Гомера. В славянском мире ни тот, ни другой в «программу» образования не входили, но образованные люди читали «Александрию», а также переводные хроники Иоанна Малалы и Георгия Синкелла. В последних боги в эвгемерическо-христианской традиции представлены как обожествленные люди. Да и само Священное Писание языческих богов не раз упоминает. Очевидно, наличие или отсутствие подобных деталей относительно этнических «язычеств» зависело от каких-то других факторов.

Первый вопрос, которым следует задаться, – кто создавал первые памятники церковнославянской литературы? Это были славяне, причем отчасти происходившие из Моравии, которым государственный культ тюркской Болгарии был неизвестен или плохо известен. В то же время славяно-болгарские племенные культы никакой связной системы представлять не могли. Следующий вопрос – для кого создавались эти памятники? Их адресатом являлся образованный слой общества – слой, быстро и всецело воспринявший христианство. Для болгарской элиты, смешан-

ной этнически, христианство было объединяющей силой, основой общего самосознания. К началу бурного развития славянской книжности при царе Симеоне угрозы языческой реставрации или элитарного двоеверия (если иметь в виду именно веру в языческих богов) уже не существовало. Для полемики же с суевериями и пережитками, общими для разных языческих культур, хватало переводной литературы, трудов отцов Церкви. Такой же принципиальный отказ образованной элиты от самой веры в языческих богов, очевидно, был характерен и для Сербии. Вместе с тем, ереси (в том числе вбиравшие языческие элементы, как это видно из апокрифической литературы) являлись реальной опасностью. Потому и полемика была направлена именно против них.

На Руси ситуация была иной, и это явствует как из появления уникального для славянской (и в целом средневековой европейской) литературы жанра специальных оригинальных поучений против язычества, так и из содержания этих текстов. Язычество, чрезвычайно распространенное в сельской местности (о чем есть немало прямых указаний, в т.ч. в церковно-канонической литературе), сохраняло некоторые позиции и в образованной среде. Во всяком случае, наблюдая языческие по происхождению обряды и языческое, на их взгляд, поведение «не только невежд, но и вежд, попов и книжников» [2:41], авторы поучений имели основание этого опасаться. Следует учесть и то, что на Руси успел зародиться официальный языческий культ, и то, что крещение отдельных местностей (Ростов, земля вятичей) растянулось до последних десятилетий XI–начала XII в.

С одной стороны, как и в южнославянских странах, образованность в сознании русского общества была тождественна христианству, и письменное слово должно было являться словом христианским. Точно так же и принятие христианства подразумевало решительный отказ от веры в богов (на что не раз указывается в поучениях), а не только от поклонения им – в отличие, например, от связанных с

Русью стран Северной Европы. Вместе с тем, на Руси, – теперь уже в отличие от южнославянского региона, – это общее правило для домонгольской эпохи имело частные исключения, о которых мы можем судить не только по самим поучениям. Возможно, это связано с более широким распространением обыденной грамотности в домонгольской Руси по сравнению с южнославянскими странами[7]. Следы «двоеверия», синкретической картины мира в русской литературе незначительны, но они есть. И синкретизм заходит здесь гораздо дальше, чем в болгарских апокрифах, вплоть до прямых упоминаний языческих богов как реальных персонажей.

В первую очередь вспоминается, конечно, «Слово о полку Игореве» с его упоминающими богов метафорами. Насколько эти метафоры отражают мировоззрение автора поэмы – вопрос крайне дискуссионный, и в пользу последовательно христианского ее подтекста есть очень веские аргументы. В то же время очевидно, что и в этом случае автор реагировал на сложившиеся приемы устной дружинной поэзии и отталкивался от них. А значит, языческая образность была вполне приемлема в культуре светской знати еще конца XII–первых десятилетий XIII в. (что находит очевидную параллель в той же скандинавской культуре).

На наличие «двоеверия» среди «вежд» указывает и другой памятник – апокриф «Беседа трех святителей» в его Соловецкой редакции[8]. В фантасмагорической космологии этого вопросо-ответного сочинения, где находится место и мифам южнославянских апокрифов, и иным еретическим представлениям, присутствуют и Перун с Хорсом. По мнению автора, Бог творил мир через посредство анге-

---

[7] В новгородских берестяных грамотах встречаются не только заговоры, в основном, но не всегда, христианизированного содержания [6:347-348, 522, 654-655, 694], но и случайное называние «Волоса» вместо св. Власия в записанной священником XI в. формуле отпуста [6:283].

[8] Упоминание здесь языческих божеств служит важным дополнительным аргументом в пользу датировки памятника домонгольским периодом, когда их имена и функции еще помнились.

лов, к числу ангелов могут быть причислены люди, и таковы-то языческие божества, ставшие «громными ангелами» [13:385; 16:33-34; 18:358]. Таким образом, собственные «двоеверные» представления автора курьезным образом нашли дополнительное основание в эвгемерических идеях церковных полемистов[9].

Именно такое «двоеверие» и придавало дополнительную актуальность святоотеческой полемике против язычества. На протяжении XI–XIII вв. она была активно разработана и дополнена русскими авторами, часто в псевдоэпиграфах, свободно основанных на трудах святых отцов или их болгарских переводах. Наличие источников, конечно, определило немалую часть содержания этой полемики. Первым направлением ее был именно эвгемеризм – отсылки к созданной античными, раннехристианскими и византийскими авторами истории возникновения язычества из почитания древних царей. На Руси она стала известна благодаря хронике Малалы и была применена к местным реалиям уже в русской редакции перевода. В этой редакции Гефест и Гелиос отождествлены со Сварогом и Дажьбогом. Выигрышной фигурой для эвгемерических построений был бог Троян – видимо, действительно, как и полагали полемисты, восходивший к воспринятому на Балканах мифологизированному образу императора Траяна.

С эвгемеризмом была связана и прямо вытекала из него идея тождества античных и древневосточных божеств со славянскими, а значит, и возможности переноса критики в адрес первых на вторых. Особенно заметна эта тенденция уже в одном из древнейших сочинений – «Слове об идолах», представляющем собой русскую переработку текста Григория Богослова. Автор попытался выстроить картину

---

[9] Конкретно использован, вероятно, другой апокриф – «Слово и откровение святых апостолов» с направленной против славянского язычества русской вставкой эвгемерического содержания, где Перун, так же как в этой версии «Беседы», назван «эллином», и Хорс тоже упомянут следом [2:51-52].

развития языческих верований. Первоначально славяне поклонялись «упырям и берегиням», которых было проще всего соотнести с пугающими и обманывающими людей демонами. Затем они стали почитать Рода и рожаниц, которых полемист связывает и с Осирисом, и с «Артемидом и Артемидой». Наконец, на смену этому «эллинскому» культу у славян приходит поклонение Перуну, «богу их», – видимо, признаваемому в «Слове об идолах» собственно славянским вымыслом [2:23].

Другим, тесно связанным и вытекающим из вышеназванных направлением полемики являлось четкое разъяснения неприемлемости языческих суеверий для верующего в Бога. Способы избирались самые разные – от подробного описания нелицеприятных, обычно наиболее нелепых на взгляд проповедника, сторон языческого культа до многочисленных цитат из Писания и святоотеческих текстов, указывающих на недопустимость отступничества. Встречаются поучения, направленные против конкретных ритуалов и представлений. В частности, датируемое по содержанию второй половиной XI в. «Слово о посте к невежам» [2:14-16] посвящено обряду кормления навей, в которых автор видит реальных бесов. Важно отметить, что во всех случаях авторы рассматривали аудиторию как искренне считающую себя христианами. Главной их целью было именно указать на противоречия между этой убежденностью и языческим поведением.

Значительная часть текстов поучений если не прямо заимствована из греческих первоисточников, то воспроизводит их логику и традиционные формулы. Вместе с тем, сама направленность поучений на решение конкретных и очевидных для авторов местных задач подразумевала, что подобные «шаблоны» могли использоваться только по назначению. Универсальность многих суеверных представлений и действительные общие черты языческих культов давали для этого достаточно почвы. Сколь бы много места не занимали в поучениях традиционные риторические пе-

риоды, ни одно поучение не состоит только из них, и риторика всегда применялась к местным реалиям.

При всех традиционных элементах в изображении языческих верований древнерусские авторы отталкивались от реальности, причем реальности активно ими осуждаемой. В ином случае создание специальных антиязыческих произведений объяснить невозможно. Сведения о языческом культе в этих памятниках подробны, оригинальны, находят большое количество этнографических и археологических параллелей. Это касается данных о языческом пантеоне не меньше, чем других аспектов. Именно оригинальность по отношению к любым возможным прототипам более всего указывает, что рисуемый русскими памятниками образ язычества имел основой печальную действительность «двоеверия». Когда «двоеверие» как социальная проблема перестает существовать, растворившись в народном христианстве, – с XIII в., – перестает существовать и направленная против собственно языческого культа литература. Она сменяется обычным для христианской Европы, хотя и опирающимся на более богатую традицию, обличением народных игрищ, магии и отдельных суеверий.

Литература

1. *Алексеев С.В.* Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв. Т. 1. Жития святых Симеона и Савы. Жития королей и архиепископов Сербских. СПб., 2016.

2. *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2000. Т. 2.

3. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских: с половины VII века до конца X в. по Р.Х. СПб., 1870.

4. *Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке / пер. с нем. К. Задоя. М., 2015.

5. Законоправило светог Саве. Добрунска Ријека, 2019.

6. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

7. *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1970.

8. *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: исследование и текст. М., 1893.

9. *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

10. Латински извори за българската история. Т. II. София, 1960.

11. *Милтенова А.* Erotapokriseis: Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старабългарската литература. София, 2004.

12. *Попруженко М.Г.* Козма Пресвитер: болгарский писатель X в. София, 1936.

13. *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.

14. Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / отв. ред. А.Л. Топорков. М., 2017.

15. *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004.

16. *Щапов А.П.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1906.

17. *Щепкин В.Н.* Саввина книга. СПб., 1903.

18. *Alvarez-Pedrosa J.A.* et al. Sources of Slavic Pre-Christian Religion. Leiden; Boston, 2021.

19. *Frček J.* Euchologium Sinaiticum: texte slave avec sources grecques et traduction francaise. Turnhout, 1983.

20. Magnae Moraviae Fontes Historici. Vol. IV. Leges, textus iuridici, supplementa. Brno, 1971.

21. *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

Маргарита Георгиевна Логутова

ГЕРТ ГРОТЕ (1340-1384), ”FONS ET ORIGO MODERNAE DEVOTIONIS”

Аннотация: Статья посвящена религиозному движению, возникшему в конце XIV в. а Нидерландах и Германии, Новому благочестию (devotio moderna). Это движение сыграло заметную роль в становлении гуманистической философии и протестантизма. В центре внимания автора судьба и духовное наследие основателя благочетия Герта Гроте, исторический контекст формирования и развития его мировоззрения. В качестве источников в работе использованы два дошедших до нас жизнеописания Гроте и его переписка. В статье реконструируется биография одного из самых значимых для Нового благочестия деятелей.
Ключевые слова: Герт Гроте, Новое благочестие, религиозное движение, Северная Европа, Германия, Нидерланды, гуманизм, протестантизм.
Об авторе: Логутова Маргарита Георгиевна – канидат исторических наук, независимый исследователь; m.logutova@mail.ru

В конце XIV в. в Нидерландах и в Германии возникло религиозное движение, названное Новым благочестием (devotio moderna). Движение сложилось из домов братьев и сестер совместной жизни в городах и из монастырей августинских каноников Виндесгеймского капитула. Участники движения называли себя «благочестивыми» (devote) и стремились возродить нормы жизни раннехристианской церкви. Религиозная этика devotio moderna основывалась на двух моментах. Первым была работа индивида по духовному совершенствованию своего собственного «я» на путях следования земной жизни Христа; вторым – требование обязательной передачи своего персонального опыта другим людям. Виндесгеймские каноники создавали простые по языку и по содержанию этико-религиозные трактаты. Переписанные в скрипториях devotio moderna, эти сочинения, вкупе с книгами Св. Писания на народных язы-

ках, распространяли религиозные знания в среде городского населения. В домах братьев совместной жизни в городах собирались по воскресным и праздничным дням миряне и школяры для благочестивых собеседований и чтения Библии на своем родном языке. При городских школах братья содержали общежития для школяров, из их среды вышли гуманисты Рудольф Агрикола (1443–1485 гг.), Конрад Муциан (1470–1526 гг.), Иоганн Мурмелий (1480–1517 гг.), Эразм Роттердамский (1469–1536 гг.), и реформатор Мартин Лютер (1483–1536 гг.). Отрицание деятелями devotio moderna спекулятивного университетского богословия и углубленное изучение сочинений отцов церкви придало северному гуманизму специфически христианский характер. Прививаемое школярам глубоко личное отношение к Богу и требование неустанной духовной работы индивида готовили почву для восприятия реформационных учений.

***

«Источник и родоначальник нового благочестия» (“fons et origo modernae Devotionis”) – так характеризовал Герта Гроте Генрик Померий (1382–1469 гг.) [18:263]. Для Фомы Кемпийского (1379/80–1471 гг.) Гроте был «нашего благочестия основатель, посланный вечной мудростью Отца Небесного в стареющий, клонящийся к худшему мир для того, чтобы вновь расцвела святая вера» [34:116]. Предельно четко выразил роль Герта Гроте в истории Devotio moderna официальный хронист движения Иоганн Бусх (1399–1480 гг.): «Божественное провидение, милосердно взглянув на дряхлеющий, уже катящийся в преисподнюю мир, в крайних пределах земли зажгло свет просвещающего ума, и явило светильник, предназначенный Господом Христом для того, чтобы изнутри просвещал светом святой веры темные сердца, закосневшие во множестве дурных обычае, и охлажденные многими прегрешениями, и зажигал их жаром и любовью божественного слова. Све-

тильник этот – достопочтенный муж магистр Герт Гроте»[1] [7:251]. Импульс, исходивший от личности этого уроженца ганзейского города Девентер в нидерландской провинции Оверейсел, более чем на столетие определил характер одного из самых массовых движений позднего Средневековья [5:231]. Создается впечатление, словно все, к чему прикоснулся Гроте в последнее десятилетие своей жизни пришло в движение, пустило корни и дало живые побеги в духовной жизни северных провинций Нидерландов. В его родном доме в Девентере обосновалась первая община сестер совместной жизни. Первый дом братьев совместной жизни составился из писцов, переписывавших для него книги. Он завещал построить монастырь для защиты полурелигиозных общин братьев и сестер от обвинений в ереси – и через три года после его смерти был освящен Виндесгейм, положивший начало знаменитой конгрегации монастырей августинских каноников. И он же выбрал место для монастыря на горе св. Агнессы (Агнитенберга), где Фома Кемпийский написал книгу “De imitatione Chrisri” («О подражании Христу»), которая по числу изданий в мире занимает второе место после Библии [33:38].

Герт Гроте жил и действовал в обстановке недовольства городского населения Нидерландов положением дел в католической церкви, усугубленных Великой Схизмой. Следует также учитывать страх перед повторяющимися эпидемиями чумы – чума унесла родителей десятилетнего Гроте, чума не пощадила и трех основателей devotio moderna – в 1384 г. умер Герт Гроте, в 1398 г. Герард Зербольт, в 1400 г. Флоренс Радевейнс.

---

[1] “‘Divina providentia senescentem mundum iam iamque ad inferos descendentem oculo pietatis et clementie sue in extremis terre pene finibus lumen valde celicem mencium illuminativum accendere et lucernam Christo Domino dignatus est parare, quod corda tenebrosa calle male consuetudinis plurimum obdurata et multis peccatis valde infrigidata, lumene sancte fidei intus illustraret caloresque caritatis verbi divini vehementer accenderet, venerabilem videlicet virum magistrum Gerardum Magnum vulgariter dictum Groet”.

Биография Герта Гроте дошла до нас в нескольких жизнеописаниях, созданных в середине XV в. братьями совместной жизни в Девентере и виндесгеймскими канониками [13:2-7]. Два самых ранних жизнеописания анонимные. Автором одного из них, возможно, был младший современник Гроте Хендрик Манде (Hendrik Mande, 1350/60–1431 гг.). Манде служил писцом в канцелярии графа Голландского. В 1382 г. он услышал проповедь Гроте, оставил службу, стал братом совместной жизни в Девентере и в 1398 г. вступил в монастырь Виндесгейм.

Фома Кемпийский составил жизнеописание Гроте в форме беседы монастырского наставника с послушником. «Его мне не довелось видеть во плоти, – писал Фома, – но многие приближенные к нему ученики знали его лично; от них я часто и много слышал о плодотворных его делах [об этом говорю тебе для того], чтобы ты не считал, что я сам придумал это в своем воображении»[2] [34:32]. По окончании в 1398 г. латинской школы Фома Кемпийский жил в доме братьев совместной жизни в Девентере, где переписывал книги в тесном общении с людьми, знавшими Гроте. Позднее, при работе над жизнеописанием в распоряжении Фомы были письма Гроте, и его первое программное произведение «Умозаключения (“Conclusa”) и намерения, [но] не обеты, во Имя Господа» [15:31-115]. Это сочинение известно по списку, приложенному Фомой Кемпийским к жизнеописанию Гроте. Там же Фома привел текст поминального слова самого близкого друга Гроте, кантора собора Парижской Богоматери и архидиакона Брабанта [13:2-3] Гийома де Салварвиллы (Guillaume de Salvarvilla, 1327–1385 гг.).

Еще одна биография Гроте написана ректором сестер совместной жизни в доме Герта Гроте в Девентере Рудольфом Диром ван Муденом (Rudolph Dier van Muiden,1384–1459)

[2] “Quem licet in carne non viderim, plures tamen discipulatui eius adhaerentes corporaliter agnovi: a quibus multa de felicibus actibus eius frequenter audivi, ut non putes me propria imaginatione haec confinxisse”.

[24]. Во время учебы в латинской школе в Девентере ван Муден жил в общежитии для школяров при доме братьев совместной жизни. В конце жизни ван Муден написал жизнеописание Гроте с привлечением официальных источников. Продолжил написанную ван Муденом биографию Петрус Хорн (Petrus Horn, 1442–1479. По окончании школы восемнадцатилетний Хорн стал братом совместной жизни. Был переписчиком книг, библиотекарем и руководителем писцовой мастерской в Девентере. Петрус Хорн составил также и собственное жизнеописание Гроте [26:325-370].

Переписка Герта Гроте опубликована [23]. Помимо фактической канвы, письма основателя devotio moderna представляют незаменимый источник для понимания личности Гроте как человека своего времени. Научная литература о Гроте огромна. По этой причине в прилагаемом списке приведены лишь наиболее значимые из посвященных ему работ [1, 2, 6, 8, 13, 14, 17, 18, 28, 29, 39, 40, 41]. Первая в полном смысле слова научная биография Гроте, с публикацией многочисленных источников, была издана 1942 г. Якобом ван Гиннекеном [17]. Наиболее взвешенный и многосторонний труд с изложением фактической и духовной жизни Гроте представляет исследование Жоржетт Эпине-Бургард [13]. Издатель продолжающегося полного собрания сочинений Герта Гроте Рейклоф Хофман назвал труд Ж. Эпине-Бурхард лучшей современной биографией Гроте [19:55].

Герт Гроте родился 16 октября 1340 г. в ганзейском городе Девентер в Нидерландах, его отец Вернер Гроте был одним из 12 схепенов Девентера [13:14]. Родители мальчика умерли в 1350 г. во время одной из самых страшных в истории Европы эпидемий чумы. Сироту взял к себе дядя по материнской линии Ян ван Окенбрук. В латинской школе при церкви св. Лебвина в Девентере Гроте изучал дисциплины тривиума – грамматику, риторику и логику, а затем продолжил образование в парижском университете. В 1355 г. он имматрикулировался в Natio anglicana - корпо-

рации студентов и преподавателей из северной и восточной Европы, в 1357 г. получил степень бакалавра искусств. В 1358 г. ему, восемнадцатилетнему юноше, была присуждена ученая степень магистра искусств и выдана лицензия на преподавание – licentia ubique docendi, [19:51] которая обычно выдавалась соискателям по достижении 21 года. В течение следующих восьми лет в Париже, Кельне и, возможно, в Праге, Гроте изучал философию, медицину, математику, астрономию, астрологию, натурфилософию, гражданское [13:20-26] и каноническое право [14:15]. Сочинения и письма Гроте показывают его эрудицию во всех перечисленных областях позднесредневекового знания, равно как и его скептицизм относительно теологических и философских диспутов в научной среде парижского университета [14:14]. Во время пребывания в Париже Гроте не порывал связей с родным городом. Магистрат Девентера неоднократно поручал ему улаживать разногласия с епископом Утрехта, светской и церковной юрисдикции которого подлежал Девентер. В 1365–1367 гг. Гроте ездил по этим делам в Кельн и в резиденцию папы в Авиньон. В 1366 г. он провел в Авиньоне несколько месяцев [3:28, 13:34]. Не забывал Гроте и о собственной церковной карьере. В 1368 г. он получил пребенду в соборе Аахена, в 1371 г. – каноникат в кафедральном соборе Утрехта [13:28].

В 1372 г. Герт Гроте серьезно заболел [15:16]. Случилось это в доме его дяди в Девентере. Сведущий в медицине Гроте понял, что умирает [26:2-3, 13:24]. Приходский священник отказал умирающему в святых дарах на том основании, что в доме есть книги по магии и астрологии и соборовал его только после публичного сожжения этих книг на рыночной площади Девентера. Этот год стал поворотным в жизни Гроте. Единственный наследник большого состояния, человек глубоких и разносторонних знаний, со связями в светских, академических и церковных кругах, на пути к блестящей церковной карьере, он по выздоровлении резко изменил образ жизни. По словам Фомы

Кемпийского, мейстер Герт Гроте «стал новым воином Христовым» [34:43]; вел «духовную войну» [34:43]; «стал из высокомерного – смиренным, из любителя изысканного – воздержанным, из странствующего – постоянным, из светского – духовным, из любопытствующего – простым и благочестивым» [34:40].

Спустя некоторое время по выздоравлении Герт Гроте удалился в картузианский монастырь Моникхейзен, приором которого был его знакомый по Парижскому университету Генрих Эгер ван Калкар (Heinrich Eger von Kalkar, 1328–1408 гг.). В 1362 г. Калкар получил степень бакалавра теологии [29:52-54], в 1366 г. принял постриг в картузианском монастыре Св. Барбары в Кельне, в 1366 г. стал приором монастыря Моникхейзен [29:60]. Герт Гроте избрал картузианский монастырь не только из-за дружеских отношений с его приором. Основанный в XII в. орден картузианцев отличался от большинства монашеских орденов строжайшей дисциплиной. Если в XIV–XV вв. многие монашеские ордена вызывали справедливые нарекания, картузианцев они не затрагивали – орден гордился тем, что никогда не изменял своему уставу: «Наш орден никогда не был реформирован, потому что никогда не был искажен» [20:415]. Помимо церковных служб и молитв, основным занятием монахов была переписка книг. Аббат картузинского монастыря в Дрибурге Адам (ум. 1184) в сочинении «О четырехчастном упражнении в келье» писал: «Труд переписчика – это бессмертная работа, работа такого рода, что если кто что-то сказал, то сказанное не уйдет, но останется. Это труд <…>, который наиболее приличествует образованным людям» [4:57]. Дисциплина и подвижнический труд картузианцев по копированию книг вызывали уважение образованных современников, в их числе и Гроте [13:52-53]. Его биограф Дир ван Муден писал, что в монастыре мейстер Гроте «работал над своим внутренним человеком, чтобы преобразовать себя по образу Божию,

к каковому стремился»[3] [26:5]. В уединении Моникхейзена Гроте провел три года. За это время его духовные поиски приобрели четкий и целенаправленнный характер. Гроте осознал, что его жизнь – это путь действий в миру.

Полную перемену своей жизни он объяснил в составленном им автобиографическом сочинении «Умозаключения (“Conclusa”) и намерения, [но] не обеты, во Имя Господа» [34:31-115]. “Conclusa” состоит из четырех частей. Три первые главы были написаны вскоре после исцеления, четвертая глава писалась позднее в Моникхейзене. Наиболее верное, на наш взгляд, истолкование кардинальных изменений в образе жизни Гроте предложил издатель полного собрания произведений Герта Гроте в рамках “Corpus Christianorum / Continuatio Mediaevalis” Рейклоф Хофман[4]. Основываясь на тексте “Conclusa”, Р. Хофман полагает, что Гроте двигал не страх смерти, которая в любом случае неизбежна. Во время болезни, в короткий промежуток времени между двумя посещениями священника Гроте осознал, что верующий должен быть абсолютно искренним в своих личных отношениях с Богом, поскольку единственно истинная связь между человеком и Богом есть абсолютная, без малейших компромиссов, искренность и честность. Герт Гроте утверждал, что каждый порядочный человек обязан организовать свою жизнь в согласии с этими этическими нормами, и сам всю оставшуюся жизнь жил в полном соответствии с выработанными им критериями, сознательно и последовательно их проповедуя [19:54].

Первая глава “Conclusa” начинается словами: «В честь и во славу Господа я желаю упорядочить свою жизнь в

---

[3] Post conversionem suam latuit magister Gherardus quinque annis laborans interiorem suum hominem reformare ad similitudinem Dei ad quam erectus fuit

[4] Хофман Рейклоф (Hofman Rijcklof) в настоящее время осуществляет критическое издание полного собрания сочинений Герта Гроте с учетом всех сохранившихся рукописей и старопечатных изданий “Gerardi Magni Opera Omnia. Corpus Christianorum / Continuatio Mediaevalis”.

служение Богу и во спасение моей души. Никаких преходящих благ: ни чувственных наслаждений, ни почестей, ни [даров] фортуны, ни наук не поставлю я выше спасения моей души» [34:87-88]. Вторая глава, «Об изучении святых книг» (“De sacris libris studendis”) представляет программу духовного чтения: Библия, жития св. отцов, святоотеческая литература. Из близких по времени произведений Гроте упомянул только Часы Вечной мудрости (“Horologium aeterae sapientiae”) Генриха Сузо (Heinrich Seuse, 1295/1297–1366 гг.) [36:141]. В третьей главе, «О воздержанности» (“De abstinentia”), Гроте пишет о необходимости соблюдать умеренность как в пище, так и абсолютно во всех обстоятельствах своей жизни. Как уже упоминалось, первые три главы были написаны вскоре после исцеления от болезни. Четвертая глава «О св. таинстве» (“De sacramento”) была создана во время пребывания в Моникхейзене. Ж. Эпине-Бургард полагает, что “Conclusa” содержит в себе, в зародыше, всю последующую духовность Devotio moderna [13:49].

По возвращении из Моникхейзена в 1374 г. Герт Гроте нотариально оформил передачу своего дома на Бегинен-страт в Девентере в собственность магистрата Девентера с тем, чтобы в доме жили бедные благочестивые женщины, желавшие служить Богу. Женщины обязаны жить трудом рук своих, нищенство категорически запрещалось. Для себя оставил в своем родительском доме две комнаты, погреб, амбар и часть сада; принадлежавшие ему земельные участки сдал в аренду различным учреждениям [30:5].

О том, насколько четко Гроте осознал, что его путь лежит в миру, говорят его строки в “Conclusa” о том, что никогда и никому он не станет советовать, говорить и помогать принять святой обет по причине симонии и достойного сожаления состояния церкви [36:73]. В письме к своему другу Салварвилле (Willem van Sarvarvilla, 1327–1385 гг.) Гроте называет современную ему церковь «двуголовым монстром» [10:37]. Виллем Сарвалвилла занимал высокую

должность кантора собора Парижской Богоматери [25:186-211]. С началом Великой схизмы он был вынужден покинуть Париж и подумывал о том, чтобы уйти в картузианский монастырь. В ответном письме Гроте писал, что Бог не позволит Салварвилле удалиться от мира [24:74]. Ректор латинской школы в Зволле Иоганн Целе (Johannes Cele, 1350–1417 гг.) в юности дал обет стать францискацем. Реакция Гроте на это намерение звучит следующим образом: «Это были просто нашептывания дьявола. Будь счастлив без обета и [без монашеского] одеяния!» [24:37-38]

Готовиться к своей новой жизни Гроте начал с подбора «чисто моральных книг» [24:45], поскольку восстановить церковь в полноте времени Христа возможно, лишь опираясь на знание и книги[5] [24:42]. В конце 1377 г. он вместе с Иоганном Целе отправился в Париж для покупки необходимой ему духовной литературы. На обратном пути они посетили монастырь августинских каноников Грюнендаль близ Брюсселя и имели продолжительные беседы с приором Яном ван Рейсбруком (Jan van Ruysbroek, 1293–1381 гг.). Об этом мы знаем из биографии Рейсбрука, составленной его учеником Генриком Померием (Henricus Pomerius, 1382–1469 гг.). Описывая визит Гроте в Грюнендаль, Померий – и это первое употребление в письменных источниках термина devotio moderna – назвал Гроте “fons et origo modernae devotionis” [27:XI].

Ян ван Рейсбрук знал латынь, но писал свои сочинения на народном языке. Гроте чтил Рейсбрука, и перевел на латынь два самых известных его произведения «Одеяние духовного брака» (“Die cierheit der gheestelijker brulocht”), и «Зерцало вечного спасения» (“Spieghel der eeuwigher salicheit”) для того, чтобы не только нидерландцы, но и образованные люди всей Европы могли читать сочинения великого нидерландского мистика на латыни [28:102-104].

---

[5] …unus est nobis necessarium, si simul currere debemus in edificatione Ecclesie in plenitudinem etatis Christi. Ad edificationem enim querimus et scienciam et libros, ut habundemus.

Книги занимали в жизни Гроте огромное место. «Как Вы знаете, я жаден и ненасытен до книг» [12:67], писал он Рейсбруку. Переписка Гроте показывает, что он донимал всех своих знакомых поручениями по розыску нужных ему произведений, заказами на покупку книг и пергамена, просьбами о копировании. Друзья в Праге делали для него список сочинений Иоанна Златоуста [12:15]. Ученики старших классов латинской школы в Девентере переписывали для него книги и по окончании школы продолжали работать на него. «В настоящий момент пять писцов переписывают «Комментарии на Иоанна» Августина и «Комментарии на Марка» Беды [12:204], – сообщал Гроте амстердамскому священнику Яну ван ден Гронде, который и сам копировал для него книги [12:18]. Фома Кемпийский рассказывает, на какие уловки шел Гроте, чтобы привлечь школяров переписывать книги и слушать слово Божие – он завлекал их благими собеседованиями и платой за работу. А чтобы они чаще посещали его дом, деньги за переписку книг выдавал не сразу, а по частям[6]. Позднее эти школьники составили первую общину братьев совместной жизни.

Ж. Эпине-Бургард справедливо полагает, что Герт Гроте, с его огромной начитанностью в богословской литературе, не примкнул ни к одному из теологических течений своего времени [13:274]. В философии, отмечает Рейнар Пост, Гроте отрицал две вещи: во-первых, бездумное следование Аристотелю, а во-вторых – номинализм, к которому он в свое время примкнул, но затем полностью от него отказался [28:164]. К этому следует добавить, что, начиная от древних греков и до Яна ван Рейсбрука, Гроте отбирал

---

[6] Fecit etiam plures sacrae theologiae libros a scolaribus scribi, quos attraxit colloquiis bonis; ac pretio remuneravit invitans eos ad domum suam venire et verbum Dei sepius audire; ut sic instrueret ad castitatem et vitae emendationem; quatenus aeterne beatitudinis participes fierent; et sanctae novitatis formam arriperent per abrenuntiationem vitae secularis. Interdum quoque pia cautione praehabita, pecuniae summam ex inegro non solvit, sed per partes tribuit: ut frequenter ad eum pro debito tollendo accederent, et tali occasione familiaritatis eius gratiam invenirent.

в философской и богословской литературе те темы, что соответствовали его собственным духовным устремлениям – темы, трактующие вопросы нравственности[7] [23:45]. Он пишет в “Conclusa”: «мудрейшие, такие как Сократ и Платон, повернули всю философию вспять к морали»[8]. [15:373]

Программа чтения Гроте была воспринята его последователями, и определила основы религиозности Devotio moderna [32:415-416]. Из переписки Гроте явствует, что он обращался к первоисточникам христианства – к Евангелию и отцам церкви. Из средневековых богословов Гроте ценил Св. Бернарда за его основательность, и органичную ассимиляцию мыслей Августина и других отцов древней церкви [32:416]. Именно эти книги, в особенности сочинения Августина, требовались ему прежде всего. В одном из писем читаем: «Благодарю за глоссу Сенеки. Самые лучшие для меня книги – это сочинения Амвросия, поскольку у меня нет ни одного; нет также Исидора «О высшем благе», четырех книг Дамаскина, «Регистра» Григория, посланий Августина и Иеронима. Из Августина хотел бы иметь следующие книги «О свободе воли», «О бессмертии душ», «О качестве души», «О двух душах», «О магистре Крещенции», «К Валерии против Фауста», «О крещении младенцев», «Об исключительности крещения», «О букве и духе», «О 83-х вопросах», «Послание к основанию», также «Комментарии к Иоанну», и различные сочинения против ереси донатистов и против других ересей, а именно, против ариан, пелагиан, новициан, манихеев. У меня есть его [Августина] Комментарий на «Книгу Бытия против манихеев». Если Вы перепишете некоторые [из перечисленных выше книг Августина], то я в свою очередь,

---

[7] Gerardi Magni “Et sic convenit michi pro illo, quod est mere morale, sicut si esset ‘Eticorum’, Senece libri, Originalia sanctorum et similia”.

[8] Unde sapientiores omnem Philosophiam ad mores retorquebantur, sicut Socrates et Plato.

перепишу что-нибудь для Вас либо возмещу деньгами»[9]. [23:16]. В других письмах содержатся просьбы переписать сочинения Ансельма Кентерберийского, Иоганна Таулера, Генриха Сузо и Яна ван Рейсбрука.

Фома Кемпийский пишет, что в душе Гроте горел неустанный жар к собиранию книг[10] [34:64]. Одна из глав сделанного им жизнеописания посвящена отношению Гроте к книгам и к чтению Священного Писания [34:64:70]. Фома приводит слова Гроте: «Корень твоего учения и зерцало – в Христовом Евангелии: потому что в нем есть жизнь Христа» [34:87]. Гроте не коллекционеровал книги: его интересовала не красота кодексов [34:65], но извлекаемая из книг польза: «Предпочитаю, чтобы книга служила мне, а не я ей. Книга должна служить пользе читающего» [34:66]. Герту Гроте требовался возможно более точный текст, и он приводил в пример св. Иеронима, предпочитавшего хорошо выверенные кодексы красивым, но неточным [34:66]. Как гуманисты и все последующие поколения ученых-гуманитариев, Гроте видел в книге инструмент своего интеллектуального труда.

---

[9] Regracior vobis in Domino de glosa Senece. Libri originalium, quos opto, sunt libri Ambrosii qualescumque, quia nullum librum suum habeo; Isidorum “De summo bono”; Damasceni quatuor libros; “Registrum” Gregorii; epistolas Augustini et Ieronimi. De Augustino hos libros: Augustinus “De libero arbitrio”, “De immortalitate animae”, “De quantitate animae”, “De duabus animabus”, “De magistro ad Crescencium”, “Ad Valerium contra Faustum” et “De catezizandis rudibus”. “De ordine”, “De baptismo parvulorum”, “De unico baptism”. “De littera et spiritu”, “De 83 questionibus”, “Epistola fundamenti”. Item Augustinum “Super ewangelium Iohannis” et libros diversos et multos, quos scripsit contra heresim Donatistarum et Donatistas diversos et contra diversas alias hereses, scilicet Arrianos, Pelagianos. Novicianos, et Manicheos. Habeo tamen Augustinum “Super Genesim contra Manicheos”. Faciatis aliqua istorum scribi, et ego vice versa faciam vobis scribi, vel pecuniam exponatis nomine meo secundum quod volueritis.

[10] Magnus autem huic venerabili magistro inerat amor legendi scriptuas sanctas: et infatigabilis aestus colligendi libros doctorum, plus quam thesaurus denariorum.

Применительно к интересовавшим его сочинениям Гроте эмпирическим путем нащупывал метод исторической критики. Средневековое представление о книге как о слове записанном и потому неизменном, переросло у него в новое качество. Текст становился рабочим инструментом ученого, позволявшим отделять позднейшие наслоения, и отличать труды одного автора от сочинений другого. Это еще не гуманистическая критика текстов, основанная на фундаментальных филологических знаниях, здесь имеет место другое. В XIV в. на севере Европы, как и в Италии, перед образованными людьми встала задача определить свод произведений наиболее чтимых авторов, и отделить их произведения от многочисленных подражательных сочинений. Эти направления работы с книгой продолжили виндесгеймские каноники. Они комплектовали свои библиотеки религиозной литературой, отыскивая наиболее старые и правильные списки, и сами по мере своих сил выверяли тексты книг Св. Писания и отцов церкви.

В конце XIV в. спрос на книги превышал предложение, и это отчетливо прослеживается в переписке Гроте. Образованные люди соединяли усилия, обмениваясь книгами, и присылая друг другу списки для копирования. На севере Европы в этот процесс были вовлечены также монастыри. Так, Гроте просил монахов Моникхейзена прислать с посыльным отсутствующие у него части «Моралий» Григория Великого и «Жития отцов», обещая быстро переписать их и вернуть в монастырь [23:41]. Свои книжные связи и библиотеку Гроте предоставлял в распоряжение третьих лиц. В письме от 12 февраля 1383 г. он обратился к каноникам Грюнендаля с просьбой выдать один из больших томов Августина, которыми славился монастырь, магистру Б. «Он человек сильный и книга ваша будет под надежной охраной. Но если вы полагаете в этом какой-либо ущерб для себя, я обязуюсь компенсировать вам ваши хлопоты. Если вы захотите переписать какие-либо наши книги, мы

пришлем их вам, как и вы пришлете нам те книги, что могут нам понадобиться»[11] [23:207].

В родительском доме, переданном Гертом Гроте на попечение магистрата Девентера, продолжали жить бедные одинокие женщины. В июне 1379 г. Гроте написал документ, в первых строках которого подчеркнул, что эти бедные сестры не создают новую религию. В соответствии с этим актом женщины обязаны были жить трудом рук своих, нищенство в любой форме категорически запрещалось. Все имущество, имевшееся у каждой из них при поступлении в дом, после смерти его владелицы должно было остаться в общине. Руководство домом возлагалось на старшую сестру. Первым ректором дома стал ученик Гроте Иоганн ван ден Гронде (Johannes van den Gronde, ум. 1392 г.). Этот составленный Гроте документ стал правовой основой существования всех женских домов совместной жизни в Нидерландах.

В конце 1379 г. Гроте был посвящен в низший церковный сан, дававший право на проповедь – сан дьякона, и получил разрешение проповедовать на территории утрехтского диоцеза. Своими проповедями Гроте «зажигал сердца для обращения к Евангелию слова Божьего в городах и в сельских местечках клирикам, мирянам и многим верующим. Слушали его дворяне, схепены, консулы – крепостные и свободные, богатые и бедные, местные и иноземцы» [11:21]. В качестве примера Рудольф ван Дейк приводит зажиточного горожанина в небольшом городке Гренло. После проповеди Гроте и беседы с ним этот человек стал, вместе со своей женой и тремя дочерьми, вести скромную благочестивую семейную жизнь [11:21].

Гроте проповедовал, на народном языке и на латыни, в городах Голландии, Зеландии и в тех районах Брабанта и

[11] Homo est firmus et procul dubio librum vestum in secura custodia habiturus. Et si, quod longe est, aliquid dampnum sentiretis, ego me obligo pro satisfactione copiosa. Et si quos libros nostros desideratis vobis copiari, nos vobis eos, ut vos nobis, quos nos desideramus, transcribi procuremus.

Гельдерна, что относились к утрехтской епархии [7:253-254]. «Вы знаете, – писал Гроте, – как скромна помощь наших ученых теологов неведающим и простым крестьянам. Для меня очевидно, что беднякам и низам общества следует посвятить много пыла и труда, ибо те, кто удален от вершин, более восприимчивы к слову Божию»[12] [23:30-31].

В поездках по стране Гроте сопровождал секретарь, записывавший его проповеди во избежание обвинений в ереси [16:59]. Секретарь возил мешок с книгами и письмами, которые могли понадобиться при подготовке проповедей. Чаще всего это был Иоганн Бринкеринк (Johannes Brinckerinck, 1359–1419 гг.) [37:139-154]. Фома Кемпийский пишет, что в последние годы жизни Гроте и Бринкеринк были неразлучны, как были неразлучны Св. апостолы Лука и Павел [16:59]. Иногда было по две проповеди в день и длились они более трех часов каждая. Церкви не всегда могли вместить всех желающих. Иоганн Бусх сообщает содержание проповеднической деятельности Гроте: «Стремился привести людей к действенному покаянию, к презрению мира и отвращению от грехов, к желанию лучшей жизни. Призывал бояться суда преисподней и вечного огня, старался научить любить царствие небесное, и в блаженстве созерцать Бога и ангелов. Побуждал их к этому всеми возможными способами, словом своим и примером»[13] [16:253]. Бусх перечисляет города, в которых проповедовал Гроте – Утрехт, Девентер, Зволле, Кампен, Амерсфорт, Амстердам, Кампен, Гауда, Лейден, Гент, Зутфен [16:252].

---

[12] Scitis namque quod agrestibus innocentibus et simplicibus modicum est subsidium a doctis nostris theologis <...> mihi visum est simplices pauperes et abiectos et ignaros magno fervore et labore amplecti debere, qui et quanto nudiores ab altis fastigiis tanto verbi Dei receptibiliores sunt.

[13] Ad agendam penitentiam ad mundi contemptum peccati meliores vite desiderium extremi iudicii pavorem eterni ignis infernalis hororem patrie celestis amorem ad dei beatificam visionem et angelorum perpetuam societatem appetendum et exemplis modis omnibus quibus potuit, inducere curavit.

В 1383 г. епископ Утрехта Флоренс ван Вевелинхофен поручил дьякону Герту Гроте прочитать проповедь на синоде утрехтской церкви. В своей проповеди Гроте коснулся двух больных тем – сожительства священников со своими экономками и симонии в среде епархиального клира. Давая самую высокую оценку священническому сану, Гроте говорил: «Что может быть замечательней, чем то, что помимо власти над реальным телом священник получает власть над телом мистическим; [чем то, что] он имеет власть освобождать [от грехов] на земле и открывать небеса или же привязывать к земле и закрывать небеса? О род возвышенный, царственное священство, народ избранный! Бог призвал вас на удивительное таинство, вы свет мира, вы соль земли, вы орудие и глас церкви <...> поистине вы пасете стадо Христово своим словом и своим примером[14]». Но если священник подает дурной пример и уличен в сожительстве, то, полагал Гроте, его следует отлучить от церкви. Далее, тот, кто, зная о грехе, принимает церковное таинство от такого священника, сам совершает смертный грех, а прелат из страха или за деньги покрывающий такого священника, достоин порицания.

Проповедь имела большой успех, но почти сразу к епископу стали поступать доносы на Гроте. Нападки шли с двух сторон. Сожительствующие священники собирали порочащие Гроте сведения, а нищенствующие монахи, доминиканцы и августинцы-иеремиты, требовали применить к последователям Гроте – священникам, живущим в доме Флоренса Радевейнса в Девентере – постановление Вьенн-

---

[14] Quid mirabilius, quam ex potestate supra corpus verum, habere potestate supra corpus misticum, quam solvere in terris et coelum aperire, quam ligare in terris et coelum claudere? O, gens electum, regale sacerdotium, populus acquisitionis! Vos vocavit Deus in admirale mysterium; vos estis sal terrae; vos estis organum et vox ecclesiae ... vos vere pascitis gregem Christi verbo et exemplo // *Sermo magistri Gerardi Magni dicti Groot de focariis*. In: Archief voor kerkelijke geschiedenis inzonderheid van Nederlanden, I. Leiden, 1829, Blz.47-48

ского собора 1312 г. против бегардов и бегинок. Доносы возымели действие и уже осенью 1383 г. епископ Флоренс ван Вевелинхофен запретил Гроте проповедовать в своем диоцезе [38:251]. Гроте старался восстановить свои права и через своего друга, кантора собора Парижской Богоматери доктора богословия Виллема Салварвиллу, послал письмо в Рим к папе Урбану VI. Уже началась Великая схизма и не получив ответа из Рима, он обратился в Авиньон к папе Клименту VII. Занимаясь в это время делами магистрата Девентера, Гроте жил там по нескольку месяцев. Там его хорошо знали и там он ждал ответа от Урбана VI. Он не просил сана священника, хотя достаточно было стать священником, чтобы разом решить проблему с проповедями. Не потому, что он почитал себя недостойным этого сана – ведь боролся же он всеми силами за право поучать тысячи людей! Очевидно, дело заключалось в инстинктивном нежелании связывать себя узами церковной дисциплины.

Все, о чем говорил и писал Гроте, было продумано и глубоко им прочувствовано. При этом масштаб личности Гроте выходил далеко за рамки его идеала, в значительной степени средневекового. Так, он видел путь к очищению общества в раннехристианской общине, но сам в общине жить не мог. В отличие от св. Франциска, Гроте не роздал свое состояние бедным. Свой дом в Девентере он передал магистрату города с тем, чтобы в нем жили благочестивые женщины, но для себя оговорил в пожизненное владение нужную ему часть дома и сада. Свои земли сдавал в аренду, поскольку деньги были нужны ему для поездок с проповедями и для приобретения книг. На смертном одре Гроте завещал построить монастырь для защиты возникающих братств и сестринств совместной жизни от нападок нищенствующих орденов и посоветовал взять для нового монастыря умеренный по строгости, в сравнении с картузианскими и цистерцианскими монастырями, устав августинских каноников [7:264].

Принципиально новым, что явил пример Гроте для своих современников, стала индивидуализация его собствен-

ной религиозной жизни через духовное очищение, о чем он в самом начале своей деятельности писал в “Conclusa”, и проповедь этой индивидуализции другим людям. Сам он не принял ни монашества, ни священства, удовольствовавшись саном диакона, дававшим право на публичную проповедь. Под влиянем его проповедей некоторые горожане в Нидерландах и Вестфалии меняли образ жизни и, объединяясь в небольшие группы, старались претворить идеи учителя в жизнь. Это были священники и клирики – образованные люди духовного звания без пребенд и мест в церковной иерархии [12:12]. В свое время таким клириком в Авиньоне был Франческо Петрарка.

Первым последователем Гроте стал священник Флоренс Радевейнс (Florens Radewijns, 1350–1400 гг.). Радевейнс учился в Праге, после получения в 1378 г. степени магистра искусств вернулся на родину и стал каноником церкви св. Петра в Утрехте. После знакомства с Гроте Радевейнс поменял престижную пребенду в епископском Утрехте на скромное место в соборе Св. Лебвина в Девентере. В его служебном доме по вечерам стали собираться последователи Гроте. Если Гроте зажигал сердца людей, то мягкий уравновешенный Радевейнс умел сплотить их вокруг идеалов своего учителя. В доме Флоренса Радевейнса стали жить священники Иоганн Бринкеринк, Иоганн ван ден Гронде (Johannes van den Gronde, †1392), Ян Вос ван Хейсден (Jan Vos van Heusden, 1363–1424 гг.) и старший брат Фомы Кемпийского Иоганн (1365–1436 гг.). Первой совместной собственностью этой общины стала находившаяся в доме Радевейнса личная библиотека Гроте. В декабре 1382 г. Гроте подписал правовой акт, согласно которому владельцами библиотеки становились он сам, Флоренс Радевейнс и Иоган ван ден Гронде. Если один из трех собственников библиотеки умирал, на его место избирался новый благочестивый член общины (communia libros) [12:72]. Следует отметить, что точные и последовательные действия Гроте в последнее десятилетие его

жизни осуществлялись в полном соответствии с нормами гражданского права. Письма Гроте содержат множество юридических советов и аргументов из области канонического и гражданского права, которыми он щедро делился для блага и помощи другим людям [28:172].

Дожидаясь ответа от папы Урбана VI, Гроте поселился в монастыре августинских каноников Эмстейн, где занялся чтением и переводами. В одном из своих писем Гроте писал, что «воспринимает псалмы как свой диалог с Богом, который дает ему облегчение в трудных ситуациях искушения» [22:38]. В Эмстейне Гроте перевел с нидерландского языка на латынь «Одеяние духовного брака» Рейсбрука [28:102-104], отдав тем самым дань памяти почившему наставнику. Теперь образованные люди всей Европы могли читать сочинение великого брабантского мистика на латыни. Для благочестивых мирян и женщин делал переводы с латыни на народный язык. Для них Гроте скомпоновал часослов на нидерландском языке и перевел 54 псалма, входившие в «Часы вечной Мудрости» Генриха Сузо. Значение этих переводов для духовной жизни Нидерландов трудно переоценить. В Позднее Средневековье часословы были самыми читаемыми книгами, первыми в европейской истории народными молитвенниками [9:210] и предназначались для внецерковной молитвы. В отличие от коллективной молитвы в церкви на латыни, внецерковная молитва на родном языке была личным обращением верующих к богу. Часослов Герта Гроте в переводе на его родной язык стал самой читаемой книгой в Нидерландах в XV в. До наших дней сохранилось более 800 списков этого текста.

Когда на пасху 1384 г. Гроте посетил Зволле, к нему пришли три живших маленькой благочестивой общиной горожанина. Они попросили благословить их на более строгую, т.е. монашескую жизнь. Вместе они обошли окрестности города и Гроте указал им на гору Немелберг как подходящее место для их будущего монастыря. Этим

монастырем стал монастырь Фомы Кемпийского Агнитенберг, освященный в 1398 г.

Гроте умер 20 августа 1384 г., на следующий день после того, как принял последнюю волю умиравшего от чумы горожанина Девентера. По словам Бусха, на смертном одре Гроте завещал основать монастырь для защиты братьев и сестер совместной жизни. Это должен быть не цистерцианский или картузианский монастырь, поскольку уставы этих монастырей слишком строги, но монастырь августинских каноников. Описание последних минут его жизни в изложении Фомы Кемпийского показывает, как воспринимали личность Гроте его проследователи: «Обращаясь к Флоренсу Радевейнсу, Гроте воскликнул: смотри, время мое настало. Августин и Бернард стучат в мою дверь» [35:66].

Друг Гроте Виллем Салварвилла писал в некрологе: «Преставился священной памяти магистр Герард Великий. И поистине великий, ибо во всех свободных, естественных, моральных и прочих науках, в каноническом праве и в теологии, вторым не был. Являл пример святости и служил образцом в умерщвлении плоти, в отрицании преходящих вещей, в презрении мира, в братской любви ко всем, в стремлении спасать души, в действенности проповедей, в осуждении пороков, в противостоянии еретикам, в преследовании, в соответствии с каноническим правом, сожительствующих священников, в обращении к духовной жизни многих мужей и жен, прежде живших по мирским законам, в верности господину нашему папе Урбану VI. Все мною сказанное засвидетельствовано многими тысячами людей, которые верят, что в указанных добродетелях он был не меньшим, чем в вышеперечисленных науках[15]» [23:256].

---

[15] Sancte recordacionis magister Gherardus Magnus feliciter migravit ad Dominum. Et vere magnus, quoniam in omnibus scientiis liberalibus, naturalibus, moralibus, trivialibus, canonicis et theologicis simul in uno suppositi congregatis, nulli erat secundus in orbe. Erat eciam tante sanctitatis et exempli in mortificatione carnis, in abnegacione

Представляется психологически оправданным, что кончина Герта Гроте в 1384 г. стимулировала появление новых домов совместной жизни и их консолидацию. Яркая, сильная личность Гроте привлекала людей и замыкала их на себя. К нему стремились, от него получали импульс к действию. Когда Гроте не стало, его последователи должны были принимать самостоятельные решения. Возникали новые общины. Через год после смерти Гроте в 1385 г. был основан дом священников и клириков в Алмело, в 1392 г. в Пурмеренде, в 1397 г. дома в Амерсфорте и Люйке, в 1400 г. дома в Мюнстере и в Дельфте. Наиболее значимыми для нарождающегося движения стали дом братьев совместной жизни в Девентере (Heer-Florenshuis / St. Hieronimushuis), и дом братьев в Зволле (Domus S. Gregorii / St. Gregoriushuis).

Герт Гроте был сыном купца, знал счет деньгам, умело рассчитывал свои силы и возможности, ставил конкретные и вполне достижимые цели. Бюргер, он чутко уловил потребность горожан в обновлении религиозной жизни. И до него многие пытались восстановить идеалы первоначального христианства. Принципиальным новшеством Гроте стала индивидуализация религиозной жизни человека через духовное очищение, о чем он в самом начале своей деятельности писал в “Conclusa”. Что касается раннехристианской общины, то и здесь он сказал свое слово – обязательный труд, одна из главных бюргерских добродетелей, позволил домам братьев и сестер совместной жизни существовать в Нидерландах и в Германии вплоть до середины XVI в.

---

temporalium, in contemptu mundi, in caritate fraterna ad omnes, in desiderio salutis animarum, in efficacia predicacionis, in reprobacione et dedestacione viciorum, in opponendo se hereticis, in persequendo secundum iura canonica concubina rios, in convertendo ad vitam spiritualem plures viros et mulieres prius secundum mundum viventes, in fidelitate ad dominum nostrum Urbanum sextum, quod multa milia personarum testificarentur de credulitate, quod credunt, eum fuisse non minorem in dictis virtutibus, quam in antedictis scienciis.

Литература

1. *Логутова М.Г.* Истоки и организационные формы «Нового благочестия» / Средние века, 2000. Вып. 61. С. 225–25.
2. *Герт Гроте*. Трактат о четырех родах предметов размышления. Перевод *Хорькова М.Л.* // Символ. Журнал христианской культуры, № 63. Париж-Москва, 2013. С. 11-77; *Хорьков М.Л.* Герт Гроте о духовном таинстве смысла брака // Символ. Журнал христианской культуры, № 63. Париж-Москва, 2013. С. 78-93.
3. *Axters St*. Geschiedenis van de vroomheid in de Nederlanden. T. III. De Moderne Devotie. Anvers, 1956.
4. *Beckett W.N.M.* Adam the Carthusian (supp. fl. 1340) // Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press, 2004.
5. *Bolman A.* Influence of the Devotio moderna in northern Germany // A Companion to Mysticism and Devotion in Northern Germany in the Late Middle Ages. Leiden, 2013.
6. *Bonet-Maury G.* Gerard de Groote, une precurseur de la Reforme au quatorsieme siecle. Paris, 1878.
7. *Busch J.* Chronicon Windeshemense und Liber de reformatione. Halle, 1886.
8. *Daalen Marieke J.G. van*. Bibliografie van de werken van Geert Grote een overzicht van al de uitgegeven werken. Amsterdam, 1997.
9. *Dijk K.Th.M.* Methodologische kanttekeningen bij het onderzoek van getijdenboeken // Th. Mertens. Boeken voor de eewigheid. Middelnederlands geestelijk proza. Amsterdam, 1993.
10. *Dijk R.Th.M. van O. Carm*. Gerard Zerbolt van Zutphen Geestelijke 5. Een gids voor de geestelijke weg uit de vroege Moderne Devotie. Amsterdam, 2011.
11. *Dijk R.Th.M. van O. Carm*. Salome Sticken (1369–1449) en de oorsprong van de Moderne Devotie. Hilversum, 2015.
12. *Engen J. H. van.* Devotio Moderna: Basic Writings. N–Y, 1988.
13. *Epiney-Burgard G*. Gérard Grote (1340-1384) et les débuts de la dévotion modern. Wiesbaden, 1970.
14. *Epiney-Burgard G.* Gérard Grote, fondateur de la Dévotion Modern. Lettres et traites. Brepols, 1998.

15. *Geert Groote.* Conclusa et proposita non vota in Nomine Domini // Thomae Hemerken a Kempis Opera omnia. Friburgi Brisigavorum, 1922. Vol. VII.
16. *Gerrits G.H.* Johannes Brinkerink – Life, Sermons and Thought // Spirituality renewed. *Studies* on *significant representatives* of the *Modern Devotion* / Ed. by *Hein Blommestijn*, *Charles Casper*Hein Blommestijn, Charles Caspers, Rijcklof Hofman. 2003.
17. *Ginneken J. van.* Geert Groote's levensbeeld. Amsterdam, 1942.
18. Henrici Pomerii opusculum tripartitum de Originibus monasterii Viridisvallis in Brabantia, nunc primum editum ex codice Bruxellensi 2926-28 // Analecta Bollandiana. 1885. Vol. 4.
19. *Hofman R.* Geert Groote's choice of a religiouse lifestyle without vous // Inwardness, individualization, and religious agency in the late medieval Low Countries. Studies in the Devotio Moderna and its contexts. Nourhout, 2020.
20. *Kempf N.* Studies in the Christian Thought. Leiden, 1922.
21. Küler W. J. De "Vita Magistri Gerardi Magni" van Petrus Horn in M.S. No. 8849-8859 van de Koninklijke Bibliotheek te Brussell // Nederlands Archief voor Kerkgeschiedenis. 1909. N. Ser. 6.
22. *Lesser B.* Johannes Busch: Chronist der Devotio moderna. Werkstruktur, Überlieferung, Rezeption. Frankfurt-am-Main, 2004.
23. *Mulder W. S.J.* Gerardi Magni epistolae. Antwerp, 1933.
24. *Mulder W. S.J.* Tekstuitgaven van Ons Geestelijk Erf. Vol. 3. Antwerpen, 1933.
25. *Mulder W. S.J.* Guillaume de Salvarvilla // Ons geestelijk erf. Deel V. 1931.
26. *Muden D. R.* Analecta seu vetera aliquot scripta inedita ab iso publici iuris facta. T. 1. Scriptum de Gherardo Grote, Domino Florencio et multis aliis devotis fratribus. Daventrii, 1719.
27. *Post R.* The Modern Devotion. Confrontation with Reformation and Humanismus // Studies in Medieval and Reformation Thought. V. III. Leiden, 1968.
28. *Post R.* Heeft Geert Groote een of twee boeken van Ruusbroec vertaald? // Studia Catholica, 1950.
29. *Rüthing H.* Der Karthäuser Heinrich Egher von Kalkar 1328–1403. Göttingen, 1967.

30. *Scheepsma W.* Medieval Religious Women in the Low Countries. Boydell, 2004.
31. Sermo magistri Gerardi Magni dicti Groot de focariis // Archief voor kerkelijke geschiedenis inzonderheid van Nederlanden, I. Leiden, 1829.
32. *Staubach N.* 'Memores Pristinae Perfectionis' // The Reception of the Church Fathers in the West: From the Carolignians to the Maurists. Ed. Irena Dorota Backus, vol. 1. Leiden; N–Y, 1997.
33. *Sudbrack J.* Existentiellen Christentum. Gedanken uber die Frommigkeit der 'Nachfolge Christi' // Geist und Leben. Zeitschrift fur Aszese und Mystik. N 37. Würzburg, 1964.
34. Thomae Hemerken a Kempis. Opera omnia. V. VII. Friburgi Brisigavorum, 1922.
35. *Tucker L.R.* Devotio Moderna: Confrontations with Scholastic. The University of Sydney, 2021.
36. *Van Engen J.* Sisters and Brothers of the Common Life: The Devotio Moderna and the World of the Later Middle Ages. 2006.
37. *Van Dijk M.* How to be a good shephead in Devotio Moderna. The example of Johannes Brinckerinck (1359–1419) // Nederlands archief voor kerkgeschiedenis / Dutch Review of Church History. Vol. 83 (2003).
38. *Van Dijk R.* Twaalf kapittels over ontstaan, bloei en doorwerking Moderne Devotie. Hilversum, 2012.
39. *Van Zijl T. P.* Gerard Groote, Ascetic and Reformer. Washington: Catholic University of America Press, 1963.
40. *Weiler A.G., Bruin C.C. de, Persoons E.* Geert Grote en de Moderne Devotie. Drie artikelen over Geert Grote (1340–1384) en de door hem geïnspireerde Moderne Devotie. Zutphen, 1984.
41. *Weiler A.G., Bruin C.C. de, Persoons E.* Geert Grote en de Moderne Devotie. Voordrachten gehouden tijdens het Geert Grote congres. Nijmegen, 1985.

ОБРАЗЫ ИСТОРИИ В АНГЛИИ

Елена Давыдовна Браун

ВОЙНЫ РОЗ В «КОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ» ГИЛБЕРТА ЭББОТА (1847–1848)

Аннотация. «Комическая история» Г. Эббота, иллюстрированная карикатурами Д. Лича, вне всяких сомнений оригинальный, достойный уважения и по-своему очень серьезный текст, предоставляющий читателям возможность взглянуть на историю Англии под новым углом. Одной из причин необычайной популярности «Истории» стало то, что она заполнила историографическую лакуну, дала читателям возможность посмеяться над тем, что к середине XIX в. выглядело слишком серьезно, даже пафосно. При этом Г. Эбботу действительно удалось «сочетать развлечение с поучением», книга в полной мере соответствует строгой викторианской морали – все скользкие темы (например, разгульный образ жизни Эдуарда IV Йорка) разумно смягчены или обойдены молчанием. Нарисованная Г. Эбботом и Д. Личем картина Войн Роз весьма интересна. Данный текст балансирует между двумя вариантами интерпретации конфликта. Это характерное для историографии XIX в. неприятие «эпохи гражданских войн» и осуждение признанных виновников распрей (Маргариты Анжуйской, Уорика, Ричарда III). Другая тенденция представлена в популярной и художественной культуре, она связана с постепенным превращением Войн Роз в своего рода квинтэссенцию Средневековья, время последних рыцарей, приключений и интриг; также начался процесс оправдания отрицательных персонажей. Книгу Г. Эббота можно считать «золотой серединой». «Комическая история» содержит смягченные по сравнению с историографией оценки, но описывает эпоху Войн Роз и её героев существенно менее благосклонно, чем это делали художники, литераторы и авторы популярных работ[1].

Ключевые слова: Гилберт Эббот А'Беккетт, Войны Роз, Генрих VI, Маргарита Анжуйская, Эдуард IV, Ричард III, тюдоровский миф, историописание в Англии.

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Об авторе: Браун Елена Давыдовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82; *braun-helen@yandex.ru*

«Комическая история Англии» – интереснейший и крайне увлекательный текст. Книга Гилберта Эббота положила начало целому направлению популярной исторической литературы; под её влиянием был написан длинный ряд сочинений, авторы которых пытались изложить события прошлого в сатирическом духе. В качестве наиболее ярких, запоминающихся примеров можно привести «Юмористические зарисовки из английской истории для детей» [44], две «Комические истории Англии» Билла Ная [43] и С.А. Харрисона [42], и, наконец, стабильно переиздающийся до сих пор образец британского юмора «1066 год и все такое: Незабываемая история Англии, включающая всё, что вы сможете вспомнить, включая 103 хороших события, пять плохих королей и две подлинные даты» [45].

Безусловно, проследить за тем, как «застегнутые на все пуговицы», чопорные англичане XIX в. смеялись над собственным прошлым по меньшей мере любопытно. Однако, в рамках данного небольшого исследования решается гораздо более узкая задача: проанализировать специфическое видение одного из знаковых событий английской истории – конфликта Йорков и Ланкастеров. В отношении интерпретаций Войн Роз XIX столетие особенно интересно. Именно в этот период произошла значимая переоценка политической истории XV в. В XIX столетии Войны Роз не просто получили свое название,[2] этот конфликт наконец начали изучать по современным событиям документам. Кроме того, викторианская эпоха – время принятия,

---

[2] Это произошло с легкой руки культового для викторианской эпохи романиста Вальтера Скотта, популяризовавшего термин «Война Алой и Белой розы» в повести «Анна Герштейнская дева мрака» [33].

популяризации и героизации национального прошлого. В течение XIX в. начинается и набирает обороты процесс постепенного оправдания всех британских монархов. К концу данного столетия мы уже отчетливо видим, как даже те короли, которых историки ранее описывали крайне неприязненно (например, Иоанн Безземельный или Ричард III), обрели своих ревностных защитников.

Очевидно, что «Комическая история» ни в коей мере не является научным сочинением, а её автор – ученым-историком. Гилберт Эббот происходил из семьи потомственных юристов, он получил юридическое образование и успешно делал профессиональную карьеру, в том числе являлся членом коллегии Грейс-Инн. Более всего он известен как журналист и драматург, из-под пера которого вышло более 50 пьес. Не меньшей популярностью пользовались сатирические тексты Эббота. Он редактировал юмористическую газету «Фигаро», был одним из первых сотрудников «Панча», для которого писал до самой смерти, его статьи также публиковались в «Таймз» и «Монинг Херальд». Интересно, что «Комической историей Англии» Гилберт Эббот не ограничился, спустя несколько лет в 1852 г. он написал также «Комическую историю Рима», имевшую не меньший успех [39].

Популярности «Комической истории» в немалой степени способствовали искрометные иллюстрации, созданные известнейшим карикатуристом, также сотрудником «Панча» Джоном Личем (1817–1864 гг.). Любопытно, что в данном случае визуальный и текстовый ряд дополняли друг друга. Карикатуры Лича являются органической частью «Истории», они полностью соответствовали письменному материалу, углубляли и раскрывали его содержание. Стоит отметить, что количество иллюстраций (20 полностраничных цветных оттисков и 200 внутритекстовых гравюр) во всех изданиях указывалось прямо на титульном листе. Кроме того, перечень гравюр был вынесен в отдельное оглавление. Очевидно, это был рекламный ход; авторы и

издатели считали визуальный ряд крайне важным, использовали его для привлечения внимания читателей.

Успех действительно был грандиозный. Подобно многим другим известным текстам XIX в. «Комическая история» в первый раз была опубликована в виде 20 отдельных ежемесячных выпусков в издательстве «Панч», выходивших с июля 1846 по февраль 1848 гг. [1]. Впоследствии любители истории переплетали эти выпуски в один или два отдельных тома; в большинстве букинистических магазинов первое издание «Комической истории» продается именно в такой форме [2, 3, 4][3]. Важно подчеркнуть, специально история данного текста никем не исследовалась. В результате поиска на сайтах ведущих библиотек, интернет-архивов и букинистических магазинов удалось выявить следующие издания: 1850 [5], 1853 [6], 1855 [7], 1857 [8], 1860 [9], 1863 [10], 1864 [11], 1865 [12], 1870 [13], 1880 [14], 1890 [15], 1894 [16], 1897 [17], 1899 [18] гг. и далее (издания XX в. сознательно не прослеживались). Стоит отметить, что все издания практически идентичны. Единственное небольшое отличие можно найти в предисловии. Начиная со второй публикации, оно немного удлиняется. Это было вызвано попыткой авторов объяснить, почему они решили остановить свой рассказ о прошлом Британии на правлении Георга II. Видимо, читатели жаждали более современного материала. Однако Г. Эббот посчитал необходимым заявить, что такое ограничение было сознательным, и явилось следствием нежелания рассказывать о современных королях в столь же легкомысленной форме [19:Vol. 1. V-VI].

К сожалению, установить тиражи публикаций XIX столетия не удалось. В Российской государственной пу-

[3] На букинистическом сайте AbeBooks есть несколько таких экземпляров. На сегодняшний день их можно купить за 440-480 долларов. Переплетенное первое издание также можно купить на сайте Rooke Books за 365 фунтов и на сайте букинистического магазина Midway Used & Rare Books - за 300 долларов.

бличной библиотеке исторической литературы доступно издание 1894 г., на котором тираж не указан. Кроме того, в Интернете можно найти полные (включая фото обложки) pdf-версии экземпляра 1864 г. [19] и недатированного двухтомного издания [20]. В обоих случаях информации о тираже отсутствует. Фотографии, опубликованные на сайтах букинистических магазинов, не содержат необходимых данных. Несмотря на то, что мы не располагаем информацией о количестве проданных экземпляров, частота изданий говорит сама за себя – «Комическую историю» приняли очень тепло. Только в XIX в. она переиздавалась минимум четырнадцать раз и стала значимой частью информационного поля британской историографии.

В этой связи важно подчеркнуть – уже упоминавшийся процесс героизации истории Великобритании был несравненно более заметен в художественной литературе, изобразительной культуре и ненаучных работах. Пожалуй, самым ярким примером такого рода можно считать книги Вальтера Скотта. Известнейший романист превратил конфликт Йорков и Ланкастеров в череду захватывающих приключений. Кроме того, Скотт был большим поклонником супруги Генриха VI Ланкастера Маргариты Анжуйской. В повести «Анна Герштейнская дева мрака» [33] он создал возвышенный, романтический образ обаятельной женщины и истиной государыни, яркой английской патриотки, преданной жены и любящей матери. Это тем более любопытно, что в солидных исторических трудах Маргариту Анжуйскую продолжали описывать в шекспировском духе, её считали вдохновительницей Войн Роз, недалекой, амбициозной женщиной и неверной супругой [37:Vol. 3, 2-7].

Комплиментарная модель трактовки прошлого также нашла отражение в сборнике биографий английских королев [21]. В нём все без исключения государыни описаны в верноподданическом духе – это благородные, добродетельные и в высшей степени достойные леди. Не менее

показателен представленный в сборнике визуальный ряд. Если верить гравюрам А.Д. Бове, владычицы Туманного Альбиона отличались удивительной женственностью и красотой. Впрочем, картину немного портило очевидное сходство государынь – они блистали изысканными, непохожими нарядами, но были в буквальном смысле на одно лицо.

Череду аналогичных примеров можно продолжить, но, думается, основная тенденция ясна. Приглаженной, облагороженной викторианской легенде явно недоставало жизни. На этом однообразном фоне «Комическая история» производила максимально выгодное впечатление. Разительное несходство комической и традиционной версий, возможность посмеяться над привычными объектами поклонения стала, пожалуй, главной причиной успеха книги Гилберта Эббота.

Попытаемся чуть более подробно проанализировать особенности трактовки истории Англии в интересующем нас тексте. Для начала необходимо подчеркнуть – Г. Эббот не счел необходимым перечислить свои источники информации или указать хотя бы некоторые из них, поэтому предположения о круге его чтения остаются именно предположениями. Что касается самого текста «Истории», прежде всего в глаза бросается остроумная, сатирическая подача материала. «Комическая история» написана легким, изящным языком фельетона, способным вызвать улыбку даже у самого флегматичного читателя. Одним из блестящих образцов такого рода можно считать рассказ о смерти герцога Глостера. В 1447 г. этот аристократ был арестован по обвинению в государственной измене, помещен в Тауэр, где через несколько дней скончался при загадочных обстоятельствах. Гилберт Эббот писал: «О причинах смерти герцога Хамфри ходили самые разные слухи: говорили, что она могла произойти от отчаяния, расстройства желудка, апоплексического удара, несчастного случая или разбитого сердца» [19:Vol. 1, 267]. Сплетен о кончине «доброго гер-

цога Хамфри» и в самом деле было немало. Современники писали об отравлении, удушении и даже об утоплении в вине. В «Комической истории» эмоциональный эффект достигался за счет разбавления «солидных», правдоподобных версий откровенно юмористическими – «расстройством желудка» и «разбитым сердцем». Последнее звучит особенно анекдотично, ведь на момент смерти Хемфри Глостеру был уже очень немолод, ему исполнилось 57 лет.

Также стоит обратить внимание на сознательное осовременивание материала. Чтобы сделать рассказ максимально понятным, созвучным реальности середины XIX в., Гилберт Эббот постоянно использовал такие слова как: «правительство», «вотум доверия», «министр», «импичмент», «консерваторы» и т.п. То же самое можно сказать об иллюстрациях – на рисунках Д. Лича мы видим шляпы-цилиндры, солнечные очки, зонтики, саквояжи, упитанных комнатных собачек и другие атрибуты XIX в.

По-видимому, с той же целью – сблизить прошлое и настоящее – Г. Эббот модернизировал мотивы исторических персонажей и антураж. Например, по версии Гилберта Эббота, Генрих VI Ланкастер отправил своего фаворита герцога Саффолка «в отставку» т.к. парламент отказывался выделять королю деньги до тех пор, пока не уберут неугодного «министра». У Генриха VI якобы была специальная папка для счетов, в которую он помещал неоплаченные бумаги. Терпение сюзерена истощилось, когда гора счетов достигла поистине устрашающих размеров [19:Vol. 1, 267]. Всё это очевидно не относится к истории XV в., зато каждый читатель мысленно видел собственную аналогичную папку. Казалось бы, далекий от викторианской эпохи материал вызывал сочувствие и сопереживание.

Также стоит отметить удачный отбор материала. В «Комической истории» речь шла почти исключительно о политической истории (экономика и повседневная жизнь были вынесены в несколько отдельных глав). Т.е. излагался самый занимательный, наполненный событиями пласт

прошлого. Необходимо подчеркнуть, Г. Эббот предпочитал выпускать все спокойные промежутки; в его книге события сменяли друг друга с феерической быстротой, повествование становилось на удивление динамичным. В этом отношении «Комическая история» очень напоминает «Хроники» Шекспира, скорее всего, именно эта драматизованная версия прошлого послужила для Г. Эббота источником вдохновения.

Наконец, имело значение качество иллюстраций. Это настоящие шедевры британского юмора. Например, в сцене подписания Великой хартии вольностей [19:Vol. 1, 110-111] внимание привлекает в первую очередь необычайная длина свитка Хартии (на вскидку около двух метров). Сразу чувствуется и масштаб преобразований, и глубина недовольства короля Иоанна. Не менее примечательна цветная гравюра, иллюстрирующая коронацию Генриха IV Ланкастера (*Илл. 1*) – монарх сидит на троне в исключительно вольной позе (нога на ногу), и к тому же в солнечных очках [19:Vol. 1, 208-209].

Таким образом, сатирический талант Гилберта Эббота и Джона Лича снял с прошлого большую часть обременительной, тяжеловесной позолоты, разрушив привычную величественную картину. Конфликт Йорков и Ланкастеров также должен был предстать в новом свете. Проверим эту гипотезу.

Необходимо ещё раз отметить – к моменту написания «Комической истории» британские историки поставили тюдоровский миф о Войнах Роз под сомнение. Это было связано, в первую очередь с пересмотром комплекса источников. До начала XIX столетия противостояние Йорков и Ланкастеров изучали почти исключительно по сочинениям тюдоровской эпохи – они читались гораздо легче, чем средневековые хроники и в плане языка, и в смысле стилистики, и в силу формы. Печатные тексты XVI в. воспринимать куда проще, чем рукописные документы XV столетия. В XIX в. исследователи обратились к современным собы-

тиям текстам, осуществили их публикацию, что привело к корректировке восприятия конфликта. В результате Войны Роз всё ещё считали трагической эпохой, однако перестали воспринимать как самый кровавый страшный промежуток истории Британии, сомнительное первенство перешло к эпохе Английской революции [30:Vol. 2, 274–275].

В «Комической истории» мы находим примерно ту же картину. «Войны Алой и Белой розы, которые посеяли так много шипов в сердце прекрасной Англии. Странно, что прекрасный цвет розы переродился в один из самых мрачных и меланхоличных оттенков, когда-либо омрачавшей страницы нашей истории» [19:Vol. 1, 270]. С одной стороны, Гилберт Эббот практически повторил слова Шекспира: «Британия безумствовала долго, самой себе удары нанося» [34: Part III. Act V. Sc. V.] С другой – речь всё же идёт об «одном из» трагических моментов. Зато исторические источники Гилберт Эббот воспринимал предельно консервативно – с его точки зрения тексты XV в. не заслуживали доверия. В частности, описывая сражение при Барнете 1471 г., Эббот писал: «Подробности этой битвы никогда не были точно известны, поскольку погода и старые летописи почти одинаково туманны» [19:Vol. 1, 283]. Действительно, 14 апреля 1471 г. сторонники Йорков и Ланкастеров сражались в густом тумане, но аналогичный взгляд на хроники XV в. в викторианскую эпоху уже казался анахронизмом.

Обращает на себя внимание расширенная датировка конфликта. Начало эпохе неурядиц положило восстание Джека Кэда 1450 г., использованное Ричардом Йорком, чтобы заявить свои права на трон. Концом Эббот называет битву при Босворте в 1485 г., но отмечает, что «неспокойные времена» захватывали и правление Генриха VII. Гораздо более типичным было ограничение Войн Роз первым и последним сражениями – битвой при Сент-Олбансе 1455 г. и битвой при Босворте 1485 г. По-видимому, в данном случае Эббот следовал за самыми популярными и читаемыми обобщающими работами – «Историей Англии» Дэвида

Юма 1762 г. и «Историей Англии в Средние века» Шерона Тёрнера (первое издание в 1825 г.). Юм и Тёрнер давали именно такую датировку и отмечали, что главной причиной противостояния Йорков и Ланкастеров стал дисбаланс полномочий внутри аристократии – Генрих VI отстранил от участия в делах государства могущественного Ричарда Йорка, и тот в ответ инспирировал беспорядки, первой волной которых стало восстание 1450 г. [30:Vol 2, 274-275; 37: Vol. 3, 272-276]. Примерно то же самое, только в сатирическом пересказе, писал и Гилберт Эббот.

Главными причинами Войн Роз в «Комической истории» назывались политические амбиции Ричарда Йорка, непопулярность Генриха VI и конфликт аристократов. Всё это вполне стандартно для историографии XIX в. Единственная разница состоит в подаче материала. Приведу конкретный пример. Конфликт фаворита Генриха VI герцога Сомерсета и лидера мятежников Ричарда Йорка изложен в виде словесной перепалки: «Вы преступник и предатель, сэр!» воскликнул Сомерсет, когда вошел Йорк, что вызвало в ответ: «Вы старый мошенник, – и другие насмешки, среди которых громче всех звучало, – Кто присвоил налоги?» [19:Vol. 1, 273-274]. Очевидно, что самая острая реплика о налогах не имела отношения к Войнам Роз, зато была очень близка читателям «Истории».

Для того, чтобы в полной мере почувствовать необычность такого рода освещения истории, имеет смысл обратиться к визуальному ряду. Вышеуказанную ссору в «Комической истории» иллюстрирует карикатура, на которой Йорк и Сомерсет очень похожи на готовых вступить в драку мальчишек (*Илл. 2*). Это ярко контрастировало с привычными англичанам картинами и гравюрами. Чаще всего художники иллюстрировали конфликт Сомерсета и Йорка, ориентируясь на придуманную Шекспиром сцену выбора лидерами «партий» алой и белой роз:

Сомерсет

Пусть тот, кто трусости и лести чужд,
Но искренно стоять за правду хочет,
Со мною розу алую сорвет.

Ричард Йорк

Клянусь душою, бледный, гневный розан
В знак ненависти, сердца кровь сосущей,
Носить я стану и мои друзья,
Пока со мной в могиле не увянет
Иль не достигнет пышного расцвета»

[35: Part I, Act II, Sc. 4]

Живопись и гравюры вполне соответствовали возвышенной подаче материала. В частности, на картине Джона Петти «Сцена в саду Темпля» [32] (*Илл. 3*) мы видим изысканных, благородных аристократов в величественных, полных трагизма позах. Не менее внушительно Сомерсет и Йорк смотрятся на гравюре Джона Гилберта [27]. Также стоит помнить, что середина XIX столетия – это эпоха романтизма, время восторженного почитания Средневековья. «Комическая история» не просто выделялась. Она, что называется, шла против течения, высмеивая то, чем было принято молчаливо восхищаться. В то же время, утверждать, что Гилберт Эббот и Джон Лич просто шутили на тему британской истории, было бы в корне неверно. На первой же странице своей книги они подчеркивали, что пытались «сочетать развлечение с поучением», т.е. преподать привычные моральные сентенции в новой, популярной форме.

Одним из примеров такого морализаторства стало отчетливое преувеличение роли парламента и народа в политической истории второй половины XV в. Г. Эббот полагал, что самый непопулярный король Британии Ричард III Йорк был убит собственными подданными, уставшими от его бесчисленных преступлений, а Эдуарда IV Йорка англичане «законно избрали» на царство [19:Vol. 1,

278]. Указанное избрание стало логическим следствием неспособности его предшественника Генриха VI Ланкастера исполнять свои обязанности. В «Комической истории» недовольные правлением слабого разумом Генриха VI англичане начинают поддерживать оппозицию и в итоге меняют монарха на более способного – сначала право управление было передано Ричарду Йорку, а потом и его сыну Эдуарду IV, т.е. народ показан как активный субъект истории.

Стоит обратить внимание, что в книге Эббота англичане отворачиваются от Генриха VI после якобы имевшего место официального медицинского освидетельствования: «Депутация пэров… сочла Генри совершенным слабоумным, неспособным понять ни слова или произнести хотя бы слог. Депутаты предположили, что его величество, возможно, просто сбит с толку, и удалились, чтобы дать ему время прийти в себя, но по возвращении они застали его в том же состоянии, что и раньше, и то же самое повторилось при третьем посещении». Пэры подумали, что «такого рода вещи просто недопустимы», сообщили об открывшихся фактах парламенту, и Ричард герцог Йоркский, был избран «Протектором и защитником королевства Англия» [19:Vol. 1, 274]. Сам факт помутнения рассудка Генриха VI в 1453 г. не подлежит сомнению, однако решение о назначение герцога Йорка протектором принималось внутри политической элиты, палата Общин не имела к нему никакого отношения. В «Комической» версии истории всё совершенно иначе. Парламентская монархия XIX в. волшебным образом перенесена в далекую эпоху Средневековья.

История Войн Роз в книге Гилберта Эббота излагалась вполне традиционно – по царствованиям, основное место занимали рассказы о действиях того или иного короля. В этой связи любопытно взглянуть на гравюры, открывающие рассказы о правлении английских монархов второй половины XV в. – Генриха VI, Эдуарда IV, Эдуарда V и Ричарда III *(Илл. 4*). Эти изображения имеет смысл воспринимать как своего рода эпиграфы. Мы видим, что Ген-

риха VI Джон Лич предпочел не рисовать, вместо короля он изобразил манекен и горностаевой мантии и короне [19:Vol. 1, 244]. По-видимому, это был намек на недееспособность данного монарха. Эдуард IV показан из последних сил цепляющимся за открывающую главу букву «Е», что более чем созвучно с первыми словами посвященного ему отрезка повествования: «Эдуард, как любой, кому удалось заполучить настолько ценную вещь, как корона, твердо намеревался сохранить ее; не теряя времени, он отправился в провинцию, чтобы подкрепить свои притязания» [19:Vol. 1, 280]. В изображении некоронованного Эдуарда V, считавшегося правителем Англии всего три месяца – с 9 апреля по 25 июня 1483 г., упор сделан на его нежный возраст 13 лет и неспособность управлять страной. Юный государь шатается под грузом огромной короны, которая полностью закрывает его голову и плечи [19:Vol. 1, 289]. Наконец, Ричард III запечатлен размахивающим мечом, с растрепанными длинными волосами и выпученными глазами [19:Vol. 1, 297]. Вероятно, это был намек на знаменитый шекспировский рассказ о битве при Босворте. В одноименной трагедии разъяренный король буквально носился по полю битвы, пытаясь отыскать и умертвить своего главного врага – Генриха VII Тюдора.

Давайте углубимся в детали. Образ Генриха VI получился довольно противоречивым. С одной стороны, Гилберт Эббот устойчиво именовал этого государя «бедный Генрих» или «несчастный Генрих» (poor, unhappy), а также подчеркивал его абсолютную неспособность управлять государством: «Физически он был взрослым, но умственно – карликом… монарх действительно был настолько глуп, что не ведал, что говорит, и ничего не понимал из того, что ему говорили» [19:Vol. 1, 275]. Эта концепция вполне вписывалась в историографическую норму XIX в. [30:Vol 2, 268; 37: Vol. 3, 88-89].

С другой стороны, монархические штампы зачастую оказывались сильнее. В исторической культуре викто-

анской, да и не только викторианской, эпохи настолько прочно укоренилось представление о короле как об активно и самостоятельно действующем политическом субъекте, что словесные конструкции вроде: «король выиграл битву» проскальзывали в текст, что называется, автоматически. Вероятно, именно в силу инерции восприятия в «Комической истории» Генрих иногда оказывался вполне внятным государственным деятелем. Например, король самостоятельно принял решение об удалении в изгнание своего фаворита герцога Саффолка [19:Vol. 1, 268]. Даже рассуждения о крайней непопулярности этого государя создают впечатление обычной политической борьбы, ведущейся равными участниками. Следующая цитата описывает попытку герцогини Глостер в 1442 г. умертвить Генриха VI при помощи колдовства: «Если бы герцогине удалось расплавить самого короля, а не его восковую фигуру, её бы несомненно, простили», но так как покушение не удалось, несчастную приговорили к вечному тюремному заключению [19:Vol. 1, 267]. Столь же нелогично смотрятся отдельные остроумные фразы, которые Гилберт Эббот вложил в уста Генриха Ланкастера. В 1450 г. Ричард герцог Йорк самовольно вернулся из Ирландии. В оправдание он якобы сказал, что «желал бы получить нечто из уст монарха», скорее всего имея в виду королевское прощение и назначение на крупную должность. В ответ Генрих с сарказмом осведомился: «Возможно, зуб?» [19:Vol. 1, 273]. Вероятно, спонтанно проявляющее остроумие Генриха VI обусловлено спецификой подачи материала. Возможность удачно пошутить оказывалась более значимой, чем связность и непротиворечивость повествования.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание в рамках анализа образа Генриха VI – это видимый возраст короля; он всегда показан старше своих лет. Например, на гравюре, иллюстрирующей «отставку» герцога Саффолка, Генриху не меньше сорока пяти, хотя в 1450-м ему исполнилось только двадцать девять. Вообще все карикатуры

«Комической истории» изображают людей средних лет, возможно потому, что над ними психологически удобнее смеяться.

Супруга Генриха VI Маргарита Анжуйская также пала жертвой остроумия Гилберта Эббота и Джона Лича. Неожиданно для всех она стала женщиной-гигантом. Подчеркну, никакой информацией о росте королевы историки не обладают [40], и, если современники хранили на этот счет молчание, значит предмет не заслуживал обсуждения, то есть Маргарита была обычной – не слишком высокой и не слишком маленькой. Визуальных источников, показывающих эту государыню излишне рослой, мне также найти не удалось. Рискну предположить, что таким образом Г. Эббот и Д. Лич пытались высмеять политическую деятельность Маргариты, слишком активную по меркам и XV, и XIX столетия. Любопытно, что придуманный авторами «Комической истории» физический недостаток виден не только в самом тексте: «Большинству англичан она показалась слишком высокой, и действительно, её рост был недостатком, который сложно было не заметить» [19:Vol. 1, 267], но и на гравюре, изображающей свадьбу Маргариты и Генриха [19:Vol. 1, 264-265] (*Илл. 5*). Жених и невеста комически контрастируют в росте. Генриха изобразили чуть не карликом, а Маргарита же возвышается над толпой, супруг едва достает своей нареченной до плеча. Возраст пары столь же разительно не соответствует историческому материалу – им за сорок. На деле Маргарите едва исполнилось пятнадцать, её мужу было двадцать четыре.

В то же время, образ Маргариты никак нельзя назвать полностью негативным, он существенно отличается от классического тюдоровского мифа. Напомню, что в текстах середины-второй половины XVI в. Маргариту Анжуйскую называли главной виновницей гражданской войны, неверной супругой и даже «тигрицей» [35:Part III, Act I, scene 4]. Гилберт Эббот писал иначе: «Прекрасная женщина, но уж слишком решительная, а значит, она была решительно

неприятной» [19:Vol. 1, 267] … «Импульсивная женщина», помыкавшая мужем, и буквально «выпрашивавшая» у всех европейских государей деньги на свои амбициозные проекты [19:Vol. 1, 280]. Данная характеристика подразумевает чрезмерную активность, политическую бездарность и не слишком острый ум, но всё же это на порядок мягче традиционных суждений. Стоит отметить, что для популярных исторических сочинений середины XIX в. характерна именно такая сильно смягченная оценка Маргариты. Практически то же самое, только не в сатирическом, а в нравоучительном духе, мы можем найти на страницах знаменитой «Истории Англии для юных» Чарльза Диккенса. Диккенс описал супругу Генриха VI как «целеустремленную и амбициозную женщину, управлявшую королем по своему желанию» [25:175-176].

Г. Эббот вовсе не пытался представить Маргариту чудовищем, напротив, он наделил королеву несколькими значимыми для викторианской эпохи добродетелями. В «Комической истории» эта государыня стала образцовой женой и матерью. Кроме того, под пером Эббота королева превратилась в рачительную хозяйку, «деловую женщину», отлично контролировавшую доходы, расходы и «распределение средств» [19:Vol. 1, 279]. Такое преображение отчасти можно объяснить внутренней цензурой – писать о супружеской неверности в викторианскую эпоху считалось не слишком приличным, к тому же комическая история предназначалась для семейного чтения [19:Vol. 1, V-VI]. Сыграл свою роль и авторитет защитников Маргариты (Вальтера Скотта и Д. Юма). Наконец, нельзя сбрасывать со счетов общую тенденцию прославления британских королей и королев, а также, что немаловажно, настоящий культ Шекспира. В викторианскую эпоху преклонение перед творчеством великого драматурга достигло такого накала, что всех его героинь начали считать умницами и красавицами. Самым ярким примером указанного отношения можно счесть сборник гравюр Дж. В. Райта «Героини

Шекспира», в котором каждая иллюстрация сопровождалась коротким фрагментом шекспировского текста. Все без исключения дамы в обозначенном издании дивно хороши, и Маргарита Анжуйская не исключение. Дж. Райт нарисовал её изысканно-прекрасной, с огромными глазами, аристократичным лицом и изящной фигурой [31].

При всех своих достоинствах персонаж «Комической истории» изысканностью и аристократичностью не обладал. Чтобы в полной мере почувствовать разницу, стоит сравнить прорисовку одного из хрестоматийных сюжетов – встречи Маргариты и ее сына с разбойником. По легенде это случилось в июне 1460 г., во время бегства королевы в Уэльс после поражения сторонников Ланкастеров в битве при Нортгемптоне. Королева якобы обратилась к напавшему на неё грабителю с просьбой защитить законного короля и тот, преисполнившись верноподданнических чувств, проводил государыню и принца в безопасное место. Этот эпизод рисовали очень часто, только в фондах Британского музея[4] 9 подобных гравюр, созданных с 1759 по 1872 г. [BM № 1891,0511.148; № Y,4.149; № 1868,0808.2833; № 1858,1009.161; № 1872,0113.56; №1978,U.2032]. На них мы видим испуганную, но решительную красавицу, одетую по моде периода создания гравюры, жмущегося к ней ребенка и вполне лояльно настроенного джентльмена удачи с обозначающей его статус обнаженной шпагой (*Илл. 6*). Лич нарисовал примерно то же самое, но в своей манере (*Илл. 7*). Красотой Маргарита Лича не обладает – это весьма корпулентная дама средних лет. Героичности в поступке королевы тоже поубавилось – в классическом варианте мать обнимает сына, на карикатуре Лича выставляет ребенка перед собой, мальчик в ужасе выпучил глаза и неестественно выпрямился [19:Vol. 1, 277]. Разбойник также выглядит несколько более потасканным, чем обычно, и

[4] При ссылке на фонды Британского музея указываются музейные номера экспонатов

вооружен не шпагой, а огромной алебардой. Зато джентльмен удачи широко улыбается и явно не собирается причинять вред членам королевской семьи. Видимо, при работе над «портретом» Маргариты Анжуйской авторы «Комической истории» ориентировались в первую очередь на популярные произведения и художественную культуру, работы признанных историков были для них менее значимыми.

Перейдем к интерпретации личности и правления Эдуарда IV. Образ также получился неоднозначным. Прежде всего, стоит отметить, что для историографии XIX в. Эдуард Йорк был отрицательной фигурой – исследователи осуждали его за безудержное стремление к власти, легкомысленный образ жизни и крайнее женолюбие [37:103-108]. Последнее качество, в силу уже упоминавшейся внутренней цензуры, в «Комической истории» деликатно обойдено молчанием. Единственная деталь личной жизни Эдуарда IV всё же присутствующая в книге Г. Эббота. Это рассказ о его женитьбе, правда значительно измененный. Исторический Эдуард познакомился с Елизаветой Вудвилл, когда молодая вдова пришла просить возвратить её детям имения, конфискованные у семьи за поддержку Ланкастеров. В «Комической истории» сыновья от первого брака деликатно не упоминаются, а обстоятельства встречи переработаны в духе XIX в. Эдуард якобы отделился от свиты во время охоты и случайно встретил прекрасную девушку, сразу же пленившую его сердце [19:Vol. 1, 281]. Правда, молодая женщина виртуозно воспользовалась ситуацией, поскольку «была лучшей выпускницей школы флирта». Более того, по мнению Г. Эббота, это «случайное» знакомство было организовано леди Вудвилл и её матушкой [19:Vol. 1, 281]. Конечно, нарисованной Г. Эбботом картине недоставало привычного величия. В его интерпретации Эдуард – всего лишь жертва ловкой и расчетливой особы. Признанные историки писали если не о любви, то хотя бы о страсти [37:16-17]. И здесь стоит сопоставить визуальный ряд – на карикатуре Д. Лича (*Илл. 8*) мы видим по меньшей

мере сорокалетнего донжуана и кокетливую юную леди с зонтиком и комнатной собачкой [19:Vol. 1, 282]. На гравюре 1830 г. из фондов Британского музея (*Илл. 9*) показана изящная дама в трауре с приличествующим случаю трагическим выражением лица. Вместе с детьми она преклонила колени перед королем [BM № 1978,U.2027]. То есть в стремление Г. Эббота и Д. Лича сделать историю Войн Роз более благопристойной, нередко отступало перед желанием рассмешить читателей, выписав типичные для XIX в. ситуации и характеры.

Легкомысленный образ жизни Эдуарда IV в «Комической истории» также описан весьма деликатно, в частности, ничего не сказано о его приверженности к перееданию и алкоголю. Зато критикуется отношение короля к деньгам: «В этой стране существует старый проверенный коммерческий принцип, согласно которому долг является признаком процветания, и своим успехом Эдуард был обязан тому, что он задолжал огромные суммы лондонским купцам» [19:Vol. 1, 283]. Ясно, что и в этом случае Гилберт Эббот отсылал читателей к современным проблемам. Непогашенные счета, роскошный образ жизни промотавших своё состояние аристократов – всё это было очень знакомо и понятно.

В «Комической истории» Эдуард IV показан жестким, даже жестоким политиком. Авторы осуждают его в первую очередь, за репрессии сторонников Ланкастеров и во-вторую – за казнь собственного брата Джорджа Кларенса. В классических исторических работах картина очень похожая, но с одним существенным различием. Историки викторианской эпохи критиковали Эдуарда IV за пренебрежение столь значимыми для того времени семейными ценностями, но отмечали, что герцога Кларенса казнили за государственную измену. Он был вечно мятежным братом короля и действительно представлял опасность для трона [37:Vol 3. 94]. Гилберт Эббот убрал из происходящего государственную составляющую, в его интерпретации распра-

ва с Джорджем была не только жестокой, но и абсурдной, основанной на откровенно вымышленных обвинениях в колдовстве [19:Vol. 1, 286-287]. По-видимому, в данном случае авторами «Комической истории» двигало стремление преподать читателям как можно более наглядный и доходчивый моральный урок.

Не вполне типичным является тезис о неутешительных итогах правления Эдуарда IV. По мнению Г. Эббота, этот король «потерял по прошествии времени, или, скорее, с течением времени, все, чем он, возможно, когда-то обладал… обманутый своими союзниками во Франции… он принял этот обман так близко к сердцу, что впал в неистовую ярость и умер от нее с поразительной быстротой» [19:Vol. 1, 288]. Разумеется, смерть от «ярости» была выдумана Г. Эбботом чтобы сделать рассказ максимально выразительным. Тем не менее, необходимо отметить, что сама постановка вопроса была непривычной. В трудах признанных историков середины – второй половины XIX в. Эдуард IV характеризуется как неоднозначная, но бесспорно выдающаяся фигура, одаренный воин и политик. Авторы осуждали Эдуарда за жестокость и распутство [37:103-104], но абсолютное неприятие можно найти только в «Конституционной истории Англии» У. Стаббса, где этот государь описан как кровожадный и беспринципный тиран [46:226].

Не менее интересен созданный авторами «Комической истории» образ знаменитого Создателя королей – Ричарда Невилла, 16-го графа Уорика. Эта историческая фигура буквально гипнотизировала англичан, во все века восхищавшихся удивительной легкостью, даже изяществом, с которыми Ричард Невилл распоряжался английским троном. В книге Г. Эббота это качество доведено до абсурда. Уорик «получил прозвище делателя королей из-за своего умения изготавливать королевские изделия с поистине поразительной быстротой. Он способен отчеканить суверена на заказ со скоростью, которой мог бы позавидовать сам монетный двор. Он обеспечивал нового короля в кратчай-

шие сроки, подобно тем поставщикам продовольствия, которые заявляют, что “их обеды всегда готовы”» [19:Vol. 1, 283].

Ещё раз отмечу, такая характеристика полностью совпадала со взглядами большинства англичан, зафиксированными в популярной и художественной культуре. В указанный период Уорика рисовали более чем комплиментарно [36] (*Илл. 10*), столь же хорош Ричард Невилл в опубликованном в 1843 г., всего за несколько лет до «Комической истории», романе Бульвер-Литтона «Последний барон» [23]. Однако, такая оценка отчётливо расходилась с наметившимися в историографии тенденциями. После публикаций хроник 1470-х гг. [24; 29], в которых Ричард Уорик объявлялся главным виновником терзавших Англию беспорядков, светлый образ Создателя Королей изрядно потускнел. Кроме того, сами времена изменились. Чопорная и упорядоченная викторианская эпоха с трудом находила для мятежного лорда добрые слова. Например, Шерон Тернер описывал Уорика как «плохого генерала, вспыльчивого и несдержанного, честолюбивого и неугомонного…, слишком могущественного, чтобы быть лояльным вассалом... короля», но принужденного всегда оставаться за троном, а потому вечно сеявшего смуты и мятежи [37:Vol. 3, 290]. Во второй половине XIX столетия градус негатива только нарастал. У. Стаббс считал Создателя Королей аномалией, маргинальным персонажем, который «выпадает из конституционного развития Англии» [46:226]. Джон Гарднер пошел еще дальше. По мнению этого исследователя, Уорик был эгоистом и предателем, «чья смерть стала истинным благом для государства» [41:186].

Столь явное противоречие отчасти объяснимо, если вспомнить – широкая публика продолжала воспринимать историю как драму героев, а для британской культуры Уорик, разумеется, не кто иной как герой – выдающаяся, почти эпическая фигура. Однако, применительно к тексту «Комической истории» стоит сделать ещё одно уточнение.

В интерпретации Г. Эббота Уорик не создавал королей по своему усмотрению, он был всего лишь «поставщиком», т.е. «изготавливал» государей на заказ. Заказчиками же выступали сами англичане – нация и парламент. В частности, про политическую ситуацию 1469–1470 гг. Г. Эббот писал следующее: Эдуард в тот момент «оценивался очень скромно», поэтому Генрих VI оказался «на высоте… как последняя новинка кухни изобретательного Уорика» [19:Vol. 1, 283]. Иными словами, англичане были недовольны Эдуардом IV, поэтому Ричард Уорик воспользовался ситуацией и оперативно смастерил нового правителя, который на тот момент всех устроил. Таким образом, на страницах «Комической истории» из деструктивной фигуры Уорик преобразился в конструктивную, в человека, выполнявшего волю нации.

В заключение стоит перейти к образу самого знаменитого злодея эпохи Войн Роз – Ричарда III. В «Комической истории» этот государь описан не столь негативно, как этого можно ожидать. Напомню, что в британской историографии Ричард III оставался одиозным персонажем вплоть до середины XX в. Отдельные попытки оправдать этого короля предпринимались, но не исследователями, а энтузиастами, и категорически не воспринимались профессиональным сообществом. Книги Д. Бака [22], Г. Уолпола [38] и К. Халстед [28] как правило просто игнорировались. В «Комической истории» ситуация несколько иная. Г. Эббот вступает в заочную полемику с ричардианцами, что уже можно считать большим шагом вперед. Эббот писал: «Герцог Глостер, у которого, судя по своеобразному строению спины, были достаточно широкие плечи, чтобы вынести все преступления, за которые, возможно, не взялся бы ни один другой владелец. Соответственно, каждое беззаконие, которое невозможно было приписано кому-то другому, обычно добавляется к огромному списку его правонарушений» [19:Vol. 1, 284]. Действительно, на страницах «Комической истории» список противоправных деяний

Ричарда заметно сократился – он не убивал Генриха VI Ланкастера, не принимал участие в убийстве принца Эдуарда Ланкастера, да и вообще не был серийным убийцей. Г. Эббот подчеркивал, что герцог Глостер являлся отличным воином, в частности, успешно сражался за своего брата Эдуарда IV не только в битвах Войн Роз, но и в Шотландии. Однако на этом положительные для Ричарда III суждения заканчиваются. Эббот подчеркивал: «Те писатели, которые защищали герцога Глостера, настаивают, что преступления, которые он совершил, были необходимы, чтобы обезопасить корону; но это не лучшее оправдание, чем у разбойника с большой дороги, который бьет путника по голове, потому что удар необходим для удобного очищения карманов жертвы» [19:Vol. 1, 313].

Интересно мнение Г. Эббота о внешности Ричарда III. «По словам Роуза,[5] который ненавидел его, правое плечо короля было выше левого. Но это очевидное уродство, возможно, возникло из-за того, что на него смотрели несколько односторонне. Его рост был невелик. Но в случае с человеком, который никогда не занимал высокого положения в глазах общества, физически невозможно, чтобы это воспринималось иначе... Уолпол в своих весьма остроумных «Исторических сомнениях» попытался избавиться Ричарда от горба, но, по мнению любого беспристрастного судьи, операция не увенчалась успехом… Черты его лица были определенно привлекательными» [19:Vol. 1, 311]. С одной стороны, такой портрет кажется относительно благосклонным – Г. Эббот отметил привлекательное лицо короля, поставил под сомнение его низкий рост и кривизну плеч. С другой – указанное суждение резко расходилось с изобразительной культурой викторианской эпохи. С гравюр и книжных иллюстраций горб Ричарда исчез ещё во второй половине XVIII в., мне не удалось найти ни одного

[5] Имеется в виду современник Ричарда III, историк-антиквар Джон Роуз (1411–1491 гг.), автор весьма тенденциозной «Истории английских королей».

изображения XIX столетия, на котором этот государь показан горбатым [47:445-467]. Карикатуры Лича – не исключение, в данном конкретном случае визуальный и текстовый ряды расходятся. Любопытно, что других разногласий между Г. Эбботом и Д. Личем не выявлено. Лич рисовал Ричарда III без всякого пиетета, на одной их карикатур он даже изображен с головой и хвостом крокодила [19:Vol. 1, 299], но и в этом случае спина короля не имела видимых дефектов (*Илл. 11*). Рискну предположить, что указанные разногласия обусловлены инерцией материала. Г. Эббот следовал за письменной традицией, в работах историков и популяризаторов истории XIX в. горб Ричарда III неизменно присутствует [37:283-288; 30: vol. 2, 287-293], а Д. Лич ориентировался на визуальный ряд.

Вполне естественно, что Г. Эббот считал Ричарда III виновным в главном из приписанных ему преступлений – убийстве сыновей Эдуарда IV, печально знаменитых тауэрских принцев. Стоит отметить, что для XIX в. эта тема была весьма болезненной, именно в викторианскую эпоху такое преступление казалось вдвойне омерзительным. Во-первых, оно было направлено против родных племянников, то есть наносило удар по культовым для эпохи семейным ценностям. Во-вторых, это был период крайне сентиментального отношения к детству. Выше уже не раз упоминался морализаторский характер «Комической истории». Он проявился и в анализируемом эпизоде. Чтобы показать всю гнусность произошедшего, Г. Эббот и Д. Лич значительно уменьшили возраст мальчиков. Историческим принцам было двенадцать и девять лет. В «Истории» они показаны едва ли не младенцами. Старший принц якобы почти не покидал детской, а младший был настолько мал, что Ричарду Глостеру удалось заманить его в Тауэр «конфетами и игрушками», но даже это средство работало не слишком хорошо: устав от долгой ходьбы, ребенок «начинал плакать и звать маму» [19:Vol. 1, 293]. Очевидно, что это описание никак не подходит к девятилетнему ребен-

ку. Стоит отметить, что занижение возраста принцев для XIX в. было вполне типичным явлением. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть, например, на скульптуру Августы Фримен «Спящие принцы» [26] (*Илл. 12*). Таким образом, в этом отношении «Комическая история» полностью вписывалась и в историографическую, и в художественную традицию.

Важно отметить, что Генрих VII Тюдор также показан без особой симпатии. Ярче всего его образ характеризуют карикатуры Д. Лича. На странице 301 Генрих -–нищий эмигрант: худой, оборванный, с небольшим саквояжем, по-видимому, вмещавшим все его пожитки. На первой странице второго тома мы видим карикатуру-эпиграф к рассказу о правлении этого монарха (*Илл. 13*). На ней Генрих уже заметно поправился, даже обзавелся небольшим брюшком, но положение короля всё ещё кажется незавидным – он показан в напряженной позе, пытающимся удержать корону, балансирующую на острие шпаги – явный намек на политические неурядицы рубежа XV–XVI вв.

Крайне интересна полностраничная цветная карикатура, изображающая битву при Босворте (*Илл. 14*). На ней изображено даже не само сражение, а театральная постановка (видимо из «Исторических хроник»), точнее описанный Шекспиром поединок Ричарда III и Генриха Тюдора [19:Vol. 1, 302-303]. Оба оппонента выглядят одинаково анекдотично – растрепанные, насупленные, раскрасневшиеся, неуклюже размахивающие деревянными рапирами, в окружении перекусывающей, скрытой кулисами массовки. Текст в полной мере соответствовал комизму изображения. Г. Эббот применил простой, но безотказный риторический приём – пересказал соответствующий эпизод шекспировской трагедии простым, даже незамысловатым языком. Позволю себе длинную цитату: «Затем поле, по-видимому, полностью очистилось, и Ричард побежал по нему, страшно запыхавшись, фехтуя рапирой в пустоту и громко требуя коня в обмен на свое королевство, хотя

четвероногого нельзя было получить ни за любовь, ни за деньги. Затем, кажется, он громко звал Ричмонда и утверждал, что уже убил его пять раз, из чего следует вывод, что у хитрого Генри было не менее полудюжины доспехов, сделанных одинаково, чтобы ввести в заблуждение своего противника. Потом Ричард бросился прочь, подпрыгивая и гонясь за каким-то воображаемым врагом, и Ричмонд занял поле; когда Ричард, случайно вернулся они несколько секунд стояли, глядя друг на друга… Затем два претендента на трон насторожились, и последовал прекрасный поединок по фехтованию, свидетелей которому не было. Нападавшие обменялись несколькими комплиментарными речами; время от времени бойцы останавливались, чтобы в полной мере оценить галантную выправку друг друга. Однако бизнес есть бизнес, и в данном случае дело кончилось тем, что победоносный Ричмонд одолел Ричарда» [19:Vol. 1, 302]. Не ограничиваясь этой сатирой, Гилберт Эббот добавил к ней не менее едкое стихотворение, также описывающее битву при Босворте. Словом, знаменитый сатирик прошелся по культовому эпизоду английской историей со всем доступным ему сарказмом.

***

Подведем итоги. Историческая память может быть зафиксирована в очень разных формах. «Комическая история» Г. Эббота, иллюстрированная карикатурами Д. Лича, вне всяких сомнений оригинальный, достойный уважения и по-своему очень серьезный текст, предоставляющий читателям возможность взглянуть на историю Англии под новым углом. Одной из причин необычайной популярности «Истории» стало то, что она заполнила историографическую лакуну, дала читателям возможность посмеяться над тем, что к середине XIX в. выглядело уж слишком серьезно, даже пафосно. При этом Г. Эбботу действительно удалось «сочетать развлечение с поучением», книга в полной мере соответствует строгой викторианской морали –

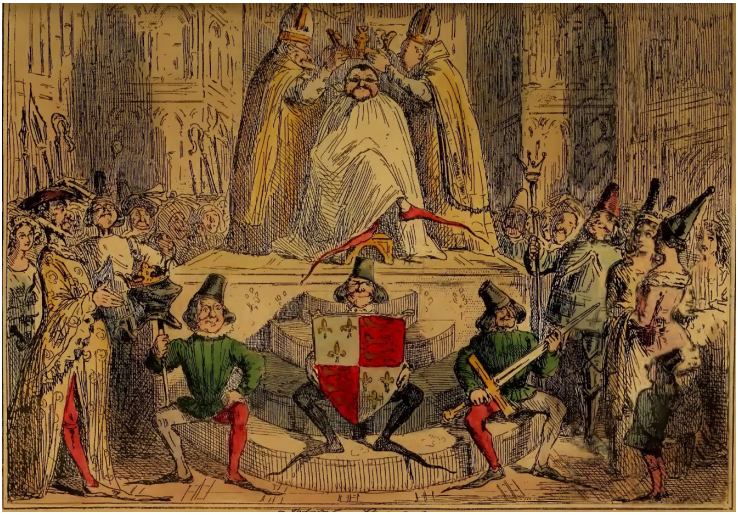
все скользкие темы (например, разгульный образ жизни Эдуарда IV Йорка) разумно смягчены или обойдены молчанием.

Нарисованная Г. Эбботом и Д. Личем картина Войн Роз весьма интересна. Данный текст балансирует между двумя вариантами интерпретации конфликта. Это характерное для историографии XIX в. неприятие «эпохи гражданских войн» и осуждение признанных виновников распрей (Маргариты Анжуйской, Уорика, Ричарда III). Другая тенденция представлена в популярной и художественной культуре, она связана с постепенным превращением Войн Роз в своего рода квинтэссенцию Средневековья, время последних рыцарей, приключений и интриг; также начался процесс оправдания отрицательных персонажей. Книгу Г. Эббота можно считать «золотой серединой». «Комическая история» содержит смягченные по сравнению с историографией оценки, но описывает эпоху Войн Роз и её героев существенно менее благосклонно, чем это делали художники, литераторы и авторы популярных работ.

Сокращения

BM – British Museum. Official website. URL: https://www.britishmuseum.org/

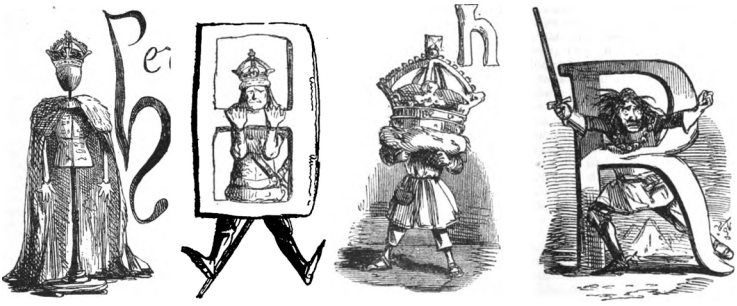
Приложение к статье. Иллюстрации



Илл. 1. Коронация Генриха V. Карикатура Дж. Лича // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 1. С. 208–209.

Илл. 2. Ссора Сомерсета и Йорка. Карикатура Дж. Лича // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 1. С. 274.

Илл. 3. Джон Петти. Сцена в саду Темпля. Галерея искусств Уолкера, Ливерпуль.



Илл. 4. Карикатуры Дж. Лича, открывающие рассказы о царствованиях Генриха VI, Эдуарда IV, Эдуарда V и Ричарда III. // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 1. С. 244, 280, 289, 297.

Илл. 5. Свадьба Генриха VI и Маргариты Анжуйской. Карикатура Дж. Лича // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 1. С. 264–265

Илл. 6. Маргарита Анжуйская и разбойник. Гравюра А. Смита. 1810. Британский музей, Лондон. Номер экспоната 1872,0113.56.

Илл. 7. Маргарита Анжуйская, её ребенок и великодушный разбойник. Карикатура Дж. Лича // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 2. С. 277.

Илл. 8. Эдуард IV знакомится с Елизаветой Вудвилл. Карикатура Дж. Лича // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 1. С. 282.

Илл. 9. Леди Элизабет Грей умоляет Эдуарда IV защитить ее детей. Гравюра Дж. Роджерса. 1830. Британский музей, Лондон. Номер экспоната 1978,U.2027

Илл. 10. Трешам Г. Клятва графа Уорика перед битвой при Таутоне. 1797. Манчестераская художественная галерея.

Илл. 11. Герцог Глостер утром отправляется к своим маленьким племянникам. Карикатура Дж. Лича // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 1. С. 299.

Илл. 12. Фримен А. Принцы, спящие в Тауэре. 1862. Художественная галерея и музей Рассела-Котса, Борнмут, Великобритания.

Илл. 13. Карикатура Дж. Лича, открывающая рассказ о царствовании Генриха VII // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 2. С. 1.

Илл. 14. Битва при Босворте. Карикатура Дж. Лича // А'Беккет Г.Э. Комическая история Англии. В 2 т. Л., 1864. Т. 1. С. 302-303.

Литература

Источники

1. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: L: Punch Office, 1846-1848. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.baumanrarebooks.com/rare-books/leech-john-abeckett-gilbert-a/comic-history-of-england-the-comic-history-of-rome/113302.aspx свободный (дата посещения 08.05.2024).
2. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury & Agnew, 1847. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/book-search/title/comic-history-england-abbott/author/abeckett-gilbert-john-leech/ свободный (дата посещения 08.05.2024).
3. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury & Agnew, 1847. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.rookebooks.com/1847-48-the-comic-history-of-england свободный (дата посещения 08.05.2024).
4. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury & Agnew, 1847. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.midwaybook.com/pages/books/70348/gilbert-abbott-abeckett-john-leech/the-comic-history-of-england-in-two-volumes свободный (дата посещения 08.05.2024).
5. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury Evans & Co., 1850. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/book-search/title/comic-history-england-abbott/author/abeckett-gilbert-john-leech/ свободный (дата посещения 08.05.2024).
6. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Punch Office, 1853. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/servlet/BookDetailsPL?bi=31373483894&searchurl=spo%3D30%26sortby%3D17%26tn%3Dcomic%2Bhistory%2Bengland%26p%3D2%26an%3Dgilbert%2Babbott%2Babeckett%26sp%3D1&cm_sp=snippet-_-srp2-_-title22 свободный (дата посещения 10.05.2024).
7. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury Evans & Co., 1855. Электронный ресурс. Режим доступа

https://www.abebooks.com/servlet/BookDetailsPL?bi=30163901599&searchurl=spo%3D60%26sortby%3D17%26tn%3Dcomic%2Bhistory%2Bengland%26p%3D3%26an%3Dgilbert%2Babbott%2Babeckett%26sp%3D1&cm_sp=snippet-_-srp3-_-title23 свободный (дата посещения 10.05.2024).

8. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury Evans & Co., 1857. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/servlet/BookDetailsPL?bi=1198565507&searchurl=spo%3D90%26sortby%3D17%26tn%3Dcomic%2Bhistory%2Bengland%26p%3D4%26an%3Dgilbert%2Babbott%2Babeckett%26sp%3D1&cm_sp=snippet-_-srp4-_-title24 свободный (дата посещения 10.05.2024).
9. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. London. The Punch Office and Bradbury & Evans. 1860. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.russellrarebooks.com/item/6583/beckett-gilbert-abbott-a-1811-1856/the-comic-history-of-england-2-volumes-and-the-comic свободный (дата посещения 10.05.2024).
10. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury Evans & Co., 1863. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/book-search/title/comic-history-england-abbott/author/abeckett-gilbert-john-leech/ свободный (дата посещения 10.05.2024).
11. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Punch Office, 1864. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/servlet/BookDetailsPL?bi=31475989460&searchurl=spo%3D30%26sortby%3D17%26tn%3Dcomic%2Bhistory%2Bengland%26p%3D2%26an%3Dgilbert%2Babbott%2Babeckett%26sp%3D1&cm_sp=snippet-_-srp2-_-title1 свободный (дата посещения 10.05.2024).
12. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury & Evans, 1865. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/servlet/BookDetailsPL?bi=22773920528&searchurl=spo%3D60%26sortby%3D17%26tn%3Dcomic%2Bhistory%2Bengland%26p%3D3%26an%3Dgilbert%2Babbott%2Babeckett%26sp%3D1&cm_sp=snippet-_-srp3-_-title4 свободный (дата посещения 10.05.2024).

13. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury, Agnew, & Co, 1870. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/servlet/BookDetailsPL?bi=30831907057&searchurl=spo%3D60%26sortby%3D17%26tn%3Dcomic%2Bhistory%2Bengland%26p%3D3%26an%3Dgilbert%2Babbott%2Babeckett%26sp%3D1&cm_sp=snippet-_-srp3-_-title18 свободный (дата посещения 10.05.2024).
14. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury Evans & Co., 1880. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/book-search/title/comic-history-england-abbott/author/abeckett-gilbert-john-leech/ свободный (ддата посещения 10.05.2024).
15. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. L: Bradbury Evans & Co., 1890. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/book-search/title/comic-history-england-abbott/author/abeckett-gilbert-john-leech/ свободный (дата посещения 10.05.2024).
16. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. London-New York: Routledge,Dutton, 1894.
17. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. London: John Dicks Press. 1897. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/book-search/title/comic-history-england/author/gilbert-abbott-abeckett/ свободный (дата посещения 10.05.2024).
18. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. London: John Dicks Press, 1899. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.abebooks.com/servlet/BookDetailsPL?bi=31789934334&searchurl=spo%3D30%26sortby%3D17%26tn%3Dcomic%2Bhistory%2Bengland%26p%3D2%26an%3Dgilbert%2Babbott%2Babeckett%26sp%3D1&cm_sp=snippet-_-srp2-_-title12 свободный (дата посещения 10.05.2024).
19. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. In 2 vol. London: Bradbury Evans & Co., 1864. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.loc.gov/item/15014139/ свободный (дата посещения 10.05.2024).
20. *A'Beckett G.A.* The comic history of England. London: Bradbury, Agnew, N.D. Электронный ресурс. Режим до-

ступа https://archive.org/details/dli.ministry.11308/E16834_The_Comic_history_of_England_Vol_1/page/429/mode/2up сввободный (дата посещения 10.05.2024).
21. Biographical Sketches of the Queens of Great Britain from the Norman Conquest to the Reign of Victoria: or, Royal book of beauty, by Mary Howitt.1851.
22. *Buck G.* The History of the Life and Reigne of Richard the Third. L., 1647.
23. *Bulwer-Lytton E.* The last of the barons. Philadelphia, J. B. Lippincott & co., 1867. Электронный ресурс. Режим доступа https://www.loc.gov/resource/gdcmassbookdig.lastofbarons00lytt/?sp=8&st=pdf свободный (дата посещения 10.05.2024).
24. Chronicle of the rebellion in Lincolnshire, 1470 // Camden Society, Miscellany. Vol. 1. L., 1847.
25. *Dickens C. J.* A child's history of England, V. II. - 1-е изд. – London: Bradbury & Evans, 1853.
26. *Freeman A.* The Princes Sleeping in the Tower. Russell-Cotes Art Gallery & Museum. 1862.
27. *Gilbert J.* Scene in the Temple Garden // The Works of Shakespeare / Ed. by Howard Staunton with the Illustrations by John Gilbert. In 3 vol. L., 1865-67. Vol. 2. P. 300
28. *Halsted C.A.* Richard III as Duke of Gloucester and King of England. L., 1844.
29. Historie of the Arrivall of Edward IV. in England and the Finall Recouerye of His Kingdomes from Henry VI. A.D. M.CCCC. LXXI // Camden Society, Miscellany. Vol. 1. L., 1838.
30. *Hume D.* The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. In 6 vols. Indianapolis: Liberty Fund, 1983.
31. Marguerite of Anjou. An engraving from a drawing by J. W. Wright // The Heroines of Shakespeare: comprising the principal female characters in the plays of the great poet, by Charles Heath, 1848
32. *Pettie J.* Scene in the Temple Garden. Walker Art Gallery, Liverpool

33. *Scott W.* Anne of Geierstein, or The Maiden of the Mist. Edinburgh, 1829.
34. *Shakespeare W.* The Tragedy of Richard the Third. From Mr. William Shakespeares comedies, histories, & tragedies: published according to the true originall copies. L., 1623.
35. *Shakespeare W*. Henry VI. / Ed. M. Hattevey. Cambridge, 1993.
36. *Tresham H.* The Earl of Warwick's Vow before the Battle of Towton. 1797; Manchester Art Gallery.
37. *Turner S.* The history of England during the Middle Ages. Vol. 3. L, 1853.
38. *Walpole H.* Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard the Third. L., 1768

Исследования

1. À Beckett, Gilbert Abbott // Dictionary of National Biography. Vol. 1. London: Smith, Elder & Co.б 1885. p. 30-33.
2. *Arman J.* Margaret of Anjou. Stroud, 2023.
3. *Gairdner J.* The Houses of Lancaster and York. L., 1874.
4. *Harrison C.A*. Humorous History of England. L., 1920
5. *Nye B.* Comic History of England. Chicago, 1896.
6. *Seccombe T.S.* Comic sketches from English history for children of various ages. L., 1884
7. *Sellar W.C., Yeatman R. J.* 1066 and All That: A Memorable History of England, Comprising All the Parts You Can Remember, Including 103 Good Things, 5 Bad Kings and 2 Genuine Dates. L., 1930.
8. *Stubbs W.* The constitutional history of England, in its Origin and Development, Cambridge, 2011.
9. *Браун Е.Д.* Ричард III. М., 2020.

Марина Павловна Айзенштат

ИСТОРИЯ В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ БРИТАНИИ НАЧАЛА XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ «ЭДИНБУРГСКОГО ОБОЗРЕНИЯ»)

Аннотация. Автор анализирует состояние книжного рынка Британии, сведения о котором помещал шотландский ежеквартальный журнал «Эдинбургское обозрение» в каждом номере. Журнал выходил с 1802 г. и был популярен в британском обществе. В его номерах помещались обзоры содержания книжных новинок по различной тематике, а также списки вышедших из печати книг. Основное внимание в статье уделено публикациям по истории в 1802-1815 гг. Их количество оставалось стабильным, но уступало литературе других жанров. Между тем, события военных лет отразились на тематике разнообразных изданий: биографий и исторических сочинений. Издатели откликались на современные события и события недавней истории, удовлетворяя интерес публики к истории народов, втянутых в перипетии наполеоновских войн, а также жизнеописаниям современных и древних политиков и полководцев.

Ключевые слова: Великобритания, издательская практика, журналистика, историческое знание, The Edinburgh Review, наполеоновские войны.

Об авторе: Айзенштат Марина Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а; m.aizen@mail.ru

В XVIII столетии в Британии существенно расширилась роль прошлого в общественно-политической, частной и интеллектуальной жизни общества. Оно превратилось в важный компонент выработки политической культуры, предметом размышлений политиков и интеллектуалов, укоренилось в воспитании подрастающего поколения. Вместе с тем история сохраняла значимость в качестве источника мудрости и морально-этических ориентиров [5].

Революция 1789 г., слом институтов Старого порядка, как во Франции, так и государствах континентальной Европы по времени совпало с начальным этапом промышленной революции в Британии, укоренением идеи развития, цивилизации. О том, в какой мере все эти события сказались на восприятии прошлого в Соединенном королевстве, смогли ли новые веяния потеснить прошлое в политической культуре, понизить или повысить интерес к нему читателей и издателей, позволяют выявить публикации «Эдинбургского обозрения». Ежеквартальный шотландский журнал с начала XIX в. выходил в Эдинбурге. Наряду с анализом содержания разнообразных по содержанию книг каждый выпуск имел специальный раздел, где был помещен перечень наиболее значимых книг, опубликованных в Британии и других странах Старого и Нового света. Как сами обзоры, так и списки книг предоставляют богатый материал для исследования состояния книжного рынка, которое будет рассмотрено на примере первых лет существования журнала вплоть до завершения наполеоновских войн.

С изобретения книгопечатанья и его укоренения в жизни средневекового общества состояние книжного рынка и, прежде всего, литературы по истории являлось одним из важных показателей состояния исторического знания. Однако его изучение с привлечением анализа издательских практик только начинает осуществляться на материале Средневековья [7]. Между тем, подобный подход позволяет существенно расширить представление о предпочтениях издателей и читателей, выявить номенклатуру исторической литературы более поздних периодов истории страны. Анализ публикации книг исторического содержания в Новое время в настоящей статье осуществлено впервые. При этом избран один из драматических, сложных периодов истории Британии, с которым совпало первое десятилетие издания журнала.

Разнообразная печатная продукция – газеты, журналы, памфлеты, небольшие книги и солидные фолианты, раз-

личные парламентские, экономические и просветительские издания – к концу XVIII столетия прочно вошла в жизнь британского общества, что стало следствием ряда факторов социально-политического и экономического характера. Среди них необходимо выделить рост экономики, развитие типографского дела, увеличение численности городского населения, распространение грамотности, в чем особо преуспели в Шотландии. Там к этому времени действовала одна из самых передовых на тот момент в Европе система образования, которую характеризовала секуляризация преподавания и ориентация на практические проблемы. Введено всеобщее начальное образование. Наиболее талантливых учеников за счет прихода направляли продолжать учебу в университеты, которые превратились в центры интеллектуальной мысли благодаря выдающимся преподавателям [4:9]. Сказывалось и длительное сохранение интеллектуальных связей с Францией, где в XVIII столетии утверждались просветительские идеи, распространялись гуманистические взгляды. В совокупности все это предопределило своеобразие идей шотландского Просвещения, повышенный интерес к праву, истории, философии, экономике. [6:209-210]. Столица, крупные портовые города, а главным образом, университеты быстро превращались в культурные и научные центры становления просветительской мысли. Она была направлена на утверждение значимости человеческого разума, способного осуществить изменения в обществе к лучшему, особенно в области экономики и умеренных политических реформ. Распространению идей просветителей способствовало создание научных и культурных объединений, интеллектуальные связи с англичанами и европейцами. Свою роль в распространении идей сыграло посещение Шотландии английской молодежью после окончания университетского курса для завершения образования. Тем самым, интеллектуальные изыскания Шотландии получали распространение в Англии. Немаловажным атрибутом этого процесса

была печать, в том числе издававшиеся в Шотландии газеты, журналы и книги.

В 1755 г. группа просветителей предприняла попытку издания собственного журнала в целях просвещения читателей. Среди обилия подобного рода журналов их начинание не привлекло внимания. Детище просветителей просуществовало недолго, на следующий год оно закрылось, но сама идея осталась. Почти через 20 лет, в 1773 г. началось издание «Эдинбург мэгэзин энд Ревью». Оно издавалось несколько дольше своего предшественника, но в 1776 г. прекратило свое существование. Более счастливая судьба выпала на долю третьего «Эдинбургского обозрения», первый номер которого вышел в октябре 1802 г. «Обозрение» издавалось вплоть до 1929 г., став наряду с «Джентльменс мэгэзин» одним из долгожителей книжного рынка, а с 1984 возродилось под новым названием.

Основателями третьего «Обозрения» стали Френсис Джеффри, Сидни Смит, Генри Брум, Фрэнсис Хорнер и другие.

Френсис Джеффри (1773–1850 гг.) обучался в университетах Эдинбурга и Оксфорда, был практикующим адвокатом. На протяжении 26 лет являлся редактором и издателем журнала. Основной принцип его критики заключался в поиске и установлении связи между произведениями искусства и чувством долга, а также нравственностью, т.е. связи между этикой и моралью. В 1830 г. Джеффри получил пост лорда-адвоката Шотландии, заседал в парламенте. В 1834 г. – назначен судьёй в Шотландии и возведен в лорды.

Англиканский священник и английский писатель Сидней Смит (1771–1845 гг.) родился в семье торговца. Окончил Винчестер колледж, затем университет Эдинбурга; изучал философию в Оксфорде. Сидней отредактировал первый номер «Обозрения», вскоре после его публикации переехал в Лондон, где быстро стал популярным проповедником. Благодаря женитьбе брата Сиднея на одной из

представительниц семейства Холландов, Смит сблизился с лордом Холландом и благодаря ему вошел в круг столичных вигов. Помимо литературного дарования Смит обладал юмором и слыл острословом. Он также получил известность в связи с твердой позицией в отношении так называемой «эмансипации» католиков, полагая, что им должны быть предоставлены гражданские и политические права наравне с англиканами.

Генри Брум (или Брогэм) (1778–1768 гг.), государственный деятель, блестящий оратор, член Лондонского королевского общества. Первым наставником юного Генри был его дядя – историк Робертсон. После окончания Эдинбургского университета занялся адвокатской практикой. Брум являлся убежденным сторонником отмены ограничений в торговле и запрета работорговли, с 1815 г. на парламентских выборах неизменно избирался в Палату общин. С 1830–1834 гг. занимал пост лорда-канцлера государства. После отставки отошел от вигов, занял позицию независимого депутата, впоследствии стал влиятельным пэром верхней палаты.

Фрэнсис Хорнер (1778–1817 гг.) родился в семье торговца льном. Обучался в университете Эдинбурга. Намереваясь стать адвокатом, любознательный юноша изучал латинский и греческий языки, интересовался математикой, натурфилософией, историей римской юриспруденции; посещал лекции по логике, морали, риторике. Получил квалификацию адвоката в Шотландии, впоследствии – в Лондоне в Линкольн Инн. С 1806 г. – член палаты общин. Критиковал Хлебные законы, разделял идеи аболиционистов.

Они принадлежали к одному поколению, которое взрослело в 1780–90-е годы в атмосфере просветительских идей Эдинбурга. Они получили образование в колледжах университета столицы Шотландии, где имели возможность впитать либеральное мировоззрение. Объединяло их видение путей решения острых проблем современности в изменении экономической политики и системы представитель-

ства на парламентских выборах. Общность политических взглядов, носивших умеренный либеральный характер, являлась важным фактором их единения. В равной мере они были противниками как усиления королевской власти, так и решительных требований перемен радикалов. А долг монарха они видели в шагах, направленных на улучшение жизни людей. Они признавали право народа на сопротивление негодному правителю, но осуществляемого строго в законных рамках. Выступали за снятие напряженности между двумя противостоявшими лагерями – сторонников усиления королевской власти и радикалов с их требованиями кардинальных перемен – и призывали к поиску взаимопонимания и компромиссов [1: v.IV:370; v.X:406-413; v.XV: 504,507-510; v.XXI: 152-153].

За исключением С. Смита они получили юридическое образование, занимались адвокатской практикой. Однако существовали и различия, не оказавшие, впрочем, серьезного влияния на их сотрудничество. Они принадлежали к семьям различного социального статуса и материального достатка, в детстве получили разное воспитание и образование. В складывании их судеб сказались не только передовые взгляды, но и традиции, связанные с выбором профессии. Как отмечал исследователь истории Шотландии В.Ю. Апрыщенко: «В XVIII в. стало распространенной практикой, что выходцы из семей джентри пополняли слой шотландского среднего класса. Так, зачастую землевладелец средней руки одному сыну передавал землю, второго отправлял на обучение в Духовную семинарию, третьего – на Факультет адвокатов, а четвертый отправлялся в колонии» [6:126]. И только Смиту, увлекавшемуся философией, по настоянию отца пришлось принять сан англиканского священника вопреки собственным устремлениям.

Не удивительно, что именно в их кругу утвердилась идея о возрождении «Эдинбургского обозрения» в новом оригинальном формате. В отличие от журналов рубежа веков («Литературный журнал», «Британское обозрение»,

«Эклектическое обозрение», «Филантроп», «Антиковед», «Сент-Джеймская хроника» и других) «Обозрение» задумывалось, как издание, которое должно было последовательно освещать и разъяснять просветительские, умеренно-либеральные представления о мире, обществе и человеке, научных достижениях. Учредители отказались от сложившейся практики журналов того времени и не намеревались помещать материалы о текущих новостях, преступлениях, свадьбах, рождении детей и смерти, отрывки из литературных и исторических произведений. Предполагалось, что «Обозрение» будет посвящено исключительно критическому разбору книг, опубликованных в Эдинбурге, Лондоне, Париже и других городах. Притом проблематика таких изданий была весьма широка – минералогия, оптика, финансы, торговля, история, литература, поэзия, образование, новации в кулинарии и многое другое. Относительно небольшой второй раздел содержал перечень опубликованных книг, который помещался в конце каждого номера. Такая структура сохранялась на протяжении всего времени существования издания. Тем самым ежеквартальное обозрение заняло собственную нишу среди печатной продукции, осуществляя важные функции присущие прессе – информировать читателя, формировать и отражать общественное мнение. Оно предоставляло читателям сведения о выходе новых книг в перечне и о содержании наиболее заметных сочинений в обзорах в контексте своих взглядов, способствуя формированию мировоззрения читателей. С первых номеров издание получило широкую известность, превратившись в одно из наиболее востребованных публикой, что отразило настрой в обществе. Для вигов умеренных либеральных взглядов обладание комплектами номеров журнала стало не просто обычным делом, а скорее интеллектуальным, мировоззренческим кодом, свидетельствовавшем о позиции владельца [11:102]. Среди многочисленных рецензируемых книжных изданий немаловажное место занимали разного рода исторические

произведения. Тем самым, «Обозрение» могло удовлетворить самого взыскательного читателя, интересовавшегося состоянием естественных наук, литературой и историей, позицией либералов по широкому кругу проблем. Журнал выходил ежеквартально, полугодичные издания были соединены в отдельный том со сплошной нумерацией страниц. В ближайшие годы после выхода первого номера он стал популярным изданием благодаря литературным дарованиям авторов обозрений, их умеренным политическим взглядам, разнообразию затрагиваемых проблем. Популярность журнала подвигла тори приступить к изданию своего ежеквартального «Обозрения», а через некоторое время появилось подобное издание радикалов.

Специфика шотландского права предполагала знание истории, однако учредители и рецензенты журнала не имели склонности к философским размышлениям о прошлом. Они полностью восприняли идеи представителей исторической школы шотландского Просвещения. Например, А. Смит, А. Фергюсон, Робертсон сформулировали собственное представление об истории. Для них она стала наукой, изучавшей общественное развитие; обладавшей методами и законами, связанной с политической теорией. Задача истории, по их мнению, заключалась в изучении и выявлении «действительного хода вещей, в которые вовлечены люди» [2:5-6; 2; 8]. Тем самым, полагали они, историк должен опираться на факты, которые могут быть подтверждены документами, свидетельствами современников или простым здравым смыслом. Распространенное в британском обществе представление о том, что все народы проходят одни и те же ступени в своем развитии получило теоретическое осмысление в последней трети XVIII в. в трудах А. Фергюсона, Ф. Хатчисона, Г. Хоума, Д. Юма, А. Смита и других. Идеи просветителей широко распространились в Британии и Европе благодаря изданиям их сочинений и переводам на другие языки, в том числе русский. Просветители выделили следующие основные

стадии истории человечества: дикость, варварство и цивилизацию.

Обзоры содержали сведения о состоянии рынка исторических сочинений, их уровне и проблематике, о сфере исторического знания самих сочинителей. Более полно разнообразие проблематики изданий представлено в подробных списках опубликованных книг. В октябре 1803 г. редакторы информировали читателей, что отныне в конце каждого номера будет помещаться перечень всех книг, опубликованных в Британии за прошедший квартал, а также наиболее заметных изданий, которые пришли за это время с континента. Редакторы подчеркивали, что публике будет представлен «самый полный» их перечень [1: v.III: 8]. Подобная инициатива отражала обоюдный интерес типографов, книготорговцев и редакции журнала. Прежде всего, уже в XVIII в. обозначилось соединение функций издания и продажи книжной продукции в руках одного лица или издательского дома, в равной мере заинтересованных в успешном распространении книг, чему была призвана способствовать информация в журнале. О коммерческой подоплеке заботы о читателях говорят извещения о цене каждого издания. Тем самым, любой читатель мог, благодаря четкой работе почтовой службы, выписать заинтересовавшую его книгу в любой регион Соединенного королевства, если его устраивала цена. Наконец, доходы от рекламы приносили ощутимый доход «Обозрению», впрочем, как и другой периодике [9:58, 81-82].

Исторические издания в этих списках были разведены по трем рубрикам, что являлось важным показателем представлений современников о структуре знания о прошлом. В основу разделения были положены проблематика и временной фактор, а именно – «Античность», «Биографии», «История».

Раздел «Античность» являлся показателем сохранения глубокого интереса к классическому периоду мировой истории. Он обычно содержал от двух, редко до четырех

названий. Учитывая его отсутствие в некоторых номерах, можно утверждать, что в среднем обычным было упоминание двух изданий. Если первые годы рассматриваемого периода присутствовало разнообразие проблематики изданий, которая включала древность Египта, Индии и Греции, то с конца нулевых годов стабильно издавались и упоминались книги по истории Рима и Британии. Притом к концу наполеоновских войн стали преобладать сочинения об архитектуре старинных соборов.

Другой раздел «Биографии» отразил особое отношение к истории жизни отдельного человека. Оно воплощало укорененное в обществе представление о морально-воспитательном предназначении истории, которая на примере жизни других людей могла демонстрировать примеры достойного подражанию поведения – доблести, мужества, патриотизма, чести и благородства полководцев, политиков, государственных мужей, священнослужителей. Либо – проявления низменных побуждений и неблаговидных поступков. Списки показывают, что выпуск биографий отличался нестабильностью. Ежеквартально печаталось от одной до десяти книг. В среднем издавалось шесть книг в квартал. При этом биографии британцев преобладали в общем списке в редких случаях. Явно обозначился интерес к персонам различных времен и стран – от «Жизнеописаний» Плутарха до характеристики Бонапарта. С конца нулевых годов существенно расширяется подбор персонажей. Среди них – адмирал Нельсон, Ф. Бёрдет, Евгений Савойский, О. Кромвель, Ч.Д. Фокс, Г. Потемкин, Джон Горн-Тук, Дж. Рейнольдс, Петр Великий. Читателю предлагался широкий выбор описания жизненного пути полководцев разных эпох, а также людей, придерживавшихся различных политических убеждений и мировоззрения. В поле зрения издателей оставался один из ключевых периодов истории Британии, сохранявший свою значимость для современников особенно в свете событий во Франции XVIII в. Так, например, покупателю была предложена «Галерея

портретов правления Якова I, Карла I и Республики» [1: v. IV: 243, 488; v. V: 245; v. VI: 491].

Случаи издания книг о жизни деятелей современности и других недавних времен отражали оперативность, деловую хватку издателей. Так, за смертью Горацио Нельсона прошло совсем немного времени, как стали появляться изложения его жизни и сражений, в которых он участвовал. Не прошло и года после кончины У. Питта младшего, как вышла первая книга о нем. То же касается и издания книг о Ч.Дж. Фоксе. Налицо оперативность издателей, свидетельствовавшая о коммерциализации прошлого, сосредоточенного на всецелом удовлетворении любопытства читателя и увеличении дохода издателя. Безусловно, эти же цели преследовали подборки биографий вновь избранных в Палату общин коммонеров и биографические словари, появившиеся к концу наполеоновских войн.

Издание поэтических антологий, литературных хрестоматий и «Книг для чтения» практиковались в издательском деле ещё с первой трети XVIII в. Первоначально они предназначались для обучения детей чтению на родном языке [10]. Успех подобных изданий и их востребованность привели к использованию самого принципа составления книг. Однако в отношении прошлого был заложен иной подбор персонажей, например, по социальному статусу, гендерной принадлежности, времени жизни. А в десятые годы началась публикация книг для чтения по истории для мальчиков, школьников и школьниц [1: v. IV: 243; v. XX1: 252].

Политика Наполеона, поражения войск коалиций, создание новых государственных образований в большей мере отразились на проблематике книг, расположенных в рубрике «История». Количество ежеквартально опубликованных сочинений так же отличается нестабильностью, когда за этот период появлялось от одного до десяти произведений. Притом, среди них наметилось явное сокращение книг, посвященных непосредственно истории Британии. Так, в 1803 г. – из 7 книг списка она рассматривалась в

4; в 1805 г. из 4 – в одной; в 1806 г. – из 5 в одной. Нередко Британия являлась частью комплексного освещения прошлого Франции и Италии или истории европейской дипломатии. Значительное внимание издатели начали уделять различным аспектам истории стран, на той или другой стороне вовлеченных в противостояние французов и участников антифранцузских коалиций. Это были Испания, Швеция, Швейцария, Батавская республика, Россия, страны Латинской Америки. Освещались периоды от Античности – со времен походов Александра Великог), создания империи Карла Великого до современности. Несомненно, новым веянием стало издание «Истории Англии для юных леди, которые завершают обучение» и «Истории Англии для чтения молодыми людьми и школьниками». Судя по названию, они уже сходны с современными изданиями для самостоятельного внеклассного чтения. Кстати, вопрос о женском образовании дотошно и всесторонне рассмотрели авторы изданной книги и одного из обзоров. Рецензент был убежден в том, что разница в знаниях и способностях мужчин и женщин обусловлена не умственным несовершенством женского пола, а разницей в обучении, отсутствием надлежащего всестороннего образования девушек [1: v. XV: 314-315].

После бегства Наполеона из России в Британии обозначился интерес к изданию сочинений универсального характера – появились хронологии, всемирные истории, генеалогии и др. [1: XXII: 242; XXIII: 252; v. XXIV: 539-540]. Тема правления Карла I и гражданской войны, представленная в разделе «История», также оставалась в поле зрения издателей, однако и здесь появились нововведения. К ним с полным правом можно отнести любопытный том, где правление монарха и причины гражданской войны были представлены отрывками из трудов известных в то время авторов, таких как Кларендон, Барнет, Кок, Рапэн, Тиндаль. [1: v. XXIII: 506]. О направленности тома можно судить по отсутствию среди них выдержек из «Истории Англии» Д. Юма.

В раздел «История» были включены издания источников личного происхождения – мемуары и переписка. Зачастую воспоминания сопровождались публикацией полученных и отправленных писем, характеристикой и отрывками из наиболее важных произведений «героя» повествования.

Показателем популярности сочинений как биографического характера и мемуаров, так и опубликованной корреспонденции является появление обзора в журнале, буквально, в следующем номере вслед за анонсом о выходе книги из печати. Эти издания оценивались рецензентами в контексте достоверности происхождения писем, точности перевода (в случаях их иностранного происхождения), масштабов и значимости для истории страны личности «героя». Так, публикация писем лорда Чатема к племяннику вызвала восторг как автора предисловия к ним лорда Гренвила, так и рецензента. По их мнению, в этих посланиях «великий организатор, государственный муж и патриот предстает в самых интимных обстоятельствах частной жизни», что придает им особую ценность [1: v.IV: 379]. Иная реакция последовала за публикацией двух изданий писем Джона Уилкса к дочери и друзьям. В приведенных отрывках писем к дочери Уилкс предстает ограниченным обывателем, подробно перечислявшим, какую и какого цвета одежду он заказал портному, с кем виделся или обедал, что ел. Рецензент полагал, что сравнение Уилкса с Гемпденом Сиднеем, Беконом в предисловиях к этим посланиям несопоставимы с масштабами указанных персонажей и значимостью их роли в истории страны. Рецензент был уверен, что в нее Уилкс вошел авантюристом, обладателем талантливого пера и сарказма, что превратило его в грозную для власти силу. Однако в его карьере не было ничего интересного и благородного, что могло бы характеризовать его деятелем великой нации. А его взгляды заключались в умеренном знании английской истории, отличались догматическим толкованием конституции. Связанные с его именем скандалы носили личный характер. Ни одна

партия не приняла его, не оказала доверия. Издание этих томов – бесполезное занятие, заключал рецензент [1: v.V: 482-483]. Не менее критически освещалось издание мисс Уильямс корреспонденции Людовика XVI. Сразу же рецензент высказал сомнения в аутентичности и подлинности писем, а также путей их получения мисс Уильямс. Её объяснения не удовлетворили автора обзора [1: v. III: 211-212]. По косвенным признакам, он пришел к убеждению, что лишь часть опубликованных писем принадлежала перу короля. Отмечался плохой, неточный перевод, в котором утрачен стиль сюзерена. В разборе издания сквозили симпатии и сочувствие к Людовику, «громогласно и враждебно оклеветанного народом», благу которого он посвятил свою жизнь [1: v. III: 223].

С определением авторов всей этой литературы дело обстоит несколько сложнее. Основываясь на отзывах рецензентов, можно утверждать, что меньшая часть книг (например, по конституционной или древней истории) была написана университетскими профессорами, людьми довольно известными в своем кругу. Другая часть – зарекомендовавшими себя литераторами и историками. Каковым был архидьякон Уэльса Уильям Кок, известный книгами о путешествиях и историческими сочинениями. А также английский политический писатель и историк, решительный сторонник вигов и их принципов Уильям Белшем; священник, последовательный борец против работорговли Томас Кларксон, автор воспоминаний об Уильяме Пенне. Однако большинство авторов представляли собой людей случайных; владевших пером, но скорее стремившихся улучшить свое материальное положение, социальный статус или добиться литературной известности, нежели внести собственный вклад в освещение и интерпретацию прошлого. Так, автор одного из обзоров упоминает необычайную популярность жизнеописания Лоренцо Медичи, которая вызвала поток подобного рода литературы из-под пера авторов-подражателей, нацеленных на быстрый и легкий

результат [1: v. II: 42]. Нельзя, вместе с тем, исключать и политического противостояния, которое могло вылиться в резко негативный опус, направленный против позиции оппонента. Примером чему может служить труд Сэмуэля Хейуда, судебного пристава, опровергавшего любые достоинства посмертно опубликованного исторического опуса Ч.Дж. Фокса.

Итак, в годы участия Британии в наполеоновских войнах издательское дело развивалось и входило в число успешных отраслей экономики. Этому способствовал не только промышленный подъем тех лет, но и эффективная стратегия издателей, ориентация на удовлетворение читательского спроса разнообразием тематики их продукции, сложившихся связей с книгопродавцами. Притом практика освещения прошлого имела свои особенности. Изданные сочинения по истории в общем потоке опубликованных книг заняли определенную, небольшую нишу, о чем свидетельствовал ежеквартальный выпуск 12-14 книг по всем связанным с историей рубрикам. О соотношении различных направлений говорят следующие цифры. В 1803 г. военным вопросам было посвящено 15, поэзии – 26, политике –51 издание в квартал. Впоследствии диспропорция между историей и другой проблематикой могла увеличиваться за счет литературы по образованию, агрокультуре, религиозным сюжетам или политике. Те есть можно говорить о стабильности интереса к разнообразным сюжетам прошлого Британии и других народов, которое сохранялось на протяжении всего рассмотренного периода, хотя и не в столь же большом объеме по сравнению с количеством книг по иным направлениям. Это фиксировало наличие постоянного круга интересовавшихся историей читателей, способных оплачивать недешевые издания.

Несмотря на относительно скромные размеры исторической литературы, необходимо отметить успешную стратегию издателей и книготорговцев. Она была ориентирована на рынок, нацелена на удовлетворение интере-

сов максимально большего числа читателей и покупателей разнообразием тематики и проблематики издававшихся книг и их своевременной рекламой продукции. Тактику издателей отличала оперативность отклика на современные события, который заключался в обращении к истории стран, вовлеченных в военные действия, публикации биографий прославленных полководцев и правителей, истории различных империй прошлого. В десятые годы расширилась проблематика изданий, обозначился интерес к универсальным знаниям, различного содержания антологиям и книгам для чтения для подрастающего поколения. На протяжении всего периода сохраняла свою значимость литература биографического и личностного происхождения – мемуары и переписка– которой отводилась важная морально-воспитательная роль.

Круг авторов изданий был разнообразен – от университетской профессуры до авантюристов, стремившихся к быстрому обогащению и популярности. История в эти годы еще не сформировалась в качестве отдельной университетской дисциплины. Но не только отсутствие профессиональных историков, но и уровень подготовки книг к публикации вызывали серьезные нарекания взыскательных, образованных рецензентов. Их критике неизменно подвергалась тематика ряда книг, далекая от современных проблем, неудовлетворительный стиль изложения, плохие переводы, выбор авторов.

Литература

Источники

1. The Edinburgh Review, or critical journal. Edinburgh, 1802–1815.
2. *Kamen H.H.* Historical Law Tracts. Edinburgh, 1767.
3. *Kamen H.H.* British antiquities. L., 1948.

Исследования

1. *Абрамов М.А.* Два Адама: классики политической мысли. М., 2008.
2. *Айзенштат М.П.* Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019.
3. *Апрыщенко В.Ю.* Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 2008.
4. *Бобкова М.С.* Формирование исторического знания в Западной Европе эпохи перехода от Средневековья к Новому времени. Дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2010.
5. *Ренев К.Т.* Историософская и социально-политическая мысль Адама Фергюсона. Шотландское Просвещение 40-60-е гг. XVIII в. Дис. … к.и.н. Рукопись. М., 1990.
6. *Herd H.* The March of Journalism: The Study of British Press from 1622 to the Present Day. L., 1952.
7. *Law A.* Scottish schoolbooks of the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Part II. L., 1984.
8. *Mitchell L.* The Whig world1 760-1837. L., 2007.

Антон Александрович Турлыгин

ИСТОРИЯ АНГЛИИ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО ЛИБЕРАЛА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются представления британской либеральной читающей публики об истории Англии в 50-е гг. XIX в. Источником служат материалы по политической истории страны, опубликованные в литературно-политическом журнале «Эдинбург Ревью». В работе затрагиваются вопросы: какие исторические сюжеты были интересны либеральной читательской аудитории? что вызывало неприятие, а что – восхищение? какие факторы современности могли повлиять на восприятие событий прошлого?
Ключевые слова: история Британии, исторические представления, ежеквартальные журналы-обозрения, «Эдинбург Ревью», либерализм.
Об авторе: Турлыгин Антон Александрович – свободный исследователь (Москва). antonturl@yandex.ru

В настоящей работе предпринимается попытка выявить представления британской либеральной общественности об истории Англии на примере статей по политической истории в журнале «Эдинбург Ревью» (полное название «The Edinburgh Review, or Critical Journal»). Известный журнал, выражавший вигскую точку зрения, предлагал читателям аналитические статьи на актуальные, злободневные темы, обзоры вышедших из печати книг – художественных, естественнонаучных, исторических и др. На одни книги публиковались развёрнутые рецензии, другие лишь упоминались в начале статьи, которая представляла собой размышления автора по какой-то важной проблеме. Будучи не в состоянии охватить всю новую литературу, редакторы отбирали издания, с их точки зрения, наиболее интересные и заслуживающие упоминания. Отобранные книги в известной мере позволяют судить и о книжном рынке – запросах читательской аудитории, её взглядах, настроениях и представлениях.

Статьи по политической истории, напечатанные в журнале за 1850-е гг., освещают разные эпохи крайне неравномерно. Практически нет публикаций по древней и средневековой истории страны. Начиная с XVI века их становится больше, – при этом статьи группируются вокруг ряда сюжетов. Это эпоха Тюдоров, события XVII века (гражданские войны, Славная революция), история вигов при Георге III и Георге IV.

В 1850-е гг. в свет вышли первые тома «Истории Англии от падения Уолси до смерти Елизаветы»[1] английского историка и писателя Джеймса Энтони Фруда (1818–1894 гг.). Одно время Фруд был близок к Оксфордскому движению, представители которого говорили о необходимости сближения англиканства с католицизмом. Впоследствии, однако, Фруд пережил духовный кризис, преодолеть который ему помог известный историк и публицист Томас Карлейль [6:333]. Из кризиса Фруд вышел убеждённым протестантом и задумал написать историю борьбы Англии с влиянием католицизма и Папы Римского [6:333]. Так он подошёл к тому, чтобы переосмыслить сложившийся образ Генриха VIII. Правлению этого монарха были посвящены первые части работы, которые «произвели сенсацию, уступая в этом отношении только Маколею» [6:333]. «Эдинбург Ревью» напечатал на них развёрнутую рецензию [5].

Фруд представил Генриха VIII чуть ли не идеальным монархом [5:212]. Рецензент, считавший Генриха тираном и «законченным лицемером» [5:229], с неодобрением отнёсся к такой интерпретации [5:212]. Он отметил в работе влияние Карлейля, которому Фруд нередко подражал в своём стиле [5:208]) и его представлений об истории, нашедших выражение в книге «О героях, почитании героев и героическом в истории»[2] [5:212]. При таком подходе, пи-

---

[1] Такое название носили первые тома; последние вышли под заголовком «История Англии от падения Уолси до разгрома Великой Армады».

[2] Карлейль отводил ведущую роль в истории великим личностям.

сал автор статьи, неудивительно, что историк был очарован Генрихом, например, его силой воли. [5:212] Критике были подвергнуты высказывания Фруда о средневековом обществе и законодательстве Тюдоров, которые историк склонен был идеализировать [5:213-217]. Фруд также стремился оправдать каждое действие Генриха. Рецензент по этому поводу иронично заметил: «История не должна судить Генриха VIII, – она может сказать лишь: да будет его воля!» [5:242]. Оправдывая гонения Генриха на католиков в Англии, Фруд тем самым фактически оправдывал гонения испанских королей Карла V и Филиппа II уже на протестантов [5:244]. Автору «Истории Англии» был дан совет пересмотреть своё мнение о Генрихе VIII [5:252].

С другой стороны, отмечены и достоинства книги. Многие главы работы Фруда гораздо полнее, более насыщены деталями, чем то, что писали его предшественники по тем же темам [5:207]. Рецензент благосклонно отозвался о его стиле [5:207-208], хотя в некоторых местах стиль историка назван «слишком сентиментальным» [5:208]. В заключение отзыва признавалось, что многие места книги читаются с удовольствием [5:252].

Ответ Фруда на рецензию появился на страницах журнала «Фрейзерз Мэгэзин». «Эдинбург Ревью» вступил с Фрудом в полемику [15]. Вигский журнал писал: «…никто не отрицает, что у тюдоровского общества были свои положительные и обнадёживающие черты. Вопрос лишь в том, считать ли положительными и обнадёживающими чертами тягостное и бессмысленное феодальное законодательство, пагубные монополии, жестокие законы о бродяжничестве, деспотическое правление и варварское уголовное право» [15:588-589].

Автор рецензии в «Эдинбург Ревью» высоко оценил вышедший в 1853 г. двухтомный сборник документов с биографическими очерками о Деверё, графах Эссекс, охватывающий период с 1540 по 1646 гг. [9:134, 169]. В данной рецензии примечателен образ королевы Елизаветы I Тюдор.

Как и её отца Генриха VIII, журнал упрекал Елизавету в деспотизме, произволе. «Эдинбург Ревью» писал, что «в ней полностью отразились скупая несправедливость её деда и тираническое своеволие её отца. В душе Елизавета была деспотом – она не любила вмешательство парламента» и проявляла невероятную скаредность, уклоняясь от выплаты вознаграждения за службу [9:134]. «Своевольная, капризная и тщеславная, она терпела и поощряла лесть… она одобряла и вознаграждала скорее из чувства благосклонности, чем за заслуги» и редко руководствовалась чувством справедливости [9:160].

На страницах журнала много внимания уделено XVII столетию. Известный французский историк и государственный деятель Франсуа Гизо (1787–1874 гг.), рассматривая причины и возможные последствия крушения конституционной монархии Луи-Филиппа, обратился к опыту Английской и Французской революций. При Луи-Филиппе Гизо занимал ряд постов в правительстве. Однако в 1848 г. вынужден был эмигрировать в Англию. Впрочем, вскоре он снова вернулся во Францию. «Эдинбург Ревью» в номере за июль 1850 г. опубликовал рецензию на работу Гизо «О причинах успеха Английской революции 1640–1688» [7]. Рецензент отметил, что, при всех внешних сходствах между Английской и Французской революциями (например, свержение монархии, казнь короля, республика, диктатура, реставрация, повторное свержение правящей династии, установление конституционной монархии и др.), различия между ними гораздо глубже [7:221-222]. Так, в Английской революции отмечалась значительная роль религии. Отличием же Французской было «всесилье уличных толп… в то время как в Англии реальные изменения проводили в жизнь те, кто был далёк от искушений, присущих невежеству и нужде» [7:222]. Рецензент, как и Гизо, полагал, что причины успеха Английской революции связаны с политическими и религиозными принципами, а именно конституционной монархией и религиозной свобо-

дой, из-за которых и велась борьба, и которые определили характер революции [7:225]. Тот факт, что конституционная монархия в Британии сумела устоять, рецензент объяснял просто счастливой случайностью [7:232].

В 1856 г. «Эдинбург Ревью» опубликовал большую статью, посвящённую событиям середины XVII в. [17]. Начинается она с разбора изданной депутатом парламента Дж. Бэнксом книги, основанной на хрониках и семейных воспоминаниях о той эпохе. У Бэнкса Английская революция во многом ассоциировалась с Французской революцией, что вызвало негативную реакцию со стороны рецензента [17:8-12]. Последний утверждал, что англичане не должны думать, будто в те времена в истории их страны было нечто, подобное режиму Робеспьера и другим «пугалам истории, от которых у слушателей волосы встают дыбом» [17:9]. Рецензент подчеркнул огромную роль гражданских войн в истории страны: «главным образом, именно им мы обязаны тем, что все английские дома ныне надёжно защищены» [17:2]. На стороне парламента была справедливость, но на стороне короля было много высокого и благородного[3]. По мнению Бэнкса, нельзя принять второе без того, чтобы усомниться в первом, однако рецензент не увидел здесь противоречия [17:2].

Далее автор статьи перешёл к работе Ф. Гизо «История Английской республики и Кромвеля», вышедшей в двух томах в Париже в 1854 г. Рецензент отметил, что личность Кромвеля «истово очернялась каждым поколением с момента его смерти». Впоследствии, однако, наметился сдвиг в противоположную сторону, и, наконец, горячим защитником Кромвеля стал Карлейль, издавший книгу «Письма и речи Оливера Кромвеля»[4] [17:13]. Однако в обществе

---

[3] О некоторых роялистах журнал отзывался очень высоко. Так, лорд Артур Капель, сделавший попытку освободить Карла I из заключения, охарактеризован как «Аякс армии Карла» и «храбрый, как паладин». Краткий очерк его жизни см. [8:183-189].

[4] О взгляде Карлейля на личность Кромвеля см., напр. [3:36-40].

продолжала сохраняться существенная разница во взглядах относительно моральных качеств протектора [17:13]. Изучив собранные Карлейлем письма Кромвеля, рецензент высказал мнение, что религиозное чувство протектора было достаточно глубоким; он всегда помнил об ответственности перед богом [17:37]. «Всё, что угодно могло покинуть этого человека, но только не вера и надежда» [17:40].

В 1857 г. в журнале вышла рецензия на третий и четвёртый тома «Истории Англии от восшествия на престол Якова II» знаменитого вигского историка Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859) [12]. Маколей долгое время сотрудничал в «Эдинбург Ревью», был членом парламента, в 1830-е гг. занимал должности в аппарате управления Индией. Автор статьи напомнил читателям, что в первых двух томах рассказано, как «народ Англии защитил свои свободы от Привилегии внутри страны и амбиций во внешней политике», а «Стюарты ничего не забыли и ничему не научились» [12: 42-143]. По словам рецензента, первые тома отличали художественная выразительность и соответствие фактам, поэтому прошедшие с момента их выхода в свет годы были полны «нетерпеливого ожидания» со стороны публики [12:142].

В целом, если не считать ряд частностей, труд Маколея получил очень высокую оценку[5]. Сама же статья посвящена королю Вильгельму III Оранскому. Введение конституционного правления Маколей (а вместе с ним и рецензент) оценивал, как достижение, к которому надо относиться с благоговением. Рецензент восклицал: «Какие блага не принесло оно нам? Какие беды и невзгоды не отвратило?» [12:155]. «Успешная революция – сравнительно обычное явление, и может быть осуществлена обычными акторами. Но основать новый порядок вещей на обломках старого… воздвигать на смешанных и непоследовательных элемен-

[5] См., напр., заключение статьи [12: 181].

тах революции великий социальный и политический храм, посвящённый свободе человека… это задачи…, на которых столько успешных революций потерпели крах», но которые сумел выполнить Вильгельм Оранский [12:143]. Это истинный герой, выполнивший свою трудную, опасную задачу практически в одиночку [12:143]. Ряд представителей британской политической элиты – среди них, например, полководец лорд Мальборо, адмирал Рассел в т.ч. виги – вступили в сношение с Сен-Жерменским двором, где нашёл прибежище Яков II. В связи с этим Маколей представил их в очень невыгодном свете [12:149]. По словам автора статьи в «Эдинбург Ревью», возникает недоумение, «были ли люди, которым мы обязаны нашими свободами, теми неисправимыми негодяями, которых он описывает» [12:149]. По мнению рецензента, знаменитый историк несколько сгустил краски, не приняв во внимание то обстоятельство, что эти люди просто заботились о собственной безопасности во времена, когда могла произойти ещё одна реставрация [12: 149-150].

В конце 1840-х – 1850-е гг. одно за другим увидели свет многотомные издания документов, воспоминаний, переписки и других материалов знаковых политических деятелей британской истории эпохи Георга III (1760–1820 гг.) и Георга IV (1820–1830 гг.); премьер-министра Ч. Уотсона-Вентворта лорда Рокингема (в 2 тт.), лидера вигов и министра иностранных дел Ч. Дж. Фокса (в 4 тт.), министра иностранных дел Г.Р. Стюарта лорда Каслри (в 12 тт.) и нек. др. «Эдинбург Ревью» как вигский журнал воспользовался представившейся возможностью и при помощи указанных публикаций осветил основные вехи политического развития страны в 1760-х – 1820-х гг.

Журнал описывал, как при Георге III виги боролись против влияния короны. Исследователи отмечают, что результатом их долгого политического преобладания явилось то обстоятельство, что ко времени вступления на престол Георга III всё большее значение приобретала уже не борьба

между ними и тори, а соперничество между вигскими лидерами [1:60]. Его отец принц Фридрих был покровителем оппозиции, и Георг, «воспитанный в атмосфере ненависти к вигам, видел в них источник зол, политических баталий и коррупции» [1:106]. Намереваясь положить конец коррупции, он, однако, придя к власти, стал назначать на государственные должности угодных ему людей [1:64]. Корона также использовала недостатки существовавшей тогда избирательной системы для обеспечения представительства тори, поддерживавших короля. Если тори были готовы принять любое правительство, какое он назначит по своему желанию [14:308], то виги «сражались в битве народа против короны» [14:313]. У авторов статей в «Эдинбург Ревью» политика Георга вызывала ассоциации со Стюартами, в частности, с Карлом I [18:123, 132, 138-139]. Соответственно, виги были названы продолжателями дела «круглоголовых»: «Со времён борьбы против Стюартов они были настоящими хранителями прав народа и конституционной свободы» [16:528]. Журнал писал, что в то время происходила борьба между аристократией и монархией [14:313], в отличие от эпохи борьбы за парламентскую реформу 1832 г. – борьбы между аристократией и демократией [14:315].

Несмотря на неодобрение политики Георга III, который один раз был даже назван «фараоном» [18:115], о нём сказано и много хороших слов. Были отмечены «его проницательность и понимание человеческих побуждений, добродетельная и достойная жизнь, его понимание предрассудков страны и его искреннее желание быть хорошим королём, насколько он понимал, что это такое…» [13:62]. Таким он выглядел по сравнению со своим сыном Георгом IV, который, по словам автора статьи в журнале, «всегда был непопулярен; ещё до того, как он стал регентом, его долги, расточительность, ссора с женой, его нрав в целом заставили людей отвернуться от него»[6] [13:62]. С осуждением журнал писал

[6] Большой общественный резонанс вызвала история с разводом (вернее, попыткой развода) Георга IV с женой Каролиной. Недовольство в

о его тайном браке с миссис Фицгерберт, называя положение, в котором он оказался, самым позорным и унизительным, какое только можно представить [14:324].

Торийские политики, как правило, подвергались критике вигским журналом, но не всегда. Некоторые из них вызывали большое уважение авторов статей, как, например, Уильям Питт Младший, возглавивший в 1783 г. правительство на долгие годы. «Мистер Питт был слишком непреклонен, чтобы быть орудием в руках короля, и слишком принципиален, чтобы проводить, как лорд Норт, политику, которую он не одобрял» [10:57].

«Эдинбург Ревью» решительно встал на защиту вигских политиков. Так, например, Рокингема характеризовали «спокойный отважный ум» [18:123], честность, искренность, достоинство [18:112]. Большое внимание уделено Фоксу, одному из лидеров вигов, ставшему их «самым прославленным защитником» [18:136], хотя автор статьи не одобрил его коалицию с лордом Нортом [10:46].

Журнал подверг критике торийское правительство Ливерпуля, которое ввело знаменитые «хлебные законы», зафиксировавшие высокие цены на хлеб [11:185]. Когда в состав кабинета вошли умеренные тори Джордж Каннинг и Роберт Пиль, правительство, по словам автора статьи, вступило в «полулиберальную фазу» [14:342]. «В то же время виги… были убеждёнными приверженцами здравых, просвещённых и либеральных принципов… и, по вступлении в должность в 1830 г., они начали серию практических мер, продолжающихся до сих пор» и которые, в целом, «увенчались бóльшим успехом, чем их авторы когда-либо могли представить» [14:343].

В 1853 г. в «Эдинбург Ревью» вышла разгромная рецензия на первый том «Истории Европы от падения Наполеона в 1815 г. до восшествия Луи-Наполеона в 1852 г.» извест-

---

обществе было столь большим, что правительство вынуждено было в итоге отозвать законопроект о разводе. Подробнее об этом см. работы М.П. Айзенштат: [1:183-185; 2].

ного консервативного историка и юриста Арчибальда Алисона (1792–1867 гг.) [4]. Это было продолжение его десятитомной «Истории Европы от начала Французской революции до реставрации Бурбонов», популярной в своё время книги, ставшей, по выражению британского исследователя Дж. Гуча, «библией партии тори, которые нашли в ней утешение, необходимое им в первые годы пореформенного парламента» [6:305]. Сам Алисон связывал её популярность с интересом публики к истории периода, а также с тем, что он одним из первых занялся всесторонним его изучением [6:305]. Не достаточно работ, писал рецензент, и по тому периоду, который охватывает новая книга Алисона. В этой связи автор статьи дал в целом неплохую оценку «Истории Англии на протяжении 30 лет мира» известной британской писательницы и публициста Гарриет Мартино [4:305].

Продолжение «Истории Европы» Алисона охарактеризовано рецензентом из «Эдинбург Ревью» как «новая “Книга заблуждений”», представляющая собой «нудное повторение сто раз опровергнутых и почти уже забытых теорий» [4:269]. Критике были подвергнуты взгляды историка на прошлое и на проблемы современности. К примеру, Алисон полагал, что «преступление и образование естественным образом идут рука об руку» и что британскую конституцию разрушила реформа 1832 г. [4:269-270]; политика свободы торговли привела к сокращению населения, больших масштабов достигла эмиграция из страны [4:284-285]; промышленные районы страны не в состоянии поддерживать численность своего населения без притока его из других регионов [4:289]. Возмущённый рецензент опровергал эти утверждения. По его словам, «Англия является богатой и процветающей, а народ сыт и одет, как едва ли когда в прошлом» [4:270].

Автор статьи полагал, что, не будь парламентской реформы 1832 г. и отмены хлебных законов, чартистское движение привело бы страну к революции. О событиях

10 апреля 1848 г., когда чартисты провели массовый митинг и представили в парламент третью петицию, рецензент писал: «Он (А. Алисон. – *А.Т.*) не знает… что, если бы в то время ещё существовали хлебные законы и гнилые местечки, никакая сила на земле не спасла бы Англию от беспощадной революции?» [4:288]. Рецензент считал, что, с точки зрения будущих поколений, для Британии, а может, и не только для неё, «последние тридцать спокойных лет были несравненно более важными и насыщенными событиями», нежели предшествовавшие им двадцать лет (т.е. эпоха революционных и Наполеоновских войн) [4:306]. Помимо прочего, автор статьи отметил «постепенное расширение политических прав и уступку справедливым требованиям», «реформирование повреждённых и омолаживание устаревших институтов», при этом самое главное – «быстрое развитие среди высших слоёв общества чувства долга по отношению к тем, кто ниже, не просто как к индивидам, а как к классам» [4:306].

В заключение хотелось бы отметить следующее. «Эдинбург Ревью», выражавший точку зрения вигов, подчёркивал их роль в истории страны, в проводившихся преобразованиях, что было актуально в условиях складывания Либеральной партии на основе объединения разнородных политических течений. Интерес читателей к истории борьбы вигов за власть во времена Георга III и Георга IV в значительной мере связан и с революциями, сотрясавшими Европу в 1848–1849 гг. Почему Британия избежала революции в 1848 г.? Журнал считал это заслугой вигов. Косвенно стремление подчеркнуть их роль отразилось и в отношении к старым, отжившим либо требовавшим обновления институтам. Здесь необходимо также отметить и характерную для вигской истории идею постоянного прогресса страны. В этой связи резкой критике подвергалась точка зрения Арчибальда Алисона, не верившего в этот прогресс. Учитывая популярность его книги, посвящённой эпохе Французской революции, журнал опровергал ка-

ждое утверждение консервативного историка, тем самым переманивая его потенциальную аудиторию.

Основываясь на анализе вышедших в «Эдинбург Ревью» материалов по политической истории Англии, можно сделать вывод о том, что либеральную читательскую аудиторию интересовала прежде всего недавняя история страны. Статей в журнале становилось тем меньше, чем дальше по своей тематике они уходят в глубь веков[7]. Это можно объяснить тем, что интерес к прошлому в значительной степени определялся проблемами современности. Свою роль сыграло неприятие институтов средневекового общества и деспотического правления. Кроме того, журнал вёл с представителями других политических течений битву за умы читательской аудитории, с помощью рецензий убеждая её в правоте либеральной позиции.

Восприятие королевской власти происходило через призму либеральных представлений о роли конституционного суверена в жизни страны. В нём отразилось неприязненное отношение к абсолютизму и попыткам расширить влияние и полномочия короны за счёт парламента. Осуждение вызывал произвол монархов, их стремление к деспотическому правлению, стремление нарушить исторически сложившийся баланс сил между различными властными институтами. Стоит подчеркнуть, что в оценке, данной Генриху VIII, для Фруда важнее оказалась начатая королём Реформация в Англии, для рецензента же она не заслоняла отрицательных сторон его политики. Если Генрих VIII являлся для журнала своего рода «антигероем», то настоящим положительным героем представлен Вильгельм Оранский, при котором были закреплены результаты Славной революции. Негативной оценки журнал удостоил политиков-тори, подчинившихся воле короля Георга III; другие же, проводившие более независимую по-

[7] При этом следует отметить, что публикаций по истории Древней Греции и Рима (в отличие от Древнего Востока) в журнале за 50-е гг. XIX в. довольно много.

литику, представлены, соответственно, в более выгодном свете. Виги, боровшиеся с влиянием короны, по традиции названы продолжателями дела «круглоголовых».

Литература

1. *Айзентшат М.П.* Власть и общество Британии 1750-1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009.
2. *Айзенштат М.П.* Некоронованная королева Британии: «дело» о разводе Георга IV // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 13. 2007. С. 18-38.
3. *Креленко Н.С.* Кромвель: рождение героя // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 23-45.
4. Alison's History of Europe since 1815 // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1853. Vol. 97. No. 198. P. 269-314.
5. Froude's King Henry VIII // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1858. Vol. 108. No. 219. P. 206-252.
6. *Gooch G.P.* History and historians in the nineteenth century. L.; N. Y.; Bombay; etc.: Longmans, Green, and Co., 1913.
7. Guizot on the English Revolution // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1850. No. 185. P. 220-241.
8. 8 Lives of Lord Clarendon's Friends // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1852. Vol. 96. No. 195. P. 176-194.
9. Lives of the Devereux Earls of Essex // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1853. Vol. 98. No. 199. P. 132-169.
10. Lord John Russell's Memorials of Mr. Fox, and the Buckingham Papers // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1854. Vol. 99. No. 201. P. 1-60.
11. Lord Liverpool's Administration until 1822 // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1859. Vol. 109. No. 221. P. 157-200.
12. Macaulay's History of England // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1857. Vol. 105. No. 213. P. 142-181.
13. Memoirs of the Court of George IV. // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1859. Vol. 110. No. 223. P. 60-98.

14. Modern English History // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1856. Vol. 103. No. 210. P. 305-357.
15. Mr. Froude's Reply to the Edinburgh Review // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1858. Vol. 108. No. 220. P. 586-594.
16. Roebuck's Whig Ministry of 1830 // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1852. Vol. 95. No. 194. P. 517-553.
17. The Civil Wars and Cromwell // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1856. Vol. 103. No. 209. P. 1-54.
18. The Marquis of Rockingham and his Contemporaries // The Edinburgh Review, or Critical Journal. 1852. Vol. 96. No. 195. P. 110-142.

К ИСТОКАМ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Гульнара Ильгизовна Баязитова,
Иван Александрович Сахарчук

АЛХИМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ФРИДРИХА БЛАГОЧЕСТИВОГО

Аннотация. В статье мы предпринимаем попытку понять характер алхимических практик курфюрста Пфальцского Фридриха III Благочестивого на основе дошедших до нас фрагментов его переписки с французским юристом Франсуа Отманом. Эти свидетельства позволяют нам не только лучше постичь сущность «королевского искусства» и его восприятие в кальвинистских кругах, но и пролить свет на тесные отношения курфюрста с виднейшими мыслителями эпохи, с тем же Отманом, а также с французским врачом и алхимиком Жозефом Дюшеном и кальвинистским реформатором Теодором де Безом.
Ключевые слова: алхимия, парацельсизм, история науки, Фридрих Благочестивый, Отман, Дюшен.
Об авторах: Гульнара Ильгизовна Баязитова – кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», 625003 Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6, g.bayazitova@utmn.ru. Иван Александрович Сахарчук – свободный исследователь, г. Стамбул, les_solaires_livres@yahoo.co.uk

Исследование алхимических практик долгое время оставалось в стороне от других исторических исследований. Даже многочисленные свидетельства того, что самые известные философы и мыслители эпохи Ренессанса и раннего Нового времени занимались алхимией, не всегда открывали дорогу этим работам. Тем не менее алхимические опыты время от времени становились объектом пристального внимания ученых как в прошлом, так и в начале XXI в. В XIX в. было издано несколько работ Р. Дарреста о французских реформатах [15:16], в 70-е гг. XX в. Ф. Секре опубликовал ряд статей, посвященных Реформации и ал-

химии [30; 31]. В России за последние несколько лет в серии «Страдающее Средневековье» вышло несколько книг, в которых так или иначе затрагивались вопросы магии и алхимии [4; 5; 10]. Среди них работа С. Зотова, которая дает общее представление о развитии алхимии [5]. Историческая антропология также сделала занятия алхимией и магией предметом своих исследований. Так, О. Акопян рассуждает о важности занятия астрологией и магией в ренессансной Италии [1]. О том, насколько тесно они были связаны с философией неоплатонизма, говорит в своей знаменитой работе Ф. Йейтс, доказывая, что древнеегипетские и средневековые герметические тексты были заново открыты и прочитаны в эпоху Возрождения [6]. Безусловно, алхимические опыты и знания легли в основу открытий и научной революции XVII в. Описание опытов и экспериментов в недавно изданном переводе трактата Иоганна Стефана Кестлера и Атанасиуса Кирхера «Экспериментальная физиология Кирхера», несмотря на отвержение в ней реальности изменения металлов, показывается очевидность перехода от алхимических опытов к собственно науке [8]. Также, по словам французского исследователя Д. Кана: «Наши знания по истории алхимии на самом деле являются историей наук и историей идей» [21:1].

Кан утверждает, что «алхимия в том виде, в каком она сложилась на латинском Западе, была прежде всего трансмутационной алхимией (transmutare означает «преобразовывать»), то есть ее цель заключалась в превращении металлов в золото» [21:4]. Кан в своей книге «Алхимия и парацесельсизм» выделяет три течения. Основное течение средневековой алхимии – и первое, появившееся в латинском Западе – это трансмутационная алхимия, или хризопея, целью которой является преобразование «неблагородных» металлов в серебро и золото. Здесь необходимо упомянуть полумифических алхимиков, под чьими именами издавались труды, таких как Псевдо-Раймунд Лулий и Василий Валентин. К трансмутации металлов в XIII в. доба-

вилась другая задача – обретение бессмертия посредством изобретения элексира жизни. Так появилась медицинская алхимия, или спагирическая. Ярчайшим представителем этого направления был швейцарский алхимик, врач, философ Парацельс. Уже на излете Ренессанса появляются новые духовные искания, подкрепляемые алхимическими учениями, например, неоплатонизм, осмыслению которого посвящены трактаты итальянских гуманистов Джанфранческо Пико делла Мирандолы и Марсилио Фичино. Нередко стремление к получению золота приводило к изысканиям в медицинской алхимии и развитию духовных практик.

С точки зрения исторической антропологии интересны частные случаи занятия алхимией, которые фиксируются источниками. Так, в недавно опубликованном письме Фридриха III Благочестивого курфюрста Пфальца к одному из лидеров гугенотов Франсуа Отману речь идет о совместных алхимических опытах [2]. Кроме того, судя по письму, в эти опыты были вовлечены многие немецкие князья и многие лидеры гугенотов. Данный сюжет достаточно подробно затрагивался в статьях Ф. Секре об алхимических опытах Франсуа Отмана и Реформации [31:177]. Ф. Йейтс пишет и о герметических идеях, которые проповедовал один из виднейших протестантских лидеров Филипп Дюплесси-Морнэ, написавший книгу «Об истине христианской религии», посвященную Генриху Наваррскому и напечатанную в Антверпене в 1581 г. [6:164].

Однако необходимо сказать, что имя Фридриха III отсутствует в работах, посвященных алхимическим практикам немецких князей. У С. Зотова мы читаем о ландграфе Гессен-Кассельском, но не находим свидетельств о курфюрсте Пфальцском [5:167-168]. Даже в специальных работах, обращающихся к жизни и деятельности пфальцского курфюрста, нет упоминаний об «алхимических» интересах Фридриха Благочестивого [3; 22]. В статье о корреспонденции Ф. Отмана можно встретить лишь информацию о покровительстве, которое курфюрст оказывал

гугенотскому писателю, и о консультациях, которые Отман давал немецким государям [31:177].

В ходе работы над переводом текста письма, выяснилось, что курфюрст Пфальцский и Франсуа Отман были не только единоверцами и соратниками в деле защиты реформатской веры, но также практиковали занятия алхимией. Начав изучать переписку Франсуа Отмана с Фридрихом Благочестивым, нам удалось установить, что письмо представляет собой лишь одно из звеньев в переписке между курфюрстом и правоведом. В опубликованной в XIX в. переписке Франсуа Отмана сохранилось несколько писем от Фридриха III. Первое из них датировано 3 декабря 1575 г. [19:63], последнее – июнем 1576 г. [19:73-74]. Фридриха Благочестивого не станет в конце октября 1576 г., поэтому можно смело утверждать, что письмо, хранящееся в РНБ, одно их последних в их переписке.

Центральной темой в указанном письме Фридриха III к Отману были описаны алхимические опыты и попытки получить некое вещество. На первый взгляд, это вещество должно было стать ингредиентом для получения золота. Изучая названия ингредиентов, фигурирующих в письме Фридриха III, можно установить мотивы и характер занятий алхимией пфальцским государем, а также выявить конечную цель данных опытов. Фридрих Пфальцский уже в первых строках письма от 1 апреля 1576 г. пишет о своих опытах по изготовлению алкагеста (l'eau (eu) de vie dissolvants), жидкой субстанции, обладающей способностью растворять все без исключения металлы. Иногда термин алкагест использовался как синоним понятий «философский камень» или «эликсир жизни». Также он пишет о том, что в остатке должна была получиться соляная кислота (альхальт), «которую нужно было извлечь и добавить к азотной кислоте (первой водке), чего я никогда раньше не делал, и не видел результата» [2:143].

Далее Фридрих пишет о дистилляции *растворителя*[1], который в результате опыта должен обрести ярко-алый или лазоревый цвет. В алхимических трактатах универсальный растворитель использовался для «Великого делания» – получения философского камня. Фридрих Благочестивый довольно подробно описывает саму процедуру опыта, обращая внимание на изменение цвета полученного вещества [2:143]. В «Химической Псалтири», трактате, приписываемом Парацельсу, этот *растворитель* описывается как жидкость, способная растворять твердые тела для извлечения из них тинктур, экстрактов и самых тонких частиц, т. е. частиц вещества, максимально близких к «предматериальной» форме[2] этого самого вещества, или к архетипической его форме, если выражаться в терминах Аристотеля [9:250]. У анонимного автора, жившего не позднее XV в., пользовавшегося огромным авторитетом у последователей Парацельса и подписывавшего свои работы именем Раймунда Луллия[3] [20:59], мы читаем следующее: «…чистая водка [aqua clara] называется простым *растворителем*, а растительный *растворитель* способен растворять все металлы при сохранении своего вида» [23:378]. А в «Алхимическом словаре» Мартина Руланда-младшего обнаруживаем такое его определение: «*Растворитель* [курсив здесь и далее наш – *Г.Б., И.С.*] – это то, чему подвластны любые металлы. <…> Он бывает двух видов. Один подобен сыворотке, сернистой влаге, и этот бесполезен. Другой подвижен, и этот заслуживает внимания. Это *Меркурий*[4], в которой растворяется золото.

---

[1] Тот конкретный тип растворителя, о котором говорится в письме Фридриха, в оригинале за свой характерный цвет назывался «le Menstrual», в латинских же текстах это вещество обозначалось как «Menstruum». В настоящей статье мы, дабы не запутать читателя, переводим это слово как «растворитель», но когда речь заходит именно о Menstruum, здесь и далее это слово выделено курсивом.

[2] В этом представлении протонауки XVI–XVII вв. натурфилософия сталкивается с теологией: самая чистая форма вещества существует только в высшем мире, еще не сделавшись Творцом материальной.

[3] Раймунд Луллий (ок.1235-1315 гг.) –

[4] Когда речь идет об Огне, Меркурии и Соли, в данном контексте подразумевается парацельсистская концепция трех принципов, от соотно-

<…> Наша водка [Wasser; т. е. растворитель, кислота] – *Огонь* и *Соль*. *Огонь* – природный универсальный *растворитель*. Он сильнее, чем древесный огонь, потому что позволяет трансмутировать физическое золото в дух. Он – живой винный источник, уксус, царская водка философов. Он – подлинный извлекающий экстракт *растворитель* и универсальный растительный *растворитель*, без которого невозможно получить ни Солнце [золото], ни Луну [серебро], ни черное, ни белое[5]» [29:331].

В письмах речь также идет о порошке (le poudre), который курфюрст планирует заполучить от некоего барона де Моранси, по-видимому, близкого друга или приятеля Отмана [2:143]. Под именем барона Моранси, в письмах фигурирует Жозеф Дюшен, известный алхимик и медик Франсуа Анжуйского и Генриха Наваррского, впоследствии короля Франции Генриха IV, друг Отмана. Как раз в 1576 г. была опубликована первая крупная работа Дюшена «Склопетарий», посвященная лечению ожогов, в частности, огнестрельных ран, в работе с которыми автор набрался опыта в ходе Религиозных войн, получив, однако, диплом доктора медицины только в 1573 г. в университете Базеля. К 1570 г. он перебрался в Швейцарию, помногу бывая в Женеве. Именно там мы и обнаруживаем первые достоверные свидетельства о его интересе к алхимии, как медицинской, так и трансмутационной, на фоне развернувшегося в ученых кругах города дискуссии. Это было противостояние, с одной стороны, сторонников реально-

---

шения которых в веществе и зависят свойства этого самого вещества. Соответственно, самый редкий, теплый, легкий и долговечный –Огонь и наиболее часто встречающаяся, тленная, сухая и холодная Соль. Промежуточное положение между ними занимает текучий и горючий Меркурий. Например, в свинце преобладает Соль, в то время как в золоте – Огонь. Именно на этом представлении основывается градация условного «благородства» металлов у алхимиков-последователей Парацельса и, в частности, Жозефа Дюшена [27:90-91].

[5] Под «черным» и «белым» подразумеваются цвета промежуточных экстрактов («камней») при получении философского камня, а также самих этапов работы, в ходе которой соответствующие экстракты добываются.

сти преобразования металлов, придерживавшихся учения Парацельса и итальянского алхимика, врача, философа Джироламо Кардано. Ключевые фигуры среди них Дюшен и Отман. По другую сторону находились противники алхимии, защищавшие положения непримиримого критика Парацельса Томаса Эрастуса. Настоящий конфликт, а не просто научный диспут пришелся на период с конца 1574 г. по начало 1577 г. К этому же времени относится и особый интерес к хризопее (превращению в золото) Отмана и Дюшена, а также примкнувшего к ним теолога и богослова, ближайшего соратника Жана Кальвина Теодора де Беза [20:236, 240-265] Судя по письмам курфюрста, барон Моранси был обладателем того самого «бело-красного порошка», ради которого курфюрст просит Отмана убедить того приехать в Гейдельберг.

Еще одним повторяющимся местом в письмах Фридриха III к Отману стал гидромель (hydromiel). Это некрепкий алкогольный напиток, по-другому называемый медовухой и получаемый с помощью дистиллированной воды и меда. Однако в письме от 30 июня 1576 г. курфюрст довольно подробно говорит о четырех способах получения гидромеля, из которого наиболее сильным является рецепт господина де Моранси. Курфюрст дает понять, что рецепт гидромеля нужен ему для завершения работы и желает получить от Отмана также рецепт винной кислоты (Huille de tetre, олеума тартра) [19:73-74].

Винная кислота упоминается в трактатах Парацельса и виднейшего из всех популяризаторов парцельсизма во Франции второй половины XVI в. Жака Гори[6] как «алькохоль» (Alcohol) в виде жидкого смешанного с винным осадком концентрата или как «алькооль» (Alcool), когда винная кислота принимает свой чистый, кристаллический вид [25:87]. Винная кислота способна выделить чистое

[6] Жак Гори (латиниз. Якоб Гохорий) (1520–1576 гг.) – французский врач, адвокат и алхимик

серебро из карбоната серебра. И, если сопоставить письмо Фридриха III с описанием «Великого делания» у Псевдо-Луллия [23:376], нам становится понятно, что ранее курфюрст успешно получил из растительной золы азотную кислоту, или простой *растворитель*, в котором он должен был растворить серебро, получив на выходе вышеуказанный аммиак, т.е. карбонат серебра [11:322].

Следующий этап практики не раскрывается в письме, но этот пробел прекрасно восполняется при дальнейшем чтении Псевдо-Луллия. Курфюрсту надлежало добавить в серную кислоту (витриоль) поверенную соль. Одним из производных продуктов данной реакции выступает летучая соляная кислота, что и обозначает Псевдо-Луллий. Соляную кислоту, как становится понятно из текста его «Процесса», он называет «крепкой водкой» (aqua fortis) [23:379], точно так же называет он и азотную кислоту, из-за чего возникает путаница. Чтобы ее избежать, нам, пожалуй, стоит сформулировать следующее определение: «крепкая водка» у Псевдо-Луллия – это общее название для компонентов царской водки, азотной и соляной кислот. Но вернемся к последовательности реакций, какие должен был провести Фридрих. Летучую соляную кислоту нужно было конденсировать, выражаясь языком алхимиков – дистиллировать, с чем курфюрст успешно справляется. Именно соляную кислоту Фридрих называет в своем письме к Отману альхальтом. Он добавляет ее в «первую водку», то есть в азотную кислоту, пытаясь получить то, что Псевдо-Луллий называет «растительным *растворителем*», иными словами, царскую водку, «воду жизни».

Но почему он признает эту простую (на фоне остальных проведенных им реакций) операцию безуспешной? Здесь может быть два ответа. Во-первых, в письме, как уже было сказано выше, он пишет, что так и не добился искомого цвета *растворителя*. Действительно, царская водка, получаемая из двух прозрачных («белых») кислот, если не имеет примесей, являет собой прозрачную или желтова-

тую жидкость, и, пожалуй, по цвету больше всего, если выбирать среди всех эпитетов, перечисляемых Псевдо-Луллием, она схожа с мочой (urina) [23:379]. В красный цвет царская водка окрашивается только при наличии в растворе золотых или железных примесей, а в лазоревый – латунно-ртутных примесей. Во-вторых, по аналогии с золотом, веря, как Дюшен и Отман, во всерастворяющие свойства царской водки, курфюрст мог попытаться растворить в ней серебро. Но серебро, в отличие от золота, в царской водке не растворяется, лишь окрашивет ее в буро-желтый цвет[7]. Поэтому Фридрих мог подумать, что полученное им вещество вовсе не то, какое он должен был добыть в итоге.

Из чего можно предположить, что и особый интерес Фридриха к гидромелю есть в действительности интерес к винной кислоте (тартру), которая получена не из вина, а из гидромеля. Алхимики были убеждены, что изначальные свойства вина [25:65] или меда [28:153] оказывают сильное влияние на свойства полученного из напитка «духа». В их метафорически-аналогических построениях мед обладает бóльшими «солярными» свойствами, чем виноград и вино. И если курфюрст растворил золото в царской водке, выделив затем тетрахлороаурат водорода [7:169]. То использование винной кислоты по аналогии с сепарацией серебра из нитрата серебра, само собой, не дало подобного эффекта. И, быть может, он полагал, что «гидромелевая» винная кислота, обладая большей «гомогенностью» с солнцем и золотом, решила бы эту проблему, дав ему «затвердевшее и кальцинированное золото» из золотосодержащего порошка, выделенного после растворения золота в царской водке. То есть здесь он, скорее всего, надеялся в точности повторить операцию по выделению «цементированного и кальцинированного серебра» из нитрата серебра – сере-

[7] Как пример неоднозначности трактовок цветов в описаниях химических опытов той эпохи, можно указать, что Кирхер, например, называет цвет, получаемый при помещении серебра в царскую водку, «черным» [8:210].

бра, ранее растворенного в крепкой водке – посредством винной кислоты, но уже применительно к растворенному в царской водке золоту, тому вышеуказанному порошкообразному золотосодержащему веществу, которое называется в химии тетрахлороауратом водорода. Тетрахлороаурат водорода же на самом деле было необходимо просто постепенно нагреть, в ходе чего он сначала приобрел бы темно-коричневый цвет, а затем выделил чистое золото, перемешанное со светло-желтым, почти белым порошком хлорида золота [24: t. 3, 593]. Именно эта смесь золота и его хлорида по всем критериям, как кажется, соответствует тому «бело-красному порошку», которым, судя по тексту письма курфюрста, должен был обладать барон де Моранси.

При решении возникших сложностей, на которые он сетует Отману и просит его помощи, в дальнейшем Фридрих III без особых проблем мог продолжить следовать наставлениям псевдо-Луллия и амальгамировать золото в царской водке с растворенной в ней ртутью. Псевдо-Луллий справедливо упоминает о «золе», в которой должна проводиться эта операция, или извести, которую следует добавить [23:381]. Если проанализировать этот тезис, то под золой и известью следует понимать щелочь – ту субстанцию, что в общем виде называется в алхимии алькали́ (араб. Alcali или Alkali) [29:30]. Щелочь была необходима для нейтрализации царской водки, ведь в противном случае золото вновь поглощалось бы ей. Процесс амальгамации как серебра, так и золота возможен только в щелочной среде. Еще одна необходимая для успешного завершения амальгамации функция щелочи здесь – это абсорбция хлора. Псевдо-Аристотель[8], описывая рецепт щелочи, получал не что иное, как карбамид, т.е. мочевину [13:74-75],

[8] Псевдо-Аристотель – общее имя для авторов философских и медицинских работ, приписывавших свои труды Аристотелю, а также для тех, чьи работы были позже приняты за работы Аристотеля. В Средневековье многие европейские и арабские авторы выдавали свои труды за аристотелевские, потому что это приносило их трудам известность и признание.

а Альберт Великий – гашеную известь [12:434]. Оба вещества удовлетворяют всем вышеуказанным требованиям для успешного процесса амальгамации. При комнатной температуре амальгамы золота и серебра представляют собой кристаллы, соответственно, светло-серого, «белого» цвета для «тинктуры» серебра и желтого/золотистого, «красного» – для «тинктуры» золота [26:1-4], искомого «философского камня». Затем полученную амальгаму следовало расплавить, доведя ее температуру до любого значения в диапазоне от 50 ˚С (температура плавления) до 122 ˚С (температура распада), и опущенный в нее предмет, например, медная монета, покрывался тонкой пленкой золота. Визуально такая монета становилась неотличимой от золотой монеты. Примечательно, что именно в подобной «окраске» неблагородных металлов Атанасиус Кирхер и обвиняет алхимиков-фальшивомонетчиков, утверждавших, будто бы они добиваются подлинного преобразования природы металлов [8:209-210].

Анализируя письма Фридриха III, можно увидеть в качестве мотива для занятий алхимией стремление разбогатеть, поскольку в упомянутом письме, он пишет следующее: «Более того, ведь если благодаря этим бумагам какой-либо государь сможет разбогатеть, пусть лучше таковым буду я, чем кто-то иной, имеющий тысячи и тысячи отличных доходов» [2:143]. Однако такой однозначный вывод представляется слишком поверхностным. Судя по засвидетельствованному Дюшеном большому интересу курфюрста к рецепту гидромеля, в последние годы жизни Фридрих мог испытывать проблемы со здоровьем. Скорее всего, его мучали подагра и артрит[9]. Фридриха Пфальцско-

[9] Подводя итог под нижеупомянутым рецептом гидромеля по курфюрсту Фридриху, Дюшен пишет: «…он [т.е. дух гидромеля] освежает одряхлевшие члены, является средством, восстанавливающим тепло. В конце концов, можно утверждать, что он лечит стягивание членов, их скованность и тому подобное, что вызывается холодными влагами [гуморами], каким покорна старость» [28:156].

го не станет в конце октября 1576 г. По всей видимости, автор писем уже был сильно болен, когда писал письма с рецептами, а гидромель, помимо попытки извлечения из него винной кислоты, призван был облегчить страдания больного государя. Согласно свидетельству Дюшена, Фридрих Пфальцский получил гидромель, чей подробный рецепт приводится в трактате «Восстановленная догматическая фармакопея», впервые изданном в 1607 г., под названием «Медовуха со множеством ароматов, приготовленная Светлейшим Высочеством Фридрихом, светлая ему память, курфюрстом Пфальцским, и полученная мною от него» [28:155].

Здесь скрывается сложность в исследовании алхимических практик. Ведь часто бывает трудно определить, идет ли в каком-то отдельном случае речь о трансмутационной алхимии или о алхимии медицинской. Так, Дюшен в своих работах почти не касается преобразующей алхимии и вовсе не затрагивает ее практическую сторону. Он подробно раскрывает лишь медицинскую алхимию. В трактате Парацельса «О долгой жизни» мы обнаруживаем описание питьевого золота как золота, растворенного в коррозиве (лат. *corrosio* – разъедание) [10] на основе ртути [25:157]. В схолиях Жака Гори к этому сочинению мы находим приводимый им детальный разбор приготовления вышеуказанного питьевого золота согласно Парацельсу. Приводимая французским алхимиком выдержка принадлежит перу другого автора, популяризировавшего доктрину Парацельса в XVI в. – Герхарда Дорна[11] [25:64-65,70]. Однако Гори

[10] Коррозиво – это вещества, приводящие к самопроизвольному распаду металла, проще говоря – к коррозии. Например, гидроксид аммония, гидроксид калия (едкий калий) и гидроксид натрия (едкий натр) и некоторые другие.

[11] Герхард Дорн (1530–1584) – бельгийский врач, алхимик, философ, коллекционер алхимических книг и рукописей. В собственной редакции он издал ряд сочинений Парацельса, не опубликованных при его жизни. Поскольку сложно установить, насколько эти работы представляют собой оригинальный труды Парацельса, а в какой степени явля-

приводит еще один рецепт, как выражается он, «питьевого золота». Это смешанный с сахаром отвар из цветов мелиссы, собранных при соответствующем положении светил [25:298]. Как мы видим, речь идет о простом питьевом отваре, а не об употреблении высокотоксичной смеси золота и ртути. С одной стороны, это наглядно показывает нам, что последователи Парацельса Дюшен и курфюрст Фридрих, вслед за Жаком Гори, расценивали «питьевое золото» как метафору. Отвар из мелиссы был медицинским аналогом жидкого золота[12] в трансмутационной алхимии. Они осознавали крайнюю токсичность жидкого золота, которое получается, если буквально следовать рецептам Псевдо-Луллия и Парацельса. С другой стороны, в двух рассматриваемых нами видах алхимических практик мы сталкиваемся с параллельным наименованием растворов и веществ, совершенно различных по своей природе, но сопоставимых по неким внешним характеристикам, а потому имеющих в представлениях алхимиков общую природу.

Для лучшего понимания приведем пример. Учитывая очень вероятный интерес Фридриха к гидромелю еще и как к средству лечения суставов, он вполне мог попытаться получить и «спагирический алькали», то есть медицинский аналог трансмутационной «щелочи», рецепт которой Дюшен приводит в сочинении «О сути истинной медицины первофилософов». Вещество это представляло собой жгучую и прогревающую мазь на основе экстракта корня аронника и все того же гидромеля, которую предписывалось втирать в больные суставы [27:292-293]. Впрочем, у нас нет свидетельств попыток изготовления курфюрстом медицинской щелочи. Как бы там ни было, из проанализи-

---

ются изложением натурфилософских соображений самого Дорна, часто опубликованные им тексты швейцарского врача причисляют к корпусу Псевдо-Парацельса.

[12] Говоря о трансмутационной алхимии, или хризопее, слово «potabile» здесь, очевидно, следует метафорически расценивать исключительно как «жидкое», но точно не как «питьевое».

рованных нами свидетельств становится совершенно понятно, что Фридрих III занимался по крайней мере двумя видами алхимических опытов, трансмутационным и медицинским.

Письма не дают ответ на вопрос о духовных исканиях курфюрста. Здесь, тем не менее, можно опираться на устоявшийся в историографии взгляд на реформаторскую деятельность Фридриха III, принявшего Гейдельбергский катехизис и ставшего одним из лидеров кальвинистской церкви в Германии. Духовные искания реформаторов были близки исканиям людей ренессансной эпохи, в частности натурфилософов, мысливших на приграничье категорий религиозного и практического знания.

Литература

1. *Акопян О.Л.* Волки в овечьих шкурах. «Рассуждения против прорицательной астрологии» и ренессансная мысли Италии конца XV – начала XVI в. М.; СПб., 2018. 256 с.
2. *Баязитова Г.И.* Неизвестное письмо Фридриха III Пфальцского Франсуа Отману (апрель 1576 г.) // Средние века. М.: Наука, Вып. 84(2). С. 136-144.
3. *Бережная Н.А.* В битве за истинную веру. Кальвинизм в Германии в XVI веке. СПб.: Наука, 2021. 295 с.
4. *Зотов С.О., Харман Д.Д.* Средневековая магия. Визуальная история ведьм и колдунов. М., 2022. 368 с.
5. *Зотов С.О.* История алхимии. Путешествие философского камня из бронзового века в атомный. М., 2020. 416 с.
6. *Йейтс Ф.* Дж. Бруно и герметическая традиция. М., 2000. 528 с.
7. *Карякин Ю.В., Ангелов И.И.* Чистые химические вещества. М., 1974. 408 с.
8. *Кестлер И.С., Кирхер А.* Экспериментальная физиология Кирхера / Пер. с лат. И. Сахарчука. М., 2022. 572 с.
9. Книга алхимии: Истории, символы, практика [сост., вступ. ст., коммент. *В. Рохмистрова*]. СПб., 2008. 302 с.
10. *Майзульс М.Р., Зотов С.О., Антонов Д.И.* Восковые ноги и железные глаза. Вотивные практики от Средневековья до наших дней / под ред. А. Тарасовой. М., 2022. 368 с.

11. *Чукуров П.М.* Серебра нитрат // Химическая энциклопедия в 5 т. / Гл. ред. Н. С. Зефиров. М., 1995.
12. *Albertus Magnus*. De Alchemia Praefatio // Theatrum Chemicum. Argentorari: Sumptibus Lazari Zetzneri, 1602–1661. 6 vols. T. 2, p. 423-458.
13. *Aristioteles [Pseudo-]*. De perfictio magisterio // Theatrum Chemicum. Argentorari: Sumptibus Lazari Zetzneri, 1602–1661. 6 vols. T. 3, p. 54-111.
14. Collectanea Chemica: Beging Certain Select Treatises on Alchemy and Hermetic Medicine / By Eirenarus Philaethes, Dr. Francis Antony, George Starkey, Sir George Ripley and Anonymous Unknown. L., 1893. 160 p.
15. *Dareste R.* Dix ans de la vie de François Hotman (1563–1573) // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français). Paris: Libraire Droz, 1876, Vol. 25, № 12 (1876). P. 529-544.
16. *Dareste R*. François Hotman, sa vie et sa correspondance: avertissement // Revue Historique. P., 1876, T. 2. Fasc. 1 (1876). P. 1-59;
17. *Dareste R.* François Hotman, sa vie et sa correspondance: suite et fin // Revue Historique. P., 1876, T. 2. Fasc. 2 (1876). P. 367-435;
18. *Dareste R.* Hotman. L'après de Nouvelles lettres des annés 1561–1563 // Revue Historique. P., 1908, T. 97, Fasc.2 (1908). P. 297-315.
19. Fracisci et Joannis Hottomanorum patris ac filii et Clarorun Virorum ad Eos Epistolae. Amstelaedami: Apud Georgium Gallet, Præfectum Typographiæ HUGUETANORUM, 1700. 488 p.
20. *Kahn D*. Alchimie et Paracelsisme en France à la fin de la Renaissance (1567−1625). Genève, 2007. 806 p.
21. *Kahn D*. Le Fixe et le volatil. Chimie et alchimie, de Paracelse à Lavoisier. P., 2016. 245 p.
22. *Kluckhohn A*. Friedrich der Fromme: Kurfürst von der Pfalz der reformirten. Der Schüker der reformirten Kirche 1559–1576. Nördlingen, 1879. 478 S.
23. *Lullius R. [Pseudo-]*. Processus. // Theatrum Chemicum. Argentorari: Sumptibus Lazari Zetzneri, 1602–1661. 6 vols. T. 4, p. 375-383.

24. *Mellor J. W*. A Comprehensive Treatise on Inorganic and Theoretical Chemistry. London, New York, Bombay, Calcutta, Madras, 1947–1952. 8 vols.
25. *Paracelsus*. Philosophiae et medicinae utriusque universae, Compendium ex Optimis quibusque ejus libris cum Scholiis Leoni Suavii IGP in libros IIII ejusdem. Francofurti ad Moenum: Per Petrum Fabricium, 1568. 427 p.
26. *Predel B*. Au-Hg (Gold-Mercury) // Landolt-Börnstein – Group IV Physical Chemistry, #5a (1991). P. 1-4.
27. *Quarcetanus Io*. De Priscorum Philosophorum verae medicinae materia, praeparationis modo, atque in curandis morbis, praestantia. Aureliae Allobrogum: Apud Iohannem Vignon., 1609. 432 p.
28. *Quarcetanus Io.* Pharmacopoea dogmaticorum restituta: Pretiosiss. selectisque hermeticorum floribus abundè illustrata. Marburgi, 1622. 448 p.
29. *Rulandus M.* Lexicon Alchemiae, sive Dictionarium Alchemisticum, cum obscuriorum Verborum et Rerum Hermeticarum, tum Theophrast-Paracelsicarum Phrasium, Planam Explicationem continuens. Francofurti, 1612. 471 p.
30. *Secret F*. Un document oublié sur François Hotman et l'alchimie // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Paris: Libraire Droz, 1980. T. 42. № 2. P. 435-446.
31. *Secret F.* Réforme et alchimie // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français (1903−2015). P., 1978. Vol. 124. P. 173-186.

Иван Александрович Сахарчук

ОБ АЛХИМИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ ФРАНСУА ОТМАНА: СОЗДАНИЕ, РЕДАКЦИИ, ХАРАКТЕР, ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Рассматриваемое в статье сочинение Франсуа Отмана впервые опубликовано в 1576 г. и известно в двух редакциях под двумя названиями. Из анализа текстов можно установить, что как в своих натурфилософских взглядах, так и в воззрениях на алхимию автор разделяет взгляды Жозефа Дюшена, являясь строгим последователем доктрины Парацельса. Законность же алхимии доказывается у него как через типичную работу с постглоссаторами, так и, напротив, в несвойственной для гугенота манере – через отсылки к каноническому праву.
Ключевые слова: алхимия, парацельсизм, история науки, история права, постглоссаторы, каноническое право, Отман.
Об авторе: Сахарчук Иван Александрович – свободный исследователь, г. Стамбул (Турция), les_solaires_livres@yahoo.co.uk

Как нам известно, вера в герметическую доктрину, в частности в возможность преобразования свойств металлов, а равно почтение к фигуре Парацельса были весьма распространены в Европе раннего Нового времени. Так, великий французский юрист Жан Боден признавал реальность превращения металлов, а Парацельса назвал одним из величайших философов своего времени [5:фол. 98r, 102r]. Не оставался в стороне и его не менее выдающийся коллега и соотечественник Франсуа Отман. Алхимические практики франко-швейцарского юриста Отмана представляют собой интересное поле для исследований, но, к сожалению, до сих пор они освещены достаточно слабо. Более того, в этом ключе вспоминаются идеи американского историка Энтони Томаса Графтона утверждавшего, что изучать общество и культуру Европы раннего Нового времени, не принимая в расчет астрологию и алхимию, это все равно, что исследовать современное общество, упуская

влияние на него экономических теорий и психоанализа [10:14]. Таким образом, более тщательное рассмотрение этой мистико-натурфилософской стороны наследия уроженца Парижа Отмана в перспективе может открыть путь к более глубокому пониманию не только представлений об окружающем мире эпохи через призму этих идей Отмана, но и в новом свете оценить его политические взгляды, в частности, политэкономические представления. И самый полный известный источник по настоящему вопросу будет проанализирован в этой статье.

В 1576 г. в Базеле в типографии Пьетро Перны было опубликовано второе издание сочинения «О металлическом искусстве» Иоанна Хрисиппа Фаниана. Первое издание вышло в 1560 г. Рукопись его была написана в Париже и окончена 14 ноября 1559 г., точные годы жизни самого автора неизвестны [8]. Второе издание было дополнено трактатом под заглавием «Ответ касательно законности алхимии» (Responsum de jure alchimiae) некого доктора права Томаса Афронцина (Thomas Afroncinus) [9:103-118]. Все тексты написаны на латинском языке.

В 1980 г. французский исследователь Франсуа Секре опубликовал в журнале «Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance» работу, в которой сообщает об обнаружении в библиотеке университета Болоньи коллекции алхимических рукописей некого графа де Капрара, жившего в XVII в. Среди прочего, в ней было обнаружено сочинение на латинском языке, датированное в самом тексте 1574 г. и озаглавленное как «Исследование выдающегося юрисконсульта Франциска Хотомана „Допустима ли алхимия в добропорядочном обществе?“» (Francisci Hotomani I. C. celeberrimi disputatio: An Alchemia in bene morata civitate toleranda sit?).

Два текста, подписанные именами Афронцина и Отмана, во многом совпадают друг с другом, а что касается отличий, то о них еще будет сказано отдельно. Как бы там ни было, это почти идентичные по содержанию тексты. Секре

заключает на основании этого, что «Thomas Afroncinus» является анаграммой латинизированного имени «Franciscus Hotomanus»[1]. Текст, датированный 1574 г., однако, создает впечатление более стилистически выдержанного, последовательного и цельного, нежели опубликованный в 1576 г.

Секре приходит к своему выводу, исключительно опираясь на указание имени Отмана в рукописи из коллекции Капрары. Нам же подобный вывод кажется слишком поверхностным и скоропалительным. Нельзя исключать возможности фальсификации, ведь кто-то вполне мог приписать видоизмененный в своих интересах текст Афронцина Франсуа Отману уже после 1576 г.

В книге «Алхимия и парацельсизм во Франции в конце Ренессанса» французский историк Дидье Кан затрагивает наш вопрос и приводит ряд писем, найденных им в архивах Женевы, касающихся интеллектуальной жизни города в интересующую нас пору, в частности натурфилософских диспутов, в которые был вовлечен и Отман. Вопрос авторства убедительно разрешает переписка профессора греческого языка Лейденского университета Бонавентуры Вулканиуса, который в письме своему покровителю и меценату Томасу Редигеру, датированном июнем 1575 г., сообщает, что Франсуа Отман работает над трудом, где доказывает легитимность занятий алхимией [15:248]. А письмо самого Отмана от 6 октября 1575 г. к другу, юристу Базилю Амербаху, является сопроводительным к той самой рукописи, которая была напечатана в 1576 г. В этом письме Отман дает Амербаху полную свободу вносить любые редакторские правки, которые тот посчитает нужным [15:253]. Таким образом, авторство Отмана можно считать бесспорным.

Но что же побудило Франсуа Отмана сесть за этот небольшой алхимический трактат вскоре после публикации

---

[1] Полный текст на латыни с предисловием Секре приведен в его статье «Забытый документ о Франсуа Отмане и алхимии» [18].

первого издания «Франкогаллии»? В том же письме Вулканиус сообщает своему покровителю, что в это время в Женеве разгораются диспуты между лагерями так называемых «врачей» и «алхимиков». К последней, помимо Отмана, принадлежал, согласно Вулканиусу, кальвинистский теолог Теодор де Без. К «алхимикам» также относился и Жозеф Дешен, известный под латинизированной формой имени Иосиф Кварцетан, личный медик наследного принца из дома Валуа Франсуа Алансонского, впоследствии дипломатический представитель и личный медик французского короля Генриха IV Бурбона. «Врачей» Вулканиус не перечисляет, но идентифицировать их виднейших представителей не представляет сложности. Тем более, что он вскользь упоминает сочинение итальянского врача Джованни Антонио Фенотти из Кремоны «Алексифармакум, или Апологетическое противоядие» (Alexipharmacum, sive Antidotus apologetica). Кроме Фенотти к группе «врачей» можно отнести Жака Обера, Жана Антуана Саразена, Туссена Дюкре, Антуана де Лафэ.

«Алхимики» в своих взглядах являлись строгими и последовательными представителями парацельсизма, в то время как их оппоненты представляли более консервативный лагерь приверженцев философии Томаса Эрастуса, который пишет в опубликованном в 1572 г. двухтомнике «Споры о новой медицине Филиппа Парацельса»: «Ложная доктрина Парацельса недопустима и должна быть отвергнута не только в частностях, но целиком и полностью» [7:т. 1, фол. 2г].

Не вдаваясь в ретроспективу этого обширного дискурса[2] и не покидая городских стен Женевы, обозначим, что стимулом к написанию подобного рода текста для Отмана послужил спор Жака Обера и Жозефа Дешена. В 1575 г.

[2] За ней можно обратиться к приводимой работе Д. Кана. Натурфилософские же представления защитников алхимии великолепно раскрывает статья Х. Хираи «Мировой дух и квинтэссенция в химической философии Жозефа Дешена» [12].

Обер публикует «Краткое и ясное объяснение возникновения и свойств металлов против химиков». В этом сочинении, опираясь на работы Георгия Агриколы и Эрастуса, Обер оспаривает Парацельсов ревизионизм четырех аристотелевских стихий и, отталкиваясь от концепции видов Аристотеля, принятой в Средние века схоластами и юристами-канониками, утверждает, что каждый металл имеет свой вид. В свою очередь, вид, обретший материальное воплощение и тем выделившийся из архетипа, или, в христианской трактовке, будучи воплощенным Творцом в нижнем, материальном мире, впоследствии не может быть изменен [4:20-25]. Кроме того, что важно для нас в настоящем контексте, он обвиняет «химиков» – заметим, что термины «алхимия» и «алхимики» не используются ни Эрастусом, ни Обером – в том, что их якобы подлинные примеры трансмутации очень близки по определению к фальшивомонетничеству [4:64-65]. В том же году Дешен отвечает своему оппоненту в «Кратком ответе Жаку Оберу», пытаясь доказать, что так называемая стихия огня, которой на самом деле являются небеса – а огонь лишь частное проявление небесной стихии, – имеет предматериальный характер своего бытия [16:174]. Далее, металлы сотворены из одной и той же материи. Следовательно, они принадлежат одному и тому же виду. Формируясь в различных отношениях порождающих отдельные металлы предматериальных («небесных») принципов Меркурия, Сульфура и Соли, в различных отношениях тепла-холода и влажности-сухости, изначально единая материя металлов наделяется собственными свойствами конкретного металла, будь то золото или серебро, железо или свинец [16:160-169, 177].

Отман представляет свою работу как критику тезисов францисканского монаха XV в. Анджело Карлетти ди Кивассо. Хотя на самом деле структура «Ответа Афронцина» в первую очередь обращает внимание читателя не на формулировки францисканца, а развивает в юридической

плоскости критику Дешена в адрес Обера. В каноническом праве теолого-философскую догму неизменности видов закреплял canon Episcopi q. 26, 5, 12 § Nec mirum. Поэтому нехарактерным для себя способом кальвинист Отман апеллирует к каноническому праву. «Канон», в частности, гласит, и это Отман цитирует в обеих редакциях: «Всякий, кто верит, что какое бы то ни было творение можно улучшить или ухудшить, или преобразовать в другой вид, или совершить тому подобное, кроме как что все это совершается Самим Творцом – неверующий» [9:114; 18:439 (10)].

В целом, говоря об особенностях этого текста Отмана, он, за исключением вышеуказанной ссылки на источник канонического права, по характеру близок к другим сочинениям этого автора. Что же касается непосредственно различий между двумя текстами, то, прежде всего, в редакции текста 1576 г. не приводятся тезисы Джироламо Дзанетино в защиту легального характера алхимии. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что в книге выдержки из сочинения Дзанетино приводятся непосредственно перед текстом за авторством Отмана/Афронцина. Там же автор отказывается от долгого вступления, где он обозначает важность данной темы. Сочинение сразу начинается с перечисления его основных юридических источников из числа работ постглоссаторов, которые в исследуемой Секре рукописи приводятся лишь в середине текста. Публикация 1576 г. не делает акцент на последовательном опровержении семи тезисов против алхимии Анджело ди Кивассо. В тексте, датированном 1574 г., Отман избегает упоминания папы римского Льва X, говоря о посвященном ему трактате «Хризопея» Джованни Аурелио Аугурелли. Автор опускает и фрагмент о францисканских монахах, занимавшихся «королевским искусством» [9:113]. В издании 1576 г. Отман больше ссылается на Священное Писание, как источник естественного права, которое, по его мнению, регулирует и денежное обращение. Единственное более-менее существенное различие в формулировках – но

не в сути – мы встречаем в концовке текстов. В рукописи Секре она значительно более объемная, дополненная сравнением металлов с живыми существами и их развитием, когда, существенно меняя форму, как гусеница превращается в бабочку, тем не менее они не меняют вид. При этом Отман упоминает гипотезу самозарождающейся жизни, идею, которая наиболее глубоко была проработана «отцом естествознания» Улиссе Альдрованди. Самая же важная и, пожалуй, интересная часть, которая отсутствует в «Ответе Афронцина» 1576 г., это личные наблюдения автора. Через них он пытается доказать реальность преобразования металлов с точки зрения непосредственного свидетеля и участника алхимических практик. С этим связана любопытная история, которой мы коснемся несколько позднее, когда будем говорить о датировке рукописи Секре.

Далее стоит сказать пару слов о языке, каким написано настоящее сочинение. Это обычная как для самого Отмана, так и для иных французских писателей второй половины XVI в. довольно простая латынь, где активно используются предложения от первого лица и ввиду этого относительно редко мы встречаемся со страдательным залогом. Обратная же тенденция характерна для «высокой латыни» итальянских авторов и усложнения языка, свойственного ученым-писателям XVII в. Также, не просто как для французского автора своей эпохи, но и, очевидно, как для юриста, Отману свойственно использование простой лексики, минимизирующей возможность двоякой трактовки. Для авторов, писавших на изысканной латыни, характерна была ситуация, когда в погоне за высоким стилем они загоняли себя в необходимость нагромождения пояснений через «aut» или «sive», выступавших не в качестве дизъюнкции, а как пояснение, дополнение в синтаксическом смысле этого слова. Однако Отман может обращаться к сложным оборотам во вступлении. Например, и рукопись Секре [18:437 (1)], и «Комментарий к текстам дигест и кодексов» [13:9] в самом начале содержат одинаковое неза-

урядное, даже высокопарное решение – существительное в генетиве, которое выносится перед словом, в зависимом положении от которого оно находится. Ничего подобного больше ни в первом, ни во втором в тексте не встречается. Садясь за письменный стол, гугенот Отман будто отвергал всякое веяние с Апеннин, будто даже сознательно избегал той изысканности слога, что была характерна для итальянской гуманистической школы. Отметим, еще один любопытный нюанс, объединяющий его тексты. Во всех работах он предпочитает либо использовать имена авторов в номинативе, либо сокращать до постфикса.

Другая характерная черта Отмана-автора – перегруженность текста ссылками на кодифицированные римские правовые акты – равно присуща и его алхимическому сочинению. Конечно, здесь, ввиду натурфилософского уклона работы, присутствует большое количество отсылок к законам, которые не встречаются в иных его работах. Но если мы коснемся списка постглоссаторов, заключениями которых Отман оперирует в обеих версиях текста, то мы обнаруживаем стандартный для его работ корпус авторов. Сравним представленность авторов в настоящей работе – для простоты назовем ее ниже «Alchimia» – с вышеназванным «Комментарием» («Comm. TT.») [13] и «Франкогаллией» («Fr.-G.») в редакции именно 1586 г. [14], где Отман гораздо большее внимание уделяет ссылкам на источники в сравнении с ранними публикациями.

Таблица:
числа обозначают номер страницы, где упоминается тот или иной автор

Автор	Alchimia		Comm. TT.	Fr.-G.
	Рукопись Секре	Издание Фаниана		
Дж. Андреа	441 (21)	103	110	193, 199
Бальдус	443 (31)	103	99, 115	62, 193, 196
Панормитан	443 (31)	103-104	—	203
А. да Изерниа	443 (31)	104	—	67
А. Бруно	443 (31)	104	—	—
Дж. Дзанеттино	443 (31)	104	—	—
Г. де Лапап	443 (31)	104	—	62
Ольдрадус	443 (31)	103	—	—

Как мы можем убедиться, исходя из таблицы, только три из восьми авторов не упоминаются в других работах Отмана. Что касается Бруно и Дзанеттино, то их интерес, главным образом пролегавший в плоскости согласования права и меняющихся представлений об окружающем мире, вряд ли был полезен в прочих юридических вопросах, интересовавших Отмана. А вот Ольдрадус (Ольдрадо да Понте), старейший после Изернии – знатока лангобардского права – автор из всех перечисленных, игнорируется в прочих трудах. Очевидно потому, что в его работе еще отчетливо не обозначается разрыв между римским правом как принципом и некритичным прочтением Кодекса Юстиниана с беспрекословным следованием его букве. Но не стоит забывать, что Фаниан раньше Отмана в своем доказательстве законности алхимических практик обращается и к Ольдрадусу [9:74, 95], и к Дзанеттино [9:99]. Таким образом, сам Отман вводит в дискурс из нехарактерных

для него источников только Альберто Бруно. Зато в обеих редакциях встречается такой весьма редко цитируемый французский юрист, сторонник превосходства обычного права над римским, как Ги де Лапап. Все эти свидетельства, стилистические и источниковедческие могут послужить дополнительным подтверждением несомненного авторства Отмана. Еще один момент, общий для всех работ парижанина – обильное цитирование Цицерона и отсылки к великому оратору. Черта же не характерная для него, но вполне оправданная в контексте – это, повторюсь, отсылки к каноническому праву, в частности к canon Episcopi, и законам Extravagans, папским декретам, не вошедшим в официальные собрания.

Но что вызывает сомнения – это датировка рукописи Секре. Можно обозначить пять встающих перед нами вопросов, заставляющих усомниться, что 1574 г. – настоящий год ее написания:

1. Почему текст 1574 г. имеет бóльший объем, содержит бóльшую доказательную базу, лучше стилистически выдержан и части его более органично сочетаются друг с другом? Конечно, это можно объяснить тем, что многие из его тезисов разбираются в других частях издания Фаниана и их повторение кажется излишним. Но обычно со временем подобные сочинения усложняются и разрастаются, нежели им свойственна обратная тенденция к сокращению и упрощению.

2. Откуда проистекает такая очевидная логическая привязка собственных рассуждений Отмана к тексту Жака Обера, который опубликован годом позже, если верить дате в рукописи?

3. Почему Вулканиус – ученый, живший тогда в Женеве, целиком и полностью погруженный в ее интеллектуальную жизнь и, как кажется, склонявшийся в ту пору к учению «алхимиков»[3] и состоявший с ними в довольно

[3] По крайней мере, такое впечатление сложилось у меня при ознакомлении с текстом вышеупомянутого письма Вулканиуса к Редигеру, где

тесных отношениях, – пишет в июне 1575 г., что Отман находится только в процессе написания «некого» труда, ничего не зная о рукописи 1574 г.?

4. Вулканиус пишет, что Отман работает над этим сочинением, «не заботясь о добром имени» [15:248]. Почему в таком случае он публикует текст 1576 г. под псевдонимом, если в 1574 г. рукопись уже должна была быть известна в Женеве, городе, о сохранении доброго имени в котором ему следовало заботиться больше всего?

5. В письме от 27 ноября 1576 г., после публикации Фаниана, адресованном все тому же Амербаху, Отман, словно забыв, о чем писал в прошлогоднем письме, выражает неудовольствие, что две страницы из рукописи, связанные с его непосредственным опытом наблюдения за алхимическими трансмутациями, оказались исключены из финального варианта текста. Отман говорит, что намерен написать другую, более полную версию своего трактата [15:254]. Почему тогда она нам неизвестна? Можно, конечно, предположить, что какие-то обстоятельства помешали ему закончить работу. Но куда более вероятно, что текст, датированный 1574 г., и есть позднейший вариант, анонсированный в письме Амербаху, ведь вся критика в адрес редакторских правок Амербаха как будто учитывается в рукописи Секре. По всей видимости, переписчик манускрипта спутал небрежно написанную цифру «7» с четверкой, и можно предположить, что настоящий год написания рукописи Секре – 1577.

В 1602 г. текст Афронцина, наряду с остальными текстами из второго издания Фаниана, будет включен в первый том сборника «Химический театр» [3]. А в 1604 г. в сво-

---

именно «врачи» становятся мишенью острот автора письма. Однако много позднее, в 1609 г., узнав о смерти Дешена, Вулканиус не находит ни одного доброго слова в его адрес: в длинном списке обвинений в адрес покойного находится место и для шарлатанства в области медицины и химии, которое, был убежден Вулканиус, погубило множество жизней [6:161].

ем труде «К истинной герметической медицине» [17:58-61] уже сам Дешен принимается за оправдание алхимии с точки зрения закона. В формулировках своих эта часть его сочинения несколько отличается от тех тезисов, к каким прибегает Отман. И хотя, разумеется, влияние этих мыслителей друг на друга было взаимным, скорее все же здесь Отман больше влияет на Дешена, чем двадцатью восемью годами ранее наоборот.

Данные тексты представляют немалый интерес для истории науки. Они дают частное представление о натурфилософских воззрениях эпохи через призму автора, серьезно не погруженного в естественнонаучные исследования, о перцепции натурфилософии, приближенной к ее восприятию в широких кругах. Отман приводит, с одной стороны, в оригинале цитату Аристотеля из «Топики» (105b): θείη γὰρ ἄν τις τὸ ὑπό τινος εἰρημένον ἐνδόξου[4], – а с другой, апеллирует к опытному знанию. Это явственно обозначает для нас совершавшийся в то время тяжелый и медленный переход от схоластической философии с ее первостепенной значимостью логоса – которая обнаружила через этот самый примат логоса номинализм самой радикальной формой своего развития, – к зарождению методологии, которую уже можно определить как научную.

Профессор римского права Женевского университета Франсуа Отман, основываясь на эмпирическом опыте и ряде теологических и натурфилософских авторитетов, выкристаллизовал принципы римского права, соединил их с элементами канонического права и законами Extravagans, в большей степени выделяя последние (в рукописи Секре). Он принимает и поддерживает юридическую философию постглоссаторов Дзанеттино и Бруно, под давлением духа времени рассматривавших закон как принцип, но не как абстрагированный, абстрагированный в том числе от ме-

[4] «…ведь можно выставлять в качестве тезиса слова известных философов» [18:441 (22); цит. на русск.: 1:т. 2, с. 363].

таморфоз развития представлений об окружающей среде, непреложный догмат. И, руководствуясь этим принципом, Отман переносит юридическую оценку на современные ему науки и ремесла. Подобный синтез натурфилософских и правовых источников, а также результаты собственных алхимических практик приводят Отмана к заключению, «что алхимическое искусство допустимо в добропорядочном обществе, а его мастера заслуживают уважения и вознаграждения, как и их труд» [18:446 (53-54)].

В многочисленных работах уже XVII века такие авторы как ученик Вулканиуса Ансельм де Бодт, Михаил Сендивогиий (Михал Сендзивой), Рене Декарт, Даниель Зеннерт, Пьер Гассенди, Атанасиус Кирхер и другие формируют две противоборствующие концепции. Первая концепция – это концепция атомизма, или недифференцированных частиц, которая очевидна в работах сторонников алхимии, включая самого Исаака Ньютона. Вторая гипотеза говорит об изначально наделенных материальными свойствами «саморазворачивающихся» корпускулах, или «семенах материи». И именно она была взята на вооружение противниками алхимии[5].

В конце концов, вышеперечисленные мыслители выводят историю науки на финишную прямую, ведущую к Научной революции середины XVII в., и к тем представлениям, которыми так или иначе мы оперируем теперь. Причем, сколь бы парадоксальным это не казалось, представления алхимиков находят бóльшее отражение в современной молекулярной химии и оказали бóльшее влияние на становление ее раннего прообраза, чем взгляды противников реальности алхимических преобразований.

---

[5] Эту тему подробно раскрывает в своей статье «Мистерия живых корпускул: Атомизм и порождение жизни у Зеннерта, Гассенди и Кирхера» Х. Хираи [11]. На примере Кирхера она рассматривается в моей статье «Hermes Mechanicus: отвержение алхимии отцом Атанасиусом Кирхером (1602–1680) в контексте герметической доктрины и научных взглядов его эпохи» [2].

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения в 4-х т. М., 1976–1983.
2. *Сахарчук И.* Hermes Mechanicus: отвержение алхимии отцом Атанасиусом Кирхером (1602–1680) в контексте герметической доктрины и научных взглядов его эпохи. // Феномен алхимии в истории науки, философии, культуре, IV международная научная конференция. / Отв. ред., состав., вс. ст. Б. К. Двинянинов, В. Н. Морозов. – СПб., 2022. С. 20-34.
3. *Afroncinus Th.* De Iure Alchemiae responsum. // Theatrum Chemicum. Argentorari : Sumptibus Lazari Zetzneri, 1602–1661. 6 vols. T. 1, P. 63-67.
4. *Aubertus I.* De metallorum ortu et causis contra Chemistas brevis et dilucida explication. Lugduni: Apud Iohannem Berion., 1575.
5. *Bodin I.* De la Démonomanie des Sorciers. Paris: Iacques du Puis, 1580.
6. *Cazes H*. Bonaventura Vulcanius, Works and Networks: Bruges 1538–Leiden 1614. Leiden: BRILL, 2010.
7. *Erastus Th*. Disputationes de medicina nova Philippi Paracelsi: In qua, quae de remediis superstitiosis & magicis curationibus ille prodit, praecipue examinantur. Basileae: Apud Petrum Pernam, 1572. 2 vols.
8. *Fanianus Io*. De arte metallicae metamorphoseos liber singularis quo omnia, quae ad philosophici lapidis opus pertinent, apertissime describuntur. Parisiis: Apud Gulielmum Guillard, 1560.
9. *Fanianus Io.* De arte metallicae metamorphoseos liber singularis. Quo omnia, quae ad philosophici lapidis opus pertinent, apertissime describuntur. Item De iure artis alchemiae veterum auctorum, & praesertim iurisconsultorum iudicia et responsa ad quaestionem an alchemia sit ars legitima. Basileae: apud Petrum Pernam, 1576.
10. *Grafton A., Newman W.R.* Introduction: The Problematic Status of Astrology and Alchemy in Early Modern Europe. // Grafton A., Newman W. R. (eds.) Secrets of Nature: Astrology and Alchemy in Early Modern Europe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. P. 1-37.

11. *Hirai H.* Mysteries of Living Corpuscles: Atomism and the Origin of Life in Sennert, Gassendi and Kircher. // Early Modern Medicine and Natural Philosophy. Ed. Peter Distelzweig et al. Dordrecht: Springer, 2016, P. 255-269.
12. *Hirai H*. The World-Spirit and Quintessence in the Chymical Philosophy of Joseph Du Chesne. // Chymia: Science and Nature in Medieval and Early Modern Europe (1450-1750). Ed. Miguel Lopez-Perez. Cambridge. 2010. P. 247-261.
13. *Hotomanus F*. Commentarius in TT. Digestor et Codic. de Pignoribus et Hypothecis. Basileae: Per Eusebium Episcopium & Nicolai fr. haeredis, 1576.
14. *Hottomanus F.* Francogallia: Nunc quartùm ab auctore recognita, & praeter alias accessiones, sex novis capitibus aucta. Francofurdi: Apud heredes Andreae Wecheli, 1586.
15. *Kahn D.* Alchimie et Paracelsisme en France à la fin de la Renaissance (1567−1625). Genève: Librarie Droz, 2007.
16. *Quarcetanus Io*. Ad Iacobi Auberti Vendonis De orta et causis metallorum contra Chemicos explicationem; ac primum ad ejus Epistolam convitiatoriam, qua Paracelsicorum, quos vocat, nonnula remedia evertere conatur; Brevis Responsio. // Theatrum Chemicum. Argentorari : Sumptibus Lazari Zetzneri, 1602–1661. 6 vols. T. 2, p. 150-178.
17. *Quarcetanus Io*. Ad veritate Hermeticae Medicinae ex Hippocratis veterumque decretis ac Therapeusi: nec non vivae rerum anatomiae exegesi, ipsiusque naturae luce stabiliendam, adversus cujusdam Anonymi phantasmata Responsio. Lutetiae Parisiorum: Apud Abrahamum Savgrain, 1604.
18. *Secret F.* Un document oublié sur François Hotman et l'alchimie // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Basle: Librarie Droz. T. 42, No. 2 (1980). P. 435-446.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ЮРИСКОНСУЛЬТА ФРАНЦИСКА ОТОМАНА **ДОЗВОЛИТЕЛЬНА ЛИ АЛХИМИЯ В ДОБРОПОРЯДОЧНОМ ОБЩЕСТВЕ?**[1]

(Перевод с лат. яз., комментарий *И. Сахарчука*)

В предстоящем вопросе не настолько трудно исследование, насколько [трудно] ответить на несущее опасность мнение, а вместе с ним на укоренившееся благодаря некоторым профессорам в народе подозрение к настоящему искусству. Но по чрезвычайно многочисленным мольбам добрых мужей я был вынужден обратиться к сему исследованию. Я заимствовал свои суждения у самых признанных авторитетов и благороднейших во всех сферах учёных. Среди них на первое место были поставлены те авторы, чьи [сочинения] получили наибольшее практическое применение средь правителей и граждан. И я не стану терпеть утаивающих от меня подлинные свидетельства.

Приступая, я дам определение этому предмету, из которого станет понятно, как следует его применять и что его не надлежит слишком долго отыскивать и бесконечно множить, но [его следует] ограничить концами и пределами. Так, математически лаконично и во всей полноте во второй книге канона «О колдовстве» осуждается предсказательная или, лучше сказать, шарлатанская [praestigiatorem] часть астрологии. Из-за [распространенных] в ней заблуждений выдающиеся в своей прилежности в науках [люди], запутываясь в собственных заблуждениях, употребляют название настоящего искусства в неверном значении. Алхимия имеет два определения – первое, идущее от основания, второе – от вида. Так, χημία [химию] греки

[1] Перевод выполнен по публикации: Secret F. Un document oublié sur François Hotman et l'alchimie // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Basle: Librarie Droz. T. 42, No. 2 (1980). P. 435-446.

называли πυρός τό χεῖσθαι [льющимся огнём], что течёт и струится, на латыни мы произносим её название как «литейное искусство» [ars fusoria]. А ее искажённое название перенято от арабов, и алхимией её называют уже согласно их традиции. Мы можем распределить её по основаниям так – учение, плавящее, смешивающее и очищающее металлы. Как учением, без всякого сомнения являющимся наставлением в общественном благе, во всех государствах [civitatibus] им прежде всего занимались многочисленные литейщики, мастера свинцовых дел [plumbarii], которые по закону пользовались уважением (*L. I ca. de excus. artif.* [«*об оправдании ремесленников*»]). Это же касается ювелиров-литейщиков [vascularii], о которых упоминается в *L. apud Labeonem 20 § ult. D. de praes. verb.* [«об обещаниях»] *L. ult. D. de oblig. et act.* [«*об обязательствах и исполнении*»] *L. pen. D. De aur. et arg. leg.* [«*О наследовании золота и серебра*»]. Их охраняет закон. Но кроме него, есть и закон, предусматривающий их наказание, например, в [декрете] «О конкубинате» в *L. 31 D. de concub.* [«о конкубинате»]. Это так или иначе частично касается рудокопов [metallarii] – это те, кто находят металлы в земле. Выкопанный металл очищали и выпаривали на огне. Свидетельство о них содержит заглавие закона *C. de metallariis* [«*о рудокопах*»] *lib. XI.* Так же и монетчики, которые используют результаты науки литья. О них [сказано] в *l. 2* и повсеместно в *C. de auri leg. Et moneta [«о наследовании золота. И монета…»*]. Но в этом перечислении верховенство занимают те мастера, о которых пишет Каллистрат[2] в *L. Lacus 12 § 2 D. de acq. rerum dom.* [*«о приобретении вещей в собственность»*]. Их искусство отделяет медь от серебра, что были смешаны и слиты воедино. Над этим искусством, как и

[2] Каллистрат – римский юрист конца II–начала III вв. н. э., ученик другого выдающегося юриста Папиниана (ок. 150–212 гг.).

над иными, новыми, размышляли Бударию[3], Агрикола[4] и Кардано[5] и называли его «хрисулком» [chrysulcum][6]. Его они точно так же разделяют на [различные] искусства алхимии, а именно: извлекающую из растений и металлов пятую стихию, ту что обычно называют «очищающая» [distillatrix]. С помощью особых сосудов получающую из костей животных настоящее серебро и жидкое золото, его мы обычно называем «тиглем» [copellam] или «зольником» [cineritium]. А также получающую твёрдое и крайне прочное стекло, вытягивающееся в очень длинные нити, испещрённые белыми, разукрашенные разнообразными узорами и сливающиеся в самоцветы. Многие подобные хитрости сообщает Кардано (наиболее выделяющийся на фоне других алхимиков). Их ты узнаешь из кн. XVII «О тонкости»[7]. Практическая польза этих хитростей проявляется и наблюдается в повседневной жизни, не может быть сомнений, что эта часть алхимии не только заслуживает одобрения, но и достойна преференций.

За ней следует вторая часть, которую алхимики, в частности, определяют, как хитроумное искусство, создающее золото и серебро из менее ценных металлов. Через ее определение, мы можем рассмотреть, каким образом она может быть исследована в своих составляющих. Так,

---

[3] Имеется в виду Гийом Бюде (1467–1540 гг.) – французский филолог-классик, основатель Коллеж де Франс и библиотеки в Фонтенбло, тесть Жозефа Дюшена. Речь идёт о книге «Об ассе и его сторонах»; G. Budaeus. De asse et partibus ejus libri quinque. Parisiis: In aedibus Ascensianis, 1514. Fol. LV(r).

[4] Георгий Агрикола, или Георг Бауэр (1494–1555 гг.) – философ, врач и историк, считается одним из родоначальников минералогии; G. Agricola. De re metallica libri XII. Basileae: Apud Hieron. Frobenium et Nicolaum Episcopium, 1556.

[5] Джероламо Кардано (1501–1576 гг.) – великий итальянский математик, инженер, физик, врач, питавший также интерес к астрологии и алхимии; H. Cardanus. De subtilitate libri XXI. Basileae, Apud Sebastianum Henricpetri, 1582.

[6] По одному из названий царской водки, смеси азотной и соляной кислоты в примерном соотношении 2 к 1.

[7] H. Cardanus. Op. cit. P. 826-827.

прежде всего, я смотрю на закон Иоанна XXII[8] *Extravag. C. Spondent*. В нём алхимики целиком и полностью клеймятся позором, покуда помышляют о преобразовании в софистическое золото и серебро. Они клянутся другим, хвастливо выставляют напоказ богатство, а сами трудятся в бедности и скудности домашнего убранства[9]. Это словно о них сказал древний: «Я презираю мудреца, что не разумеет сам себя[10]»[11]. Или как [писал] другой из древних поэтов у Цицерона во 2-й книге «О дивинации»:

Пусть из этого богатства драхму взяли бы себе,
Остальное возвратили б…[12]

И в подобных выражениях ту же алхимию прямо клеймит в своей «Сумме» знаменитый доктор канонического права Анджело[13]. Он размышляет, что она непозволительна (как сам говорит, «во многих отношениях»). Во-первых, поскольку ею до сих пор, по его мнению, не совершено никакого открытия, сравнимого с [открытиями] полезными

---

[8] Иоанн XXII (в миру Жак д'Юэз; 1244/1249–1334 гг.) – папа римский (1316–1334), наложил запрет на занятие алхимией, некоторые авторы писали, что в своё время он сам безуспешно пытался получить философский камень.

[9] В данном контексте слово «domestica», переведённое здесь как «домашнее убранство», может быть трактовано и в переносном значении «собственной души».

[10] В контексте Отмана, по крайней мере, имеется в виду: не может позаботиться о собственном бытовом благополучии.

[11] Цитата из Публилия Сира, римского мимического поэта, жившего в I в. до н. э.

[12] На самом деле в книге I; Cic. De div. I, 58; это строка из трагедии Квинта Энния (239–169 гг. до н. э.), римского поэта, чьи произведения дошли до нас лишь в отрывках; цит. по: Цицерон. Философские трактаты. / Отв. ред., сост. и авт. вступ. стат. Г. Г. Майоров. – М.: Наука, 1985. С. 241.

[13] Анджело Карлетти ди Кивассо (1411–1495 гг.) – монах-францисканец, доктор гражданского и канонического права, философ, последователь Иоанна Дунса Скота, автор теологического трактата «Ангельская сумма о началах сознания»; настоящая работа Отмана по большей части представляет ответ на замечание брата Анджело касательно алхимии из указанного сочинения; Angelus de Clavasio. Summa angelica de casibus conscientiae. Clavassii: Jacobinus Suigus, 1486. Fol. X(r).

искусствами, и это несмотря на то, что множество людей корпит над ней денно и нощно. Во-вторых, поскольку сообща занимающиеся этим искусством (это слова доктора) прилично израсходовали, и есть среди них те, кого 3-я глава 2-го Послания к Тимофею называет «вечными школярами не способными дойти до познания истины»[14]. В-третьих, поскольку корпящие над этим трудом не постигают за [опытами по производству] золота и серебра истины, а только [наблюдают некоторые] явления. В-четвёртых, никто не хочет заниматься ею публично, оттого получается, что она начинается злом, а то, что движимо злом, ненавидит свет. В-пятых, поскольку сообща, по большей части, они занимаются фальшивомонетничеством.

Помимо этого, шестой довод доктора Анджело обыкновенно исходит от наиболее учёных из философов. А именно, вид не может претерпевать изменения, согласно Аристотелю[15] – автору IV книги «Метафизики»[16], которому соответствуют сентенции вышеуказанных теологов. Только боги могут изменять и ваять формы [formas] вещей. Это согласуется с книгой V, письмом 6[17]Амвросия, а также

---

[14] 2Тим. 3:7.

[15] Аристотель (384–322 до н. э) – древнегреческий философ, ученик Платона, основатель перипатетической школы; его теория неизменности формы актуализированных материальных вещей использовалась схоластами и юристами как один из доводов против реальности возможности преобразования одних видов в другие; начиная со 2-й половины XV в., авторитет Аристотеля среди европейских учёных и философов ослаб и учение его подверглось пересмотру с публикациями ряда мистических неоплатонических текстов в переводе философа-гуманиста Марсилио Фичино (1433–1499) и укреплением позиций номинализма, что с точки зрения теологии декриминализовало алхимию и вновь породило горячие споры о возможности преобразования материи естественным путём.

[16] Arist. Met. V, 3 (1014a).

[17] Амвросий Медиоланский (ок. 340–397 гг.) – проповедник, теолог, писатель и поэт, епископ Медиоланский, святой Римско-Католической и ряда протестантских церквей, в православии почитается в лике святителя; великий теолог Аврелий Августин (354–430 гг.) называл его своим наставником.

с Дюраном – второй том «Сентенций», раздел I, вопрос 4, части 22[18].

Из этого [слдует], что каждый из металлов обладает собственным видом, и изменить его невозможно, настоящее суждение каноники подтверждают авторитетом *C. Episcopi 26, q. 5*[19], содержащего сказанное на Аквирском соборе (Аквильском – *И.С.*). «Всякий, – провозгласил он, – кто верит, что какое бы то ни было творение можно улучшить или ухудшить, или преобразовать в другой вид, или совершить тому подобное, кроме как что всё это совершается Самим Творцом – неверующий».

Седьмое, что следует добавить. Некоторые из тех, кто занимаются этим искусством, подозреваются в том, что практикуют искусства про́клятых людей и ведьм, к их числу приписываются Раймунд Луллий[20] и Теофраст Парацельс[21].

---

[18] Гийом Дюран де Сен-Пурсен (ок. 1275–1332 гг. или 1334 г.) – монах-доминиканец, философ-схоласт, теолог и епископ Мо; за свою способность к разрешению сложнейших вопросов и парадоксов схоластики заслужил прозвище Doctor resolutissimus («Всеразрешающий доктор»), автор комментариев к «Сентенциям» Петра Ломбардского, обозначил переход от реализма к номинализму; Durandus a Sancti Portiano. In sententias theologicas Petri Lombardi commentariorum libri quatuor. Lugduni: Apud Gasparem a Portonaris, 1560. Fol. 111v.

[19] Здесь речь идёт о canon Episcopi (Епископском каноне) 26, 5, 12, части, озаглавленной как Nec mirum, из декрета Грациана (записан ок. 1140 г.) осуждающую веру в реальность качественного преобразования вещей в любом виде (речь, правда, идёт, прежде всего, о колдовстве), кроме как вмешательством Господа или дьяволом, с попущения Господнего, т. е. канон, хоть и был важным правовым источником для «Молота ведьм» Генриха Института (ок. 1430–1505 гг.), в действительности осуждал не колдовство, а саму веру в него, как со стороны ведьм, так и осуждающих их, эта ремарка важна для полнейшего понимания последнего абзаца текста Отмана.

[20] Раймунд Луллий (ок. 1235–1315) – каталанский миссионер, теолог, философ, один из основоположников европейских арабистики и комбинаторики; но на самом деле речь идёт об анонимном авторе алхимических трактатов, подписывавшемся именем Луллия.

[21] Парацельс, или Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгайм (ок. 1493–1541) – знаменитый швейцарский врач, физиолог и алхимик; популяризованные во Франции и Швейцарии 2-й половины XVI в. Гер-

В подобном ключе рассматривается это непросвещёнными людьми [vulgi] (как я говорил). Но мы видим, что едва ли не более многочисленны и достоверны доводы в пользу другой позиции, что никак не оспаривает вышеизложенные положения. Так, прежде всего, довольно часто утверждается, что творение происходит не только от природы, но также можно [создавать нечто] через искусство подражания природе. Одни соли естественные, другие – искусственные. «Соль, – говорит Плиний в кн. XXXI, – бывает или изготовленной, или природной»[22]. В самом деле, природный электрум[23] в недрах земли, служа примером этого естественного происхождения. Есть и те, кто создают его искусственным путём из смешения золота и серебра; *L. 4 d. delegat. L. 7 § voluntas D. de acq. rerum dom. Et § si duorum institute., de rerum divisione [«если установлены двое, о делении вещей»]*. Об этом же пишет Плиний в гл. 4 кн. XXXIII[24], а Павсаний в книге I «Описания Эллады»[25]. Но природа сама порождает самоцветы и жемчужины *L. Cum Aurum 19 § poen. D. de aurum et argentum legat.* [*«О наследовании [передаче] золота и серебра»*]. Никто не знает, как давно было открыто искусство рукотворных самоцветов и драгоценных камней. Так, живое серебро[26] может быть природным, а может – изготовленным, которое Плиний, дабы отличать одно от другого, называет в кн. XXXIII, гл. 8[27] греческим словом hydrargyrum. Гийом

хардом Дорном и Жаком Гори, его идеи легли в основу натурфилософской картины мира Жозефа Дешена, а вместе с ним и самого Отмана.

[22] Plin. XXXI, 7, 39

[23] Под электрумом понимается как минерал, разновидность самородного золота, представляющая собой смесь золота с серебром, так и искусственный сплав янтарного цвета из ¾ частей золота и ¼ части серебра.

[24] Plin. XXXIII, 4, 7; см. т. ж. Paracelsus. De Natura Rerum, IX Bücher. Strassburg: Bernhart Jobin, 1584. Fol. 56r.

[25] Paus. VIII, 18, 5.

[26] Т. е. ртуть.

[27] Plin. XXXI, 20, 64.

Филандриё в «Комментарии на Витрувия»[28] демонстрирует четыре его рода. Два природных и два рукотворных. Также в своём комментарии он показывает, как одни сталь, сандарак, патина (обычно называемая «позеленью» [viridaris]), в народе – кальцинирующая витриоль, и киноварь порождаются природой, а другие – человеческим искусством.

Покуда так, разрешив противоречия (я думаю), можно обсудить, как соль, как живое серебро, как электрум и немалое количество всего прочего бывает в одном случае естественным и ископаемым, а в другом – рукотворным и искусственным. Так, и золото, и серебро могут быть естественного происхождения, а могут быть рукотворными, свидетельствует Кардано в кн. XVI «О тонкости»[29]. Это, по моим наблюдениям, также обыкновенно практикуется среди алхимиков, и [золото и серебро] имеют не только естественное происхождение, но и рукотворное, с использованием калханта[30]. Многие мастера мне это неоднократно подтверждали, выводя [золото или серебро] из железа. Они не обращали вид серебра в золото или вид меди в серебро, но из меди получалось (произрастало) серебро, а из него золото. Словно из семян пшеницы на полях у некоторых зарождается сорняк или овёс, или пчёлы [порождаются] из бычьих экскрементов, из ослиных – скарабеи, а из шерсти – бабочки[31].

---

[28] Гийом Филандриё (1505–1563 гг.) – философ-гуманист и каноник собора Родезской Богоматери; друг Франсуа Рабле, наибольшую известность ему принесли указанные Отманом комментарии к «Десяти книгам об архитектуре» одного из величайших теоретиков архитектуры и механиков поздней античности Марка Витрувия Поллиона (70/80–после 13 г. до н. э.); G. Philandrus. In decem libros M. Vitruvii Pollionis de architectura annotationes. Romae, apud Io. Andream Dossena, 1544. P. 288, 297.

[29] H. Cardanus. Op. cit. P. 309.

[30] Т. е. квасцов.

[31] Подробное описание этих и ряда других порождений некоторых видов животных, в т. ч. скорпионов (см. ниже), согласно теории самозарождающейся жизни знаменитого натуралиста и естествоиспытателя

В нашем списке авторов первое место заслуженно занимает Плиний, который в кн. XXXIV, гл. 4 записал такие слова: «[Было] золото, приготовленное и ещё одним способом – из аурипигмента, и оно вселяло великие надежды в Гая, правителя чрезвычайно жадного до золота, поэтому он приказал [изготовить его] из огромной массы своего и получил абсолютно совершенное золото, но его масса оказалась настолько мала, что он потерпел убыток. Таким образом, жадность осталась бесплодной, хотя аурипигмента было изведено 14 фунтов: впоследствии к таким попыткам не прибегали»[32]. Из этих слов ясно, уже в то время литейщики совершали подобное, чем часто осуществляли сие искусство. И даже, если они не смогли проявить его в совершенстве и во всей полноте, то нельзя делать вывод, что это невозможно и их искусство ни на что не годно. Прежде всего, потому, что на этих мастеров и их труд полагался Калигула. Возможно поэтому они были менее умелы и искусны. Затем, хоть в течение того времени не было более умелых, обнаруживается прирост всех искусств. И как пишет Марциан[33]: «Всякое искусство несёт в себе прирост» *L. legatis 65 § (16) ornatricibus* [*«[о] рабынях»*] *D. de legat.* [*«о передаче [наследовании]»*] *3°*. Наконец, я полагаю, не будет лишним сказать, что их искусство скрывалось, чтобы талантом и благими намерениями не сотворить нового тирана, и чтобы заблуждения об [искусстве] не разнеслись народной молвой.

Улиссе Альдрованди (1522–1605 гг.), приводит отвергавший реальность алхимии иезуит-полимат Атанасиус Кирхер (1602–1680 гг.) во втором томе «Подземного мира»: см. A. Kircherus. Kircherus A. Mundus subterraneus. Amstelodami: Apud Joannem Janssonium & Elizeum Weyerstraten, 1665. T. 2, p. 377-386; фрагм. из Кирхера на русск. см.: И. С. Кестлер, А. Кирхер. Экспериментальная физиология Кирхера. / Пер., вступ. ст., примеч. И. Сахарчука. – СПб.: CHAOSSS/PRESS, 2022. С. 180-192.

[32] Plin. XXXIII, 22, 79.

[33] Марциан Минней Феликс Капелла – латинский юрист, ритор, энциклопедист и философ 1-й половины V в. н. э.; автор концепции «свободных искусств».

В центр выходит второй автор – греческий писатель Свида[34] со статьёй χημεία[35], где ссылается на книги о химии императора Диоклетиана, который подробно с ними ознакомился и сжёг, потому что египтяне великой силой своего искусства производили деньги и в самонадеянности своей могли восстать. На латыни это место мы выразим так: «Химия есть изготовление золота и серебра. Собранные о ней книги Диоклетиан сжёг, потому что египтяне могли вновь выступить против него. Но он изучил это [сожженное] поверхностно и с неприязнью. Он продолжил отыскивать и сжигать дошедшие от древних писания о химии золота и серебра затем, чтобы египтяне этим искусством не преумножали богатства и изобилие денег не повело их восстанием на римлян». Также в статье δεράς [«горный хребет», «гряда холмов», «кряж»] в соответствующем месте написано: «Золотое руно, что заполучил Ясон, преодолев вместе с аргонавтами Понтийское море и Колхиду; Медею, дочь царя Аэта, стоит рассматривать не как поэтическое искусство. Книга эта под обложкой содержит описание, каким образом посредством химии создаётся золото. Вероятнее всего, в те времена золотым руном называли собственно плод и результат, который можно получить, пользуясь этой книгой»[36]. Это был Свида.

---

[34] Речь, конечно же, идёт о византийской энциклопедии «Свида», точнее «Суда»; как и большинство его современников, вслед за Евстафием, епископом Фессалоникийским (ок. 1115–ок. 1195 гг.), Отман считает, что «Свида» – это имя автора или составителя настоящего труда.

[35] На самом деле здесь смешиваются слова Χημία («Хемия», собственное название Древнего Египта, записанное по-гречески) и χυμός («влага», «сок»), от которого и пошло название науки. В дальнейшем на латыни Отман использует вариант написания «chemia», но в тексте для простоты восприятия мы передаём его как «химия».

[36] Мнение, что миф об аргонавтах является аллегорическим изложением процесса получения философского камня, своими комментариями популяризировал среди алхимиков 2-й половины XVI в. Жак Гори (латиниз. Якоб Гохорий; 1520–1576 гг.), подготовивший к печати средневековую французскую поэму «Гибельный источник» (La fontaine périlleuse), опубликованную в 1572 г.; Й. П. Кулиану. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484 / Пер. М. Фиалко. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. С. 579, п. 5.

Третьим автором предстаёт Фома Аквинский[37], по всеобщему признанию величайший из философов, который на книгу III «Метеорологики» Аристотеля[38] ближе к концу пишет так: «Материя металлов сходным образом состоит из серы и живого серебра». Подобное говорят и алхимики, что в каменистых местах земли, во-первых, минералы могут порождать серу и природное серебро. Потом из них самих рождаются различные металлы. Во-вторых, различные их смешения [серы и природного серебра]. Оттого же сами алхимики через равно истинное и нелёгкое искусство алхимии совершают работу с сокрытыми небесными силами, что зовутся минералами, которым, утаённым от нас, можно подражать через вышеуказанные начала либо через начала [заключённые] в них самих, тем самым совершая истинное сотворение металлов. Помимо этого, приведём здесь похожие слова его из части 2-2, вопроса 77, раздела 2: «Ежели посредством алхимии получается настоящее золото, то не является преступлением расплачиваться им за подлинный предмет, принимая за настоящее; никоим образом не может быть отвергнуто

---

[37] Фома Аквинский (или Аквинат; ок. 1225–1274 гг.) – великий католический философ и теолог, монах-доминиканец, он неоднократно затрагивал алхимию в своих рассуждениях и даже написал несколько трактатов, посвящённых этому искусству; хоть он и связал теологию Блаженного Августина с философией Аристотеля, его концепция вещей «после вещей» послужила смягчению теологического восприятия теории видов Стагирита и стала основанием для концепции номинализма, расцветшего к XVI в. и во многом определившего научное развитие Европы до конца XVII в., вместе со смягчением отношения к изменчивости видов укрепив позиции философов, считавших превращение одного металла в другой подлинно возможной.

[38] Настоящей цитаты нет в комментарии св. Фомы к «Метеорологике», в действительности это близко к тексту «Трактата о философском камне» Псевдо-Фомы Аквинского, где говорится, однако, что всякая материя металлов есть в той или иной степени «лишённое влаги живое серебро» (лат. текст Псевдо-Фомы: Materia autem prima secundum quod dictum est omnium metallorum propinqua est argentum vivum, sed materia est remota aqua), иными словами, сухая ртуть; Tomaso d'Aquino; L'alchimia ovvero Trattato della pietra filosofale. Trad. P. Cortesi. Roma: Newton Edizioni, 1996. P. 38.

искусство, основанное на любых естественных причинах и приводящее к получению подлинных и естественных результатов, даже если, как говорил Августин в книге III „О Троице“, гл. 8, это совершено искусством демонов». У Фомы есть ещё одно значимое место в части 2-2, вопросе 96, разделе 2, вот его слова: «Если посредством естественных вещей достигается какой бы то ни было результат и в них вложены естественные силы, то это не несёт характера предрассудка, даже если эти вещи и результаты сами по себе преступны». Но, действительно, *на слух* [курсив переводчика] это является свидетельством.

Среди свидетельств очевидцев, знаменитых мастеров и выдающихся имён обычно указываются [такие имена как] Гебер[39], Авиценна[40], Альберт Великий[41], Аугурелли[42],

---

[39] Конечно, здесь имеется в виду Псевдо-Гебер, или латинский Гебер, анонимный автор конца XIII–начала XIV вв., составивший корпус алхимических трактатов и пользовавшийся псевдонимом Гебер, ланитиз. версией имени арабского алхимика, врача и фармацевта Джабира ибн Хайяна (ок. 721–ок. 815 гг.), автор теории сульфур-меркуриального (т. е. серно-ртутного) основания природы вещества металлов, возможно, под этим псевдонимом скрывался итальянский францисканец XIII в. Паоло из Соренто; Отман, как его современники, отождествлял двух Геберов.

[40] Авиценна, или Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина (980–1037 гг.) – знаменитый персидский философ, врач, математик и поэт, ярчайший представитель восточной перипатетики.

[41] Альберт Великий (ок. 1200–1280 гг.) – немецкий доминиканец, философ-схоласт и теолог, один из самых авторитетных, если не самый авторитетный философ своей эпохи, наставник Фомы Аквинского; в действительности он почти ничего не писал на тему алхимии, но некоторые авторы, желая поднять авторитет своих сочинений, подписывали их именем Альберта Великого.

[42] Джованни Аурелио Аугурелли (1440 или 1441–1524 гг.) – итальянский алхимик, близкий к Марсилио Фичино, в 1515 г. опубликовал поэму «Хризопоейя» (Crysopoeia), посвящённую папе римскому Льву X, где аллегорически описывается получение золота из неблагородных металлов.

Трисмегист[43] и Бонус из Феррары[44], превосходный философ и совершенный знаток диалектики. Также Мориен[45], Хортулан[46], граф Тревизанский[47], Раймунд Луллий и многие другие, но прежде всего – Арнольд из Виллановы[48],

---

[43] Гермес Трисмегист – полулегендарный, предположительно александрийский автор ряда научно-моралистических сочинений, получивших название «Герметического корпуса»; популярный в Средние века у арабов «Корпус», будучи переведённым на латынь Марсилио Фичино, оказал колоссальное влияние на научно-философские представления Раннего Нового времени, Гермес стал почитаться как древнейший и мудрейший из всех философов; лишь в 1614 г. швейцарский филолог, профессор греческого языка Исаак де Казобон (1559–1614 гг.) опубликовал своё филолого-историческое исследование «Герметического корпуса» под заглавием «Историко-критические упражнения касательно священных и церковных вопросов» (De rebus sacris et ecclesiasticis exercitationes historico-criticae), где доказывает, что Гермес жил не ранее II в. н. э., а учение его представляет собой хронологически поздний синтез неоплатонизма и мистических течений христианства.

[44] Пётр Бонус из Феррары – итальянский физик и алхимик XIV в., развивал идеи Псевдо-Гебера, он известен лишь по сочинению «Новая прекрасная жемчужина» (Margarita preciosa novella), написанному между 1330 и 1339 гг.

[45] Мориен – полулегендарный римский алхимик VII в., писавший на арабском языке; в Европе приписываемые его авторству работы стали известны в XII в., многие его идеи получили новое воплощение в учении Арнольда из Виллановы.

[46] Хортулан, или Ортолан (ок. 1300) – алхимик, автор комментария к герметическому тексту «Изумрудная скрижаль», известного под заглавием «Книга по герметическому тексту» (Liber super textum Hermetis) и составленного не позднее 1325 г.; это он вводит в алхимию понятие живого серебра и первым соотносит спирт с квинтэссенцией.

[47] Бернард Тревизанский (1406–1490 гг.) – венецианский мистик и алхимик, по собственным словам принадлежащий к аристократической падуанской семье, последователь Псевдо-Гебера, он работал с солями и минералами посредством дистилляции и кристаллизации, а также одним из первых стал применять в опытах кровь и урину; начиная со 2-й половины XVI в. авторитет Бернарда растёт, и его авторству начинают относить самые разные сочинения по алхимии, так например, издатель приписывает ему трактат «Книга об алхимии» (De alchemia liber), опубликованный в 1567 г.

[48] Арнольд (Арнальд) из Виллановы (1235/1240–1311 гг.) – врач, алхимик, астролог, переводчик с арабского, наставник Раймунда Луллия и придворный врач Педро III; из-за преследования Инквизицией за свои мистицизм и реформистские взгляды был вынужден покинуть Барселону и поступить на службу Сицилийскому короля Федериго III; его рабо-

врач императора Федериго II[49]. Касательно него мы с величайшей охотой сообщим, что о нём писал почитаемый средь наших[50] Джованни д'Андреа[51] в «Зерцале» под заглавием «О преступлении лжи». «В наши дни у нас есть магистр Арнольд из Виллановы, превосходный врач и теолог Римской курии, а также великий алхимик, он делает бруски золота и соглашается на их проверку»[52]. И действительно, эти доказательства юрисконсультов не опровергают настоящее своими доводами, как опровергают другие. Когда ставится под сомнение сама возможность это совершить, то великие и просвещённые в искусствах своих творцы подтверждают, что так оно и есть, словно в вопросе: «Будет ли ребёнок, рождённый на седьмой месяц полноценным?» – мы отвечаем (говорит Павел[53]), ссылаясь на авторитет учёнейшего мужа Гиппократа[54], что будет полноценным; *l. 7° 12 d. statu hominem* [*«о положении человека»*]. Так, отвечая на вопрос «сколько?», можно узнать возможен ли ответ. Аристотель

ты «Розарий философов», «Новый свет» и «Цветок цветков», испытавшие сильное арабское влияние, сформировали европейскую алхимию такой, какой мы её знаем.

[49] Федериго II (1272–1337гг.) – король Сицилии из Барселонской династии; будучи по факту Федериго Вторым, сам он называл себя императором Федериго Третьим и возводил своё престолонаследие к прадеду, Федериго I, бывшим также императором Священной Римской империи Фридрихом II, потому Отман и называет его императором.

[50] Под пространным местоимением «наши» (nostri) Отман здесь и далее по тексту подразумевает коллег по ремеслу, юристов, реже – алхимиков.

[51] Джованни д'Андреа (1270/1275–1348 гг.) – один из наиболее выдающихся знатоков канонического права позднего Средневековья; здесь речь идёт о его комментарии к «Зерцалу» (Speculum) Гийома Дюрана.

[52] I. Andreas. Speculi [Clarissimi Viri Gulielmi Durandi] secunda pars : Accessere additiones Ioan. Andr. Baldi, ac Henrici Ferrendat, Iurisprudentiae candidatis apprime utiles, Lugduni: Claudius Servanius, 1556. Fol. 188v.

[53] Юлий Павел – римский юрист 1-й половины III в. н. э., один из виднейших представителей «эпигонов» римской юриспруденции, автор «Комментариев к преторскому эдикту», «Трактата о гражданском праве» и частично сохранившихся «Сентенций».

[54] Речь идёт о трактате Гиппократа (ок. 460–ок. 370 гг. до н. э.) «О семимесячном плоде».

и другие авторы, а также три очевидца, утверждают, что рождение может занять кто 4, кто 5, кто 7 [месяцев]. И в подтверждение этого есть у Юлиана в *1. si pater* [*«если отец…»*] *36 D. de solutionibus* [*«О разрешениях [споров]»*], этому следует Павел в *L. 3 D. si pars hered. pet. [«Если домогается части наследства»*]. Поэтому, положения юрисконсультов это истинное искусство не возбраняют исследовать. Исходя из того, что учёные мужи и другие умелые в искусствах авторы либо свидетельствуют о его результате и ἀποτελέσματα [исходе] посредством своих наблюдений, либо подтверждают путём постижения разумом. Покуда так, то вышеназванным благородным и уважаемым мужам не до́лжно отказывать в доверии (*L. III § ejusdem* и *L. ob carnem* [*«по плоти»*] *21*), если учёные подтверждают авторитеты. И (как пишет Аристотель в кн. I «Топики») слова просвещённого мужа будут легко восприняты, θείη γὰρ ἄν τις τὸ ὑπό τινος εἰρημένον ἐνδόξου [ведь можно выставлять в качестве тезиса слова известных философов][55].

Но невнимательным авторам кажется, что мы можем обратиться к иным доводам. Для них превыше и убедительнее всего наглядная демонстрация, зависящая от восприятия. Поскольку, как пишет Аристотель во второй книге «Аналитики»: «Познание и восприятие возможно тремя путями: всеобщим, частным и экспериментальным постижением»[56]. Если есть сомнение в притягивающей силе железных магнитов или вытягивающей желчь ревеня. То́ это доказывается экспериментом, но этот эксперимент проверяется лишь посредством ощущений, преимущественно через зрение. И я свидетельствую

[55] Arist. Top. I, 14 (105b). Цит. по: Аристотель. Сочинения в 4-х т. М., Т. 2, С. 363.

[56] Это не цитата, а, скорее, резюме тезисов Аристотеля из 2-й книги «Второй аналитики» (см. Arist. Post. an. 71a-72a), выраженная в терминах Уильяма Оккама из «Всеобщей суммы логики»; см. G. Occhamus. Summa totius logicae. Oxoniae: Typis L.L. Acad. typogr. Impensis J. Crosley, 1675. P. 229-230.

[именем] Бессмертного Бога, которому поклоняюсь и которого почитаю в Иисусе Христе. По наставлению одного мастера, я кладу на дно глиняного сосуда одиннадцать четвертей унции[57] меди и из ослепительно-белой пыли, помещённой внутрь в количестве четверти унции, взращиваю веточку серебра, которая весит одиннадцать четвертей унции. Её я представил для проверки и исследования многочисленным ювелирам и государственному монетчику, и она была признана подлинным и апробированным серебром. Мы это честно доказываем и, обращаясь к словам доктора Джованни, свидетельствуем то, что мы видим и делаем нашими руками[58]. Мне известны многие другие благочестивые и глубоко сведущие в христианской религии мужи, наблюдавшие то же самое не только в серебре, но доподлинно и в золоте, совершавшие то своими собственными руками – это то, что я называю «трудом» [opus]. И нет средь наших того, кто не тянулся бы к соблюдению добрых нравов, кто вероломно злоупотреблял бы именем Господа или осквернял себя магическими искусствами и обманами Сатаны. Сам Кардано, как сказано выше, наиболее выделяющийся среди алхимиков (может быть даже, что он ничего не может ожидать от них), в книге «О тонкости»[59] утверждает, что несколько лет назад он встретил торговца лекарствами из Тревизо, который

---

[57] Четверть унции (sicilicus) приблизительно равна 7 граммам.

[58] Настоящий фрагмент есть отсылка-опровержение к тезису юриста Бартелеми де Шассанё (1480–1541 гг.), утверждавшего, что Джованни д'Андреа в своём комментарии на Speculum judiciale Гийома Дюрана (I. Andreas. Op. cit. Fol. 107v; на самом деле об алхимиках у д'Андреа речи не идёт, скорее, можно говорить о понижении монетной стопы сомнительными, «магическими» средствами) налагал запрет на то, чтобы «алхимики, которые знанием своего искусства, или магии, <…> или другим недостоверным искусством, из дешёвых металлов делали ценные» [Alchymistas, qui ex magisterio suae artis, sive magica, <…> sive alia arte reprobate, de vili metallo faciut pretiorum] (Cassanaeus B. Catalogus Gloriae Mundi. Lugduni: [Ex officina Willeriana], 1603. P. 443).

[59] H. Cardanus. Op. cit. P. 322.

на глазах Его Сиятельства венецианского правителя и членов Верховного совета обратил серебро в настоящее золото, и оно было сохранено венецианцами на вечную память в виде отлитой пластины. В это отказывается верить Жюль Скалигер[60], вероятнее всего, поскольку не видел сам, что́ оставил после себя для венецианцев тот торговец лекарствами. Хотя, лучше сказать, что он [Скалигер] заклеймил мучимых тайной сей мистерии, в особенности, когда алчущие приумножения власти заключают договор с врагом имени Христова[61], считая, что то не опаснее каких бы то ни было плаваний по обширным пространствам. Но и нельзя подозревать всё во всём, и не может быть доверия отравителю, как нет веры публичной женщине, разве что благодаря поручителям. Но именно отравитель никогда так не поступит или не способен сделать так, как раз за разом свидетельствую я Бессмертного Бога: «Сегодняшним днём таким-то, месяца такого-то, такого-то года в очередной раз предстали взору преображения серебра, кроме того, со мной такой-то и такой-то имели возможность лицезреть силу той пыли, или (как называют то алхимики) эликсира, в четырнадцати четвертях унций меди. Имел место также другой эксперимент. Так, такого-то дня того же года имело место наблюдение за двумя глиняными светильниками с вложенными в них огоньками. В одном медь обратилась в серебро, посредством помещённой внутрь мелкой пыли, во втором с помещённой внутрь красной пылью французские тестоны[62] были побуждены обратиться в золото». Потому

---

[60] Жюль Сезар (Юлий Цезарь) Скалигер, наст. имя – Джулио Бордоне (1484–1558 гг.) – итальянский и французский гуманист, философ, врач, естествоиспытатель, астролог и поэт; отец основоположника научной хронологии Жозефа Скалигера (1540–1609 гг.); Жюль Скалигер пересказывает историю Кардано в: I. C. Scaligerus. Exotericarum exercitationum liber quintus decimus de subtilitate. Lutetiae [Parisiis]: Ex officina typographica Michaelis Vascosani, 1557. P. 169

[61] В редакции 1576 г. есть уточнение важное для понимания сказанного уточнение:: «…с турком, врагом имени Христова» (Fanianus. Op. cit. P. 108)..

[62] Тестон – французская серебряная монета, чеканившаяся с 1514 по 1577 гг.

для меня малозначителен довод, который обыкновенно приводится, о способности того или иного вида металла изменяться и принимать вид серебра. В подлинную субстанцию золота серебро обращаться не способно. Так (как считали аристотелики, если простейшее тяготеет к простейшему, то точно так же – великое к великому и следует впоследствии к лучшему), говорю я, несовершенное способно отчасти изменяться и следовать к совершенному, точно так же великое вновь стремится к великому, вследствие чего способно изменяться к лучшему, пока не дойдёт до совершенства.

Получается, низшие металлы отчасти способны уподобляться серебру и золоту, о чём свидетельствуют все многочисленные ювелиры [aurifices] и монетчики, значит, такие металлы могут быть доведены до совершенства, чем обретают присущие золоту свойства. Каким образом достичь присущих золоту свойств описывает наш Гай[63] в *L. si is qui §1*, *D. ad L. fal*. Таким образом, мы не отходим всё дальше от нашего искусства и книг, а видим из приведённых нами авторов, что природа обнаруживает стремление к человеческой погибели точно так же, как и к искусству врачевателей, смешанному с другими материями. И то, природа чего несёт немедленное отравление, становится противоядием и целительным лекарством, подобен тому, как пишет наш Гай, «может быть опиум, иначе называемый „Митридатовым“» в *L. quod saepe 35 § venena* [*«зелья»*], *D. de contrah. empt*. [*«об ограничении купли-продажи»*]. Исходя из этого, обойдённого прежде молчанием, становится понятно, каким образом можно ответить на часть вышеприведённых противоречивых доводов.

---

[63] Гай – влиятельный римский юрист II в. н. э., автор комментариев к Законам двенадцати таблиц, Институций, замечаний к гражданскому праву Муция Сцеволы и ряда других работ, оказавших огромное влияние на развитие юриспруденции.

Многое до нас дошло из папского закона *Extravagans*[64], прежде всего [в том отношении], что авторитет законодателей имеет силу не повсеместно. Каждый народ обращается к своему собственному гражданскому праву, [гласит] закон *omnes q. d. de just. et ju*. [«*всё, что разгравничивает право и справедливость*»] И, хотя законы самых разных народов обычно демонстрируют движение в сторону подобия, это не значит, что они также разделяют и авторитеты в области юриспруденции. Подобное [говорится] у Солона в *L. ult. D. de Nund*., и в отношении милетцев – у Цицерона *L. 39 D. de poenis* [*«о наказаниях»*]. Потому *Extravagans* не принят у каноников.

Так, помимо Фомы Аквинского, которого мы ставим выше всех, наиболее выдающиеся доктора канонического права Джованни д'Андреа, Панормитан[65], Андреа да Изерниа[66], Бальдо[67], Ольдрадо[68], Альберто Бруно[69],

---

[64] Термином Extravagans обозначались папские декреты, не вошедшие в официальные собрания.

[65] Панормитан, или Николо де'Тедески (1386–1445 гг.) – итальянский бенедектинец и церковный деятель, знаток канонического права, епископ Палермо (лат. Panormus).

[66] Андреа да Изерниа (ок. 1230–1316 гг.) – неаполитанский юрист и профессор гражданского права; основным направлением его исследований было феодальное право (Lex Lombardica), за что он получил почётное прозвище «король феодального права»; автор комментариев к практикам феодального права и устава Великой курии.

[67] Джованни Андреа Бальдо дельи Убальди (1327–1400 гг.) – профессор римского и канонического права, виднейший представитель школы постглоссаторов, автор выдающегося по исторической и юридической значимости труда по каноническому судопроизводству Practica judiciaria.

[68] Ольдрад де Понте (ум. 1335 г.) – итальянский юрист, обладавший огромным авторитетом в области канонического и гражданского права вплоть до XVIII в., автор самых ранних из дошедших до нас консилий (consilium), жанра наставлений в правоприменении.

[69] Альберто Бруно (1467–1541 гг.) – итальянский юрист, главным образом рассматривавший в своих сочинениях частные естественнонаучные парадоксы применительно к судебной практике.

Дзанеттини[70] и Гвидон Папий[71] [на вопросы] своих правителей или граждан отвечали, что, если затрагивать юридическую сторону искусства алхимиков, то оно одобряемо и приемлемо. В этом любой может убедиться на основании их текстов, которые мы добавляем к нашему ответу. Впоследствии понтифик не только целиком и полностью осудил алхимиков, но и поимённо называет тех, кто (мы приводим его собственные слова) [отыскивают] то, чего нет в природе вещей, кто считает софистические золото и серебро подлинным преобразованием. Как справедливо отмечают, закон этот никак не касается тех, кто получает своим искусством подлиннейшее и чистейшее золото или серебро, через погружение результатов своих глубочайших исследований в тигль. Что же касается первого довода Анджело, которым отвергается это изобретение, касательно бессмысленности занятия сим искусством, то на это выше уже дан ответ. Мнение Анджело и непросвещённого народа ошибочно, поскольку многие и многие другие заслуживающие доверия и превосходные мужи не словом, но делом осуществляют своё искусство, и многие наблюдатели сами убедились в результативности сих трудов. Я свидетельствую, что государственный монетчик проверил лист искусственного/алхимического серебра, поместив его на исследование в тигль, и собственной

[70] Джероламо Дзанеттино (1457–1493 гг.) – профессор гражданского и канонического права в университете Болоньи; автор трактата «Разночтения и расхождения гражданского и канонического права» (Contrarietates seu diversitates inter jus civile et canonicum), рассматривающего, в частности, некоторые накопившиеся противоречия между правовыми нормами и научными представлениями, сформировавшимися к концу Средних веков.

[71] Гвидон (Гвидо или Ги) де Лапап (1402–ок. 1477 гг.) – доктор канонического и гражданского права, адвокат Парламента Гренобля; в своих трудах приводил и структурировал опыт судебных практик парламентов Гренобля и Тулузы, будучи сторонником приоритета национального права над римским, исследовал противоречия канонического права в контексте юридического укрепления положений Прагматической санкции, послужил важным правовым источником для Отмана при написании им «Франкогалии».

рукой записал освидетельствование, что апробированный металл – это подлинное серебро одиннадцати денариев и девяти гранов весом[72]. И нас не опровергнет насмешка толпы, мол, если был такой ремесленник, то за короткое время он сравнялся бы в богатстве с царями Мидасом[73] и Крёзом[74]. Мы дадим ответ касательно того порошка, который некоторые называют «росток [germen] золота» и которого существует несколько видов.

Я видел, как было засвидетельствовано выше, что из восемнадцати унций серебра может быть получено столько же золота. Но окупятся ли затраты? Мне трудно поверить, что можно непрестанным трудом получить четыре тысячи золотых денариев. Но алхимики подтверждают, что сила порошка способна из постоянного и умело установленного тепла в определённой мере приумножать чудеса. И писатели свидетельствуют, что посредством сего искусства, используя порошок (который некоторые называют «философским камнем»), из взятой тысячи фунтов серебра можно получить столько же фунтов золота. Есть те немногие, кто уверенно говорят, что сила этого порошка способна бесконечно преумножаться. Словно сочиняя подобие легенды о царе Мидасе, который обращал в золото всё, к чему бы ни прикасался[75]. Согласно второму доводу, который приводит Анджело, если пристально

---

[72] 38,133 г.

[73] Мидас – полулегендарный царь Фригии, правивший в VII в. до н. э., слыл богатейшим человеком своего времени, согласно легенде, его жена Демодика из Ким была первым человеком, ставшим чеканить монеты.

[74] Крёз (595–547 гг. до н. э.) – царь Лидии (560–547 гг.); считается, что он также был одним из первых людей, кто стал чеканить монеты и установил им стандарт, его имя в античном мире было нарицательным для баснословного богача.

[75] Согласно легенде, когда Дионис вёл войска в Индию, он потерял своего учителя и друга Силена, которого, в свою очередь нашёл Мидас, с почестями принял его и через десять дней возвратил Дионису; за что бог обещал наградить его любым даром, какой бы Мидас не пожелал; Мидас попросил Диониса наделить его даром обращать в золото всё, к чему бы он ни прикасался; Ovid. Met. XI, 89-105.

взглянуть на алхимиков, то ни один из них не дошёл до познания истины, ставшей бы удовлетворительным ответом. Действительно, среди всех ремесленников и последователей учений много невежд и неучей, в то время как другие являются умельцами, постигшими (учение) науку, как сказано в *L. sciendum XIX § illus*, *D. de aedilitio* [*«о бывших эдилами»*]. В конце концов, существуют разные мастера – это и даровитые от рождения, и наученные опытом; *L. inter artifices* [*«средь ремесленников»*] *XXXI, D. de solut*. В самом деле, наши юрисконсульты гласят, что природное золото бывает лучшего качества, а бывает худшего, согласно *L. aliter X D. de contrah. empt.*, в котором перечисляются сорта золота[76]; *L. I C. de obl. voto* [*«О приносимой в дар жертве»*], *L. ult., C. de vet. mun. pot*. [*«о очищении питьём древних»*] Точно так же не подлежит сомнению, что один литейщик способен обрабатывать и выплавлять золото лучше, чем другой. И, вместе с тем, среди них есть умельцы или в одном [в обработке], или в другом [в выплавке]. Но мнению Марциана «всякое искусство несёт в себе прирост». *L. 65 legatis § ornatricibus, D. de legat. 3°.* В самом деле, и Моисей свидетельствует в 4-й главе Бытия[77], что Тувалкаин, сын Лемеха, был царём над мастерами медных и железных дел. Выглядит правдоподобным, что тёмные язычники упоминали его под искажённым именем Вулкан. С тех пор, сквозь многие тысячелетия непрерывного развития ремесленники постигали его учение и упражнениями совершенствовались в мастерстве. Мы считаем, что никто не открыл никакого нового или отличного от известных искусств действия. В частности, что касается мастерства, чудесного огня и литья – всё возвращает неизменные свойства.

Но касательно признака предмета, составляющего ценность труда, следует привести свидетельство из наших

---

[76] Любопытно, что в этом месте для обозначения золота автор использует среднеанглийское слово «obrison».
[77] Быт. 4:22.

законов. Так, в вопросе, если два металла были смешаны, [определяется] что́ это представляет собой с точки зрения закона и как рассматривать каждый [металл] в отдельности. Наш Ульпиан[78] в *L. 5 § I de rei vindicatione* [*«о предметном иске»*] отвечает следующим образом: «Если перемешаны с одной стороны свинец, а с другой серебро, и разделить их не представляется возможным, то слиток не будет считаться по его совокупной массе. Обращение с иском будет рассмотрено [отдельно] по каждому из веществ, и это должно применяться в судопроизводстве. Но если смешаны с одной стороны медь, а с другой золото, покуда, как сказано, разделить их не представляется возможным, слиток будет считаться или по совокупной массе, или по отдельным соединённым воедино [частям]. Тога долг судьи или определить массу и долю каждого отдельного [вещества]. Или вынести решение по общей массе, и он определяет в своей оценке каждое [вещество] как составляющее половину общей массы; такова обязанность судьи»; *§ penul. Inst. de offic. Judicis* [«*Институция об обязанностях судьи*»].

И выше мы приводим слова Каллистрата, который, будучи автором довольно поздним, передал простое разделение искусств своего времени в *L. Lacus 12, § I, D. de acq. rer. dom.*, чьё искусство и учение были сокрыты в течение многих веков, узнать о них можно из книги Бюде «Об ассе»[79]. У нас в Лютеции[80] не так давно один муж тёмного рода-племени основал хризоплис, то есть доходную мастерскую, где всякий предмет омывался

---

[78] Домиций Анний Ульпиан (170–223 гг.) – римский юрист, сторонник естественного права, автор учебника «Книги отдельных наставлений», император Валентиниан III утвердил его в числе пяти авторов, чьи *ответы* (responsa) утверждались обязательными для судопроизводства наряду с Папинианом, Гаем, Павлом и Модестином.

[79] Далее идёт пересказ истории, изложенной Гийомом Бюде: см. G. Budaeus. Op. cit. Fol. LV(r).

[80] Т.е. в Париже: Лютеция – главный город галльского племени паризиев, располагавшийся на острове Сите в центре нынешнего Парижа.

золотом. Но лишь немногим людям было известно, что это та же самая сила медицинской жидкости, которую называют «хризулком», в которой серебро или другой металл обмазывается ничтожным количеством золота или перемешивается с ним, что почти не требует затрат, так как в позолоте почти ничего не расходуется из-за мелкого помола, кроме [тех крупиц, что] уходят на измельчение. Всякая вещь покрывается ничтожной частью золота и серебра. Это будто бы (что тебя удивит ещё больше) ваять из меди, придавая ей форму бокала, разломай его и под пустотой словно бы останется идея, лишённая материи. То искусство умирающий с наследством передал сыну, он заслужил лишь того, чтобы память о нём сохранилась в названии хризоплиса, до того был он выдающимся в искусстве. Впрочем, как бы там ни было, те немногие предпринимающие подобные попытки лишь причиняют вред [своему и чужому] здоровью.

Отсюда следует третий довод, над которым размышляет Анджело, что золото и серебро, полученное алхимиками, не является настоящим, но всего лишь поддельным, окрашенным, подложным и обретшим цвет будто в бочке с жидкостью. Добавленное вино хоть сильно окрашивает воду, но не меняет саму её природу, как и у меди, влитой в олово, которая это олово окрашивает, что утверждает Аристотель в первой книге «О возникновении и уничтожении»[81]. Здесь мы так ответим на настоящий довод. Если алхимик, получивший либо листы серебра из меди, либо золота из серебра, представляет их магистрату, и их, со всеми увещеваниями, огнём исследуют монетчики, клятвой подтверждая подлинность оных, то для подобных доводов и разговоров не остаётся места. Так определяются на наших весах подлинные и поддельные монеты, и ты сможешь на свой суд представить, какие являются качественными, а какие поддельными, как сказано в *L. eleganter* [*«искусно»*]

[81] Arist. De ortu et int. I, 10 (328b).

24 § D. de pig. act. [*«об искусстве окрашивания»*]. И проверенные труды будут подтверждены: ты сможешь или отвергнуть, или клятвенно признать их достоверность, согласно *L. 7 § 1 D. ad jus. repet.* [*«о повторении клятвы»*], и как говорится в древнем установлении: «Что заверено клятвой, принимается, что не заверено – нет». Этот закон, я считаю, на том основании должен быть провозглашён заново и принят с уважением, чтобы вытеснить им злословие и клевету и, в особенности, поставить его во служение обществу в благости нравов. Всем хорошо известны три собственных свойства обычного золота. То, что оно не ослабляется огнём, что не растворяется и что оно лучше всего низводится, добавляется четвёртое – оно оберегает органы грудной клетки. Если всё это отличает и искусственное золото: в большей ли степени оно обладает силой (а так утверждают алхимики), оберегающей органы в грудной клетке и исцеляющей болезни, чем природное и ископаемое золото? Какие, спрашиваю я, пункты остаются без рассмотрения?

Как много всего [сказано] до четвёртого довода, которым Анджело осуждает про́клятых им алхимиков потому, что они скрывают своё искусство и не хотят заниматься им открыто и на публику, ему легко ответить: нет, если мастера оберегают свои искусства завесой тайны (как те же парижские хризоплиты), – и некогда наши юрисконсульты предписывали это в *L. 2 § 2 и § 3 D. de orig. jur.* [*«Об истоке права»*] и намного яснее то прописано у Цицерона в речи «В защиту Мурены»[82] касательно искусств, являющихся про́клятыми, – то они не расцениваются, исходя из публичности или скрытности оных, но из зловредности или полезности искусства, как выше мы уже говорили о медицине, опираясь на *L. 1 D. de ext. cog.* И несомненно, что в большинстве искусств даже от рождения одарённые мастера вынуждены учиться, чтобы

[82] Cic. Pro Mur. XI, 25.

превзойти мастерство прочих умельцев, и они не желают, чтобы [их секреты] были переняты и познаны другими. И даже среди учёных некоторые вещи, таким образом, были ἀκρόαματικα [«воспринимаемыми на слух», т. е. передаваемыми исключительно устно], Агеллий в кн. XX[83] описывает, что подобное имело место между Аристотелем и Александром: Александр осудил их опубликование, во многом в наставлении которых он превосходил всех остальных соучеников. Ему Аристотель, как известно, написал в ответ: «Ты сетуешь, что книга ἀκροαματικούς была издана и перестала быть тайной, знай же, будь она издана или не издана, её предмет будет постигнут лишь теми, кто *слушают* [курсив переводчика] нас», – говорит он.

Точно так же почти у всех алхимиков есть книги ἀκροαματικούς, и мы считаем, нет невежды средь касающихся [тайн] их. Что касается пятого довода, когда тот же [автор, т.е. Анджело] рассуждает, что значительное число учителей настоящего искусства чеканят поддельные монеты, указано, что многим известна технология обеления меди, и медные деньги обретают подобие серебра, каким именно образом, то оглашается в *L. creditor [«заимодавец»] 102 D. de solut. 1 I D. de peculio [«о частной собственности»]*. Но выше уже дан ответ – преступления мастеров не ложатся тенью на искусство: есть разные искусства и есть разные мастера, кто-то направляет искусство на пользу, кто-то им злоупотребляет. *L. quicumque 8 и L. seq. D. ad leg. Corn. de fals*. [«*закон Корнелия о лжи*»] наряду с тем, что в них освидетельствуется искусство чеканки монет, они осуждают тех, кто окрашивают золото и придают [чему-либо] его вид, кто преступно подмешивает [дешёвые металлы] в золото и кто занимаются подделкой, желтя серебряные монеты. То же самое [указывается] в

[83] Имеется в виду Авл Геллий и его сочинение «Аттические ночи»: Aul. Gell. XX, 5, 1-9.

1. I D. de ext. cog.: среди профессоров искусства медицины, дарующего людям здоровье, есть те, кого называют обманщиками, кто прибегает к заклинаниям, проклятиям и экзорцизму. Но их злодеяниями не оскверняется подлинное искусство врачей.

Таким же образом, в некоторые эпохи были многочисленные астрологи и математики, которые оскверняли и позорили науку о звёздах. Из-за них математика или астрология были лаконично и полностью преданы проклятию. Также меня не способны разубедить те пересуды многих, мол, Раймунд Луллий был магом и колдуном (в чём его обвиняют), или что Парацельс, возможно, был пьяницей, а также опозорен другими мерзкими преступлениями, из-за чего алхимия, коей они занимались, должна быть отвергнута. По той же логике, покуда многие врачи, юрисконсульты и адвокаты своими деяниями стяжают позор для профессии и предаются злоупотреблениям на погибель человеческую, эти искусства, очевидно, должны быть преданы забвению, как мы видим у наших авторов, хотя это отвергается главой «отравители» *L. capitalium [«тягчайшие [преступления]»] 28 § venenarii [«отравители»] D. de poen.*, Ведь проклинаются не яды сами по себе как таковые: *d. L. 35 § venenarii d. de cont. empt*.

Юридический акт против изготовителей подделок и фальшивомонетчиков устанавливает им меру наказания, но непозволительно применять наказание к тому, кем греха не совершено, как гласит *L. ult. de bon. damnat*. [«*о справедливом наказании*»].

Остаётся шестой довод, и он же будет решён седьмым. В каждом металле заключён его собственный вид, очевидно, виды не могут переходить один в другой. Изменение металлов невозможно, и как уже было сказано выше, железо нельзя обратить в медь и свинец, даже ещё менее вероятно (говорится среди алхимиков) получить из железа медь и свинец. Потому есть столь же заслуживающее

доверия суждение, что золото единственное среди металлов обладает совершенной формой, в то время как все остальные совершенными не являются. Вместе с тем, их субстанция не заключает в себе отличий, но все они однородны и в движении к совершенству способны подняться и устремиться до формы золота. И каждый металл обнаруживает в себе совершенный вид, равно как яйца и семена обнаруживают в себе совершенный вид, и природой они утверждаются в совершенной форме. Яйца обращаются в птенцов, а семена – в побеги и деревья. Так же в рудниках, как легко заметить, очень часто находят несовершенное и словно незрелое серебро и для создания искусных вещей его велят оставить ещё на тридцать или сорок лет, чтобы за более долгий срок оно созрело под воздействием земного тепла таким же образом, как неспелые гроздья винограда вызревают под теплом солнца. Я не считаю сказанное абсурдным. Металлы способны принимать тепло и созревать благодаря подражающему природе искусственному теплу точно так же, как яйца – и то всем известно, – согреваемые искусственно, способны породить из себя птенцов.

Таково на деле вышеизложенное рассуждение о вечности и неизменности видов веществ. Опровергается то, что виды трав подлежат изменению искусственным путём, что сухие ветви виноградника [превращаются] в мяту, пшеница – в муку, лён – в куколь и подобно тому из самого обыкновенного василиска рождаются скорпионы. Наконец, у алхимиков есть аксиома, что все металлы обладают силой и потенцией стать золотом: и мало-помалу, будто оставленные в земле, они зреют, как плоды. Хотя есть некоторые специфические места, обусловленные природой земли либо влиянием воздуха и (мы выше указывали на это по Аквинату) работой небесных явлений, в них металлы никогда не созреют, но железо навсегда останется железом, а серебро или медь – навсегда серебром или медью.

Ни о чём из этого не идёт речи в главе 26 вопроса 5 свода канонического права[84], где осуждаются те, кто верят в возможность преобразования в другие виды. Ничего больше, говорю я, не касается поставленного нами вопроса. Как и то, что утверждает Юстиниан – обращать все предметы в деньги представляется возможным; *l. 2 C. de const. pec*. [«об установлении [подлинности] денег»]. Так, этот текст [т. е. *canon Episcopi* 26, 5] говорит не о видах металлов или подобии вещей, но о видах людей, он сообщает о женщинах-ведьмах, которые проявляют себя, обращаясь в виды различных животных и вместе с Дианой бродя по лесам да чащам. Таким образом, в *§ Siquidem* Сатана, как гласит он, принимает обличия разных людей. Действительно, наличествует текст, касающийся данного вопроса в *C. nec mirum*, который полностью оправдывает исследования алхимиков, что ставит точку в этом [споре]. Того же придерживается в кн. VIII, гл. 9 «Этимологий» Исидор[85], приписывающий ошибочность (с точки зрения каноников) суждению Августина в книге «О граде Божьем». «Материальным предметам, – говорит [Августин], – посредством всех элементов присуще знания тайн семян, которыми им даруются преходящие или фундаментальные [temporalis aut causalis] соразмерные отношения соответствующих видов»[86]. И здесь мы полагаем конец рассуждению, и лучше всего это сделать исчерпывающим выводом из размышлений. Мы заключаем, что алхимическое искусство допустимо в добропорядочном обществе, а его мастера заслуживают уважения и вознаграждения, как

---

[84] Т. е. *Canon Episcopi*.

[85] Исидор Севильский (560/570–636 гг.) – святой католической и православной церквей, архиепископ Гиспалы (Севильи), последний латинский отец Церкви, основоположник средневекового энциклопедизма; указанные Отманом «Этимологии» представляют собой его opus magnum.

[86] На самом деле это цитата из трактата св. Августина «О Троице»: Aug. De Trin. III, 8, 13.

и их труд. Плод труда умелых мастеров не оставляет для государственных монетчиков, назначенных магистратом, ничего другого, кроме как утверждать и клясться, что проверкой он признаётся подлинным. 1574 год.

Конец

Сокращения

2 Тим. Второе послание к Тимофею
Быт. Книга Бытие
Arist. Аристотель
– *De ortu et int*. О возникновении и уничтожении
– *Met*. Метафизика
– *Post. an*. Вторая аналитика
– *Top*. Топика
Aug. De Trin. Аврелий Августин. О Троице
Aul. Gell. Авл Геллий. Аттические ночи
Cic. Марк Туллий Цицерон
– *De div*. О дивинации
– *Pro Mur*. В защиту Мурены
Ovid. Met. Овидий. Метаморфозы
Paus. Павсаний. Описание Эллады
Plin. Плиний. Естественная история

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения в 4-х т. М., 1976–1983.
2. *Кестлер И.С., Кирхер А.* Экспериментальная физиология Кирхера. / Пер., вступ. ст., примеч. И. Сахарчука. СПб., 2022.
3. *Кулиану Й.П.* Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484 / Пер. М. Фиалко. СПб., 2017.
4. *Цицерон*. Философские трактаты. / Отв. ред., сост. и авт. вступ. стат. Г. Г. Майоров. М., 1985.
5. *Agricola G.* De re metallica libri XII. Basileae: Apud Hieron. Frobenium et Nicolaum Episcopium, 1556.
6. *Augurellius I.A.* Chrysopoeiae libri III. Et Geronticon liber primus. Venetiis: Simon Luerensis, 1515.
7. *Bernardus Trevisanus.* De alchemia liber. // Theatrum Chemicum. Argentorari: Sumptibus heredum Eberh. Zetzneri, 1659.

8. *Budaeus G.* De asse et partibus ejus libri quinque. Parisiis: In aedibus Ascensianis, 1514.
9. *Cardanus H.* De subtilitate libri XXI. Basileae, Apud Sebastianum Henricpetri, 1582.
10. *Casaubonus I.* De rebus sacris et ecclesiasticis exercitationes historico-criticae. Francofurti: Curantib. Ruland. Typis Ioan. Bring., 1615.
11. *Cassanaeus B.* Catalogus Gloriae Mundi. Lugduni: [Ex officina Willeriana], 1603.
12. *Clavasio A. de.* Summa angelica de casibus conscientiae. Clavassii: Jacobinus Suigus, 1486.
13. *Durandus G.* In sententias theologicas Petri Lombardi commentariorum libri quatuor. Lugduni: Apud Gasparem à Portonaris, 1560.
14. *Durandus G.* Speculi [Clarissimi Viri Gulielmi Durandi] secunda pars : Accessere additiones Ioan. Andr. Baldi, ac Henrici Ferrendat, Iurisprudentiae candidatis apprime utiles, Lugduni: Claudius Servanius, 1556.
15. *Kircherus A.* Mundus subterraneus. Amstelodami: Apud Joannem Janssonium & Elizeum Weyerstraten, 1665. 2 vol.
16. *Occhamus G.* Summa totius logicae. Oxoniae: Typis L.L. Acad. typogr. Impensis J. Crosley, 1675.
17. *Paracelsus.* De Natura Rerum, IX Bücher. Strassburg: Bernhart Jobin, 1584.
18. *Petrus Bonus*. Margarita preciosa novella exhibens introductionem in ar tem chemyae integram ante annos plus minus ducendus septuaginta composita. Argentorati: Lazari Zetzneri, 1608.
19. *Philandrus G.* In decem libros M. Vitruvii Pollionis de architectura annotationes. Romae, apud Io. Andream Dossena, 1544.
20. *Scaligerus I.C.* Exotericarum exercitationum liber quintus decimus de subtilitate. Lutetiae [Parisiis]: Ex officina typographica Michaelis Vascosani, 1557.
21. *Tomaso d'Aquino*; L'alchimia ovvero Trattato della pietra filosofale. Trad. P. Cortesi. Roma: Newton Edizioni, 1996.
22. *Zanettinus H.* Contrarietates seu diversitates inter jus civile et canonicum Bononiae: Franciscus de Benedictis, 1490.

ИСТОРИОПИСАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЗМА И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Михаил Дмитриевич Бухарин

СОВЕТСКИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ: Н.А. КУН И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ НА СТРАНИЦАХ «БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»[1]

Аннотация. Советская наука в 1930-е гг. должна была выработать классовое понимание всемирной истории и продемонстрировать его на отдельных примерах. Однако история древней Индии оказалась «кризисным» направлением для советского востоковедения. Дефицит индологов-профессионалов, скудость исходных принципов методологии исследования истории с точки зрения классового подхода обусловили отсутствие внятного изложения истории древней Индии. «Большая советская энциклопедия» должна была представить читателям «правильный» взгляд на основные вопросы древнеиндийской истории. Автором соответствующего очерка выступил антиковед Н.А. Кун, работа которого в основном свелась к пересказу очерка «Индия (история)», подготовленного в 1894 г. С.К. Буличем для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Удивительным образом, текст Куна, несамостоятельный в своей основе, явился источником вдохновения для Н.А. Шолпо – автора очерка по истории древней Индии для первого (неопубликованного) издания «Всемирной истории».

Ключевые слова: история древней Индии, интеллектуальная история, история текста, советская наука, история науки, энциклопедия.

Об авторе. Бухарин Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Гуманитарная наука межвоенного двадцатилетия в СССР и в эмиграции: традиции позднеимперского периода и новый политический контекст» (№ 24-18-00117).

РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119334, Россия; michabucha@gmail.com

Советская наука в 1930-е гг. жила мегапроектами – выработкой грандиозных планов, их осуществлением и ожиданием новых свершений. Важнейшее место в ряду научных дисциплин занимала история Востока, так как именно востоковедение было призвано подтвердить основные принципы научного мировоззрения, сформулированные в окончательном виде в «Истории ВКП(б). Кратком курсе», опубликованном в 1938 г. Каждое научное направление нуждалось в «генеральной линии» – наборе тезисов, «утвержденных» на самом верху, следование которым было обязательным при ведении исследовательской работы.

В этой связи история древней Индии испытывала острый идейный кризис. В середине 1930-х гг. это направление востоковедения не было окончательно включено в историю Востока, так как на Индию еще не были распространены основные принципы общественного развития, выработанные на базе переднеазиатских источников. Тем не менее, усилиями ряда историков, прежде всего, антиковеда А.В. Мишулина; хеттолога, египтолога и ассириолога В.В. Струве процесс подключения Индии к общему пониманию истории Востока постепенно начинался.

Кризис в области индологии ощущался не только на уровне дефицита идей. Острым этот кризис был и на кадровом уровне. Дореволюционная школа индологии почти полностью исчезла. С.Ф. Ольденбург скончался в 1934 г. и своих учеников не оставил, Ф.И. Щербатской во второй половине 1930-х гг. практически отошел от дел по состоянию здоровья, а его школа буддологических исследований, и без того, мало связанная с процессами развития общества, была разгромлена. Р.О. Шор занималась в основном языкознанием. Не удивительно, что реализовывать «государственное задание» по выработке «единственно правильного» классового понимания общественной эволюции

на примере Индии в 1930-е гг. пришлось тем, кто был весьма далек от профессионального изучения истории Индии.

Первым крупным обобщающим очерком по древней истории Индии на русском языке, которой мог бы претендовать на роль «генеральной линии», была работа профессора Петербургского историко-филологического института С.К. Булича (1859–1921 гг.), подготовленная для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [1:130-158]. Булич представляет законченное исследование истории Индии, полностью соответствующее духу подобных изданий и «Всемирных историй». Особенностью ЭСБЕ в данном аспекте явилось то обстоятельство, что в соответствующем томе отдельно представлены статьи «Индийская литература» (1:83-96), также написанная С.К. Буличем, и «Индийская философия» (1:97-98), написанная В. Соловьевым. «Индийская религия» отсылает читателя к основной статье по истории Индии.

От Булича к Куну

Так же построен материал и в соответствующем томе «Большой Советской энциклопедии» за 1937 г. Имеются отдельные статьи «Индийская литература» (2:111-123, автор А.П. Баранников), как и в ЭСБЕ – «Индийская музыка» (2:123-125, не подписана), «Индийская философия» (2:125-135; не подписана); отдельно присутствует статья «Индийское искусство» (2:152-160, автор А.С. Стрелков). После очерков по географии и экономики Индии начинается публикация Н.А. Куна (1877–1940 гг.) [2:234-246] по истории региона. Очевидно, что композиция индологических очерков в БСЭ скопирована со структуры соответствующих очерков в ЭСБЕ.

Ввиду того, что очерк по истории Индии из первого издания Малой советской энциклопедии, определенно, представляет собой первую попытку связно изложить историю индийского общества в советскую эпоху, вопрос об автор-

стве этого очерка приобретает важнейший интерес. С другой стороны, древняя история занимала совсем незначительное место в общем объеме очерков по истории Индии в обоих довоенных издания МСЭ, еще не выделившись в самостоятельное научно-издательское направление. Выделение древней истории из общего объема очерков по истории Индии произойдет позднее – в 1937 г., когда соответствующий очерк Н.А. Куна появится в Большой советской энциклопедии.

Инициаторы издания «Большой Советской энциклопедии» высоко ценили уровень статей в словарях Брокгауза и Ефрона и братьев Гранат[2], однако востоковедение сделало значительный шаг вперед по сравнению со статьями по истории Индии в этих изданиях. Нужно было приступать к формированию ориентиров в индологии заново.

Н.А. Кун – товарищ и сосед по даче С.Ф. Ольденбурга, вероятно, и репетитор его сына Сергея – соиздатель рукописного журнала «Щербининский вестник», выходившего по инициативе Ольденбурга [3:311-312]. Ольденбург даже посвятил отдельную публикацию личности Н.А. Куна [4]. Можно усмотреть некий символ в том, что после кончины Ольденбурга обобщающий очерк по истории Индии для Большой советской энциклопедии составил именно Н.А. Кун.

С 1933 г. Н.А. Кун являлся редактором отдела древней истории Большой советской энциклопедии. Сам выступил автором около 300 статей и заметок по данному направлению [5:379].

Свидетельства о методах работы самого Н.А. Куна над очерками из Большой Советской энциклопедии, сохрани-

[2] Ср.: «Редакции приходилось преодолевать большие трудности, так как и авторы, и типографии отвыкли от столь тщательной и планомерной работы. Эти трудности несколько затянули предварительный период. Тем не менее, Редакция ставит своей целью наиболее тщательную проработку материала, гораздо более тщательную даже, чем в прежних словарях Брокгауза и Граната, как с фактической стороны, так и со стороны идеологии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 546. Л. 60).

лись в его письмах к В.Э. Грабарю, отложившихся в фонде последнего в Российской Государственной библиотеке. Так, в письме от 19 февраля 1936 г. Кун пишет Грабарю покаянное письмо, в котором приносит извинения за задержку неназванного тома неназванной энциклопедии и просит еще один месяц для работы со статьями на букву К [ОР ГБ. Ф. 376. К. 5. Ед.хр. 42. Л. 1.]. 31 марта 1936 г. Кун опять обращается к Грабарю с просьбой прислать ему для работы тома, содержащие статьи Аполлодор, Аполлон и Гомер, из энциклопедии Брокгауза и Ефрона [ОР ГБ. Ф. 376. К. 5. Ед.хр. 42. Л. 2.]. Следующая просьба, адресованная 15 ноября 1936 г., касалась тома со статьями на Ла – Ли и со статьей Куторга [ОР ГБ. Ф. 376. К. 5. Ед.хр. 42. Л. 4.]. Последняя аналогичная просьба от 22 декабря 1936 г. касалась статьи по истории Китая [ОР ГБ. Ф. 376. К. 5. Ед.хр. 42. Л. 6.]. В сохранившихся письмах Н.А. Куна к В.Э. Грабарю не сохранилось просьбы о присылке тома со статьей по истории Индии, однако первая просьба о присылке одного из томов энциклопедии не была в письме расшифрована. Принимая во внимание, что Н.А. Кун активно использовал статьи из энциклопедии Брокгауза и Ефрона для работы над собственными очерками для «Большой Советской энциклопедии», можно предположить, что и при работе над очерком «Ведийский период и образование классового общества» из статьи «Индия», соответствующий том мог лежать у него на рабочем столе.

Хронологическая схема в очерке Н.А. Куна воспроизводит периодизацию С.К. Булича. «Ведийский период», на который приходится «образование классового общества», продолжается периодом, охватывающим время «7–6 вв. до хр.э. по 9–10 вв. хр.э.». Периодизация истории Индии, приведенная Буличем, была в точности воспроизведена Н.А. Куном спустя более 30 лет.

Формально описание ведийского периода истории Индии Буличем и Куном разнится значительно. Булич ссылается на главных авторитетов своего времени, тогда как

единственным источником цитат для Куна являются произведения К. Маркса. Текст Булича пестрит терминологией, приведенной в оригинале, выдавая хорошее знание первоисточников. Когда нужно, Булич подробно пересказывает источники, которые Кун даже не упоминает. Переходя к эпохе Александра Македонского, Булич выдает и знание древнегреческого. В тексте Куна даже санскритские термины не встречаются вовсе. С другой стороны, терминологически оба очерки близки тем, что в них обоих население Индии именуется «индусами».

Однако в главном оба очерка исходят из одной мысли о жестокой борьбе между пришельцами-ариями и местным автохтонным населением. Эта мысль, высказанная Буличем, была, однако, несколько трансформирована Куном. Она была приписана «буржуазным исследователям» и «буржуазным этнографам». Тем не менее, ничего другого Кун не высказал, фактически свернув дискуссию.

Описание хозяйства ведийских ариев в целом совпадает в обоих очерках.

Подбор характеристик для обозначения степени развития общества Булича не занимал. Кун, следуя необходимости, пытался найти место ведийской Индии в прокрустовом ложе марксистской терминологии.

Временами создается впечатление, что задача Куна сводилась к тому, что пересказать текст Булича «своими словами», отдавая при этом должное моде времени. Например,

Булич (С. 137)	Кун (С. 240)
Царство Пора за это время еще не увеличилось, но вскоре сам он был изменнически убит… Это возмутило индусов: произошло восстание, и греки были изгнаны (317 г. до Р.Хр.). Вожаком восстания явился отважный авантюрист Чандрагупта… из незнатного рода… впоследствии основатель самого могущественного индийского государства и знаменитой династии Маурья.	… стремление окончательно утвердиться на берегах Инда вызвало среди индусов движение против завоевателей. Этим движением воспользовался некий Чандрагупта, происходивший со стороны матери из касты шудра. Чандрагупта в 322 г. до хр.э. завладел всем Пенджабом, а в 315 и царством Магадха на Ганге. Он создает могущественное царство, охватывающее весь бассейн Инда до его устья и долину Ганга до его дельты.
Нельзя не отметить того, что соответствующая характеристика Чандрагупты Маурья – «искатель приключений» – приведена и в очерке Э. Шмидта в 1909 г. [6:399] (см. ниже).	
Булич (С. 138)	Кун (С. 240)
Ашока… прибавил к своему царству еще несколько областей (Кашмир, землю Гандхаров и царство Калинга к Ю от Ориссы), так что его государство простиралось от устьев Ганга до крайнего З и от Гималая до р. Годавери. Ашока был для буддизма тем, чем имп. Константин для христианства. Он сделал буддизм государственной религией.	Держава… Маурья… охватывала весь север И., простираясь на Ю.-З. до современного Майсора, а на Ю.-В. до Ориссы. Асока признал буддизм государственной религией.
Булич (С. 139)	Кун (242)
Деметрий … еще дальше расширил завоевания отца. Ему принадлежали: область нижнего И. (у греков Pattalene), страна Mâlava и полуостров Гуджерат, а также, вероятно, и Кашмир. Он первый из греков носит титул *индийского* царя и чеканит монеты с двуязычными надписями.	Деметрий завоевал Пенджаб, Синд, Гуджерат и Кашмир. Деметрий именовал себя индийским царем и чеканил монеты с двуязычными надписями на греческом и индийском языках.

Весьма вероятно, что в этих примерах Н.А. Кун просто пересказал текст С.К. Булича, лишь избавив его от нежелательных ссылок.

С.К. Булич приводит известные ему сведения о кушанских царях и Гуптах, династиях середины – второй половины I тыс. н.э. Так же выглядит период поздней древности и в изложении Н.А. Куна. Последний, однако, дополнял характеристику этого периода ссылками на сложение феодального способа производства (2:245).

Можно с определенной осторожностью предположить, что Н.А. Кун, не зная первоисточников, не будучи знакомым с исследовательской традицией, но будучи талантливым рассказчиком, «переложил» очерк С.К. Булича, сохранив его форму и разбавив нужными цитатами, в новую реальность.

От Куна к Шолпо

Главным предприятием советской исторической науки довоенного периода должны были стать многотомные издания «История СССР» и «Всемирная история», работу над которыми курировал Институт истории АН СССР. Во главе работы над томом по древней истории стояли москвичи А.В. Мишулин и А.Б. Ранович, решавшие в основном организационные вопросы, а также ленинградец С.А. Жебелев, отвечавший за научное редактирование.

Тексты очерков по истории Индии был заказан И.Л. Снегиреву и Н.А. Шолпо. Вероятно, работа над очерками могла начаться в середине 1939 г. Если судьба первого очерка – по древнейшей истории Индии – оказалась вполне ясной (см. выше) [7:155-168], то текст Н.А. Шолпо «Индия эпохи арийского завоевания», который охватывал материал по истории Индии от ведийского этапа до периода «поздней древности», пережил существенно больше трудностей. В отличие от очерка И.Л. Снегирева опубликован он не был. В результате, претерпев множество исправлений, он

отложился в Архиве Российской Академии наук [Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 1. Д. 437. Л. 1–67].

Трудно сказать с полной определенностью, по какой причине очерк по истории древней Индии периода арийского завоевания был заказан именно Н.А. Шолпо. К середине 1939 г. в послужном списке Шолпо была единственная публикация по теме очерка. Правда, точно соответствующая тематически: «К проблеме «арийского завоевания» древней Индии», опубликованная в «Вестник древней истории» (1939. № 3. С. 40-48). Возможно, именно это обстоятельство, а также общий кадровый голод, особенно остро ощущавшийся, в частности, в индологии и способствовал тому, что авторство этого очерка было поручено в общем случайному человеку. Непрофессионализм Шолпо виден уже по тому факту, что очерк, посвященный эпохе арийского завоевания Индии – как бы ни относится к правдоподобию тезиса о каком-либо завоевании ариями Индии – охватывает несколько исторических периодов, помимо ведийского – поздневедийский (брахманический), буддийский, маурийский, время вторжений. Удивительным образом, но именно «классическая» Индия – эпоха Гуптов – не вошла в этот очерк. Для характеристики состояния советской индологии конца 1930-х гг. показательно и то, что никто из принимавших участие в обсуждении II тома Всемирной истории [8:648-651] не обратил внимание на несоответствие заглавия очерка его тексту.

Общий подход к истории Индии Н.А. Куна и Н.А. Шолпо, несмотря на небольшую разницу во времени составления этих очерков, разнится значительно. Кун еще не изжил попытки разглядеть в истории Индии феодальную основу. Так, характеризуя период разложения родового строя (середина I тыс. до н.э.) Кун пишет: «Имеются разные точки зрения о характере раннего классового общества в И. Нельзя с точностью установить, преобладали ли в эту эпоху рабовладельческий или феодальный способ производства. Во всяком случае, рабовладение играло в древней И.

очень большую роль» [2:235]. Такая нерешительность в 1939–1940 гг. была уже неуместна. В этом отношении критика Шолпо в адрес Куна была вполне оправданной.

Тем не менее, очерк Н.А. Шолпо «Индия эпохи арийского завоевания», подготовленный для «Всемирной истории», обнаруживает определенные текстуальные совпадения с очерком «Индия» Н.А. Куна из «Большой Советской энциклопедии» [2:234-246].

Текст, вычеркнутый на странице 15, до некоторой степени является цитатой из очерка Н.А. Куна. Так, Н.А. Шолпо пишет: «Давши характеристику индийской общины, Маркс […] Исчерпывающее описание их дано Марксом в статье «Британское владычество в Индии» (Собр. соч. IX. стр. 346-352) на основе официальных сообщений». Сравним у Н.А. Куна: «Маркс в статье «Британское владычество в Индии» дает блестящую и исчерпывающую характеристику причин возникновения деревенской общины в И., их связи с искусственным орошением, их роли в политической и экономической жизни страны» [2:236]. Далее в обоих очерках следует одна и та же цитата из работы К. Маркса. Здесь же Шолпо не просто цитирует Маркса так же, как это делал Кун, он сохранил те же соединительные конструкции: «Оба эти обстоятельства», – продолжает Маркс, – «с одной стороны, то, что индусы, подобно всем восточным народам, предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных сооружениях…», – пишет Н.А. Шолпо (Л. 16). Та же соединительная конструкция использована ранее и Н.А. Куном: «…с одной стороны, то, что индусы, подобно всем восточным народам» [2:236]. Длинная цитата из сочинения К. Маркса воспроизведена Шолпо в укороченном виде, однако сохранение конструкции «, – продолжает Маркс, –» из текста Куна заставляет подозревать «некорректное заимствование» из Большой Советской энциклопедии.

В обоих очерках совпадает и единственная прямая цитата из «Рамаяны»: «Воспоминания об этом были еще живы

в народном эпосе, в песнях и легендах. В Рамаяне прямо говорилось: “Нет никого, кто стоял бы выше кшатрия, поэтому, когда царь приносит жертвы, пусть приносит брахман жертвы после кшатрия”», – пишет Н.А. Шолпо (Л. 36). Сравним с более ранним текстом Н.А. Куна: «Эта борьба ярко отражена в “Рамаяне” и других поэмах. В ”Рамаяне” говорится, напр.: ”нет никого, кто стоял бы выше кшатрия, поэтому, когда царь приносит жертвы, пусть приносит брахман жертвы после кшатрия” …» [2:238].

На Л. 50 Н.А. Шолпо обратился к фигуре Чандрагупты Маурья: «К этому времени на сцену появляется Чандрагупта (греческое Сандрокотта). Происхождение его остается неясным, но, очевидно, он был шудра». После слова «появляется» из текста вычеркнуто «некто по имени». Сравним с текстом Н.А. Куна: «Но стремление окончательно утвердиться берегах Инда вызвало среди индусов движение против завоевателей. Этим движением воспользовался некий Чандрагупта, происходивший со стороны матери из касты шудра» [2:240]. Трудно сказать, по какой причине оборот «некто по имени» был вычеркнут из текста Н.А. Шолпо. То ли ввиду того, что сам оборот неудачен, то ли потому, что выдавал «работу» с текстом Н.А. Куна.

На Л. 61 Шолпо утверждает: «Ашока выступает апостолом буддизма; он сделал для буддизма так же много, как Константин для христианства». Выше уже говорилось о том, что этот образ был рожден Р.О. Шор [9:266], возможно не без влияния образа «равноапостольного» императора Константина, рожденного С.К. Буличем и заимствованного А.Н. Крымским и Н.А. Куном. Очевидно, что Шолпо внимательно читал статьи Р.О. Шор по истории индийской литературы, в которых явно искал материал для своего очерка.

На Л. 62 Н.А. Шолпо писал о причинах возникновения буддизма. Этот фрагмент был вычеркнут из итоговой редакции, возможно, именно потому, что сильно напоминал текст очерка Н.А. Куна: «Таким образом, возникновение

буддизма и его расцвет при Ашоке связан с разложением рабовладельческого общества, с борьбой против тесных рамок кастового строя, когда растущие производительные силы настоятельно требовали иных производственных отношений». Ранее Н.А. Кун писал об этом следующим образом: «Некоторые исследователи связывают возникновение буддизма, по аналогии с христианством, с разложением рабовладельческого способа производства в И. и с началом перехода к феодализму, к-рый, но их мнению, происходил в И. в 6–4 вв. до хр.э.» [2:238]. При этом Кун дал понять, что имеет в виду не собственное мнение о связи возникновения буддизма с разложением рабовладельческого общества, а точку зрения других исследователей. Шолпо же преподнес этот тезис как аксиому.

На Л. 67 Шолпо переходит к завершающему (в его изложении) этапу истории древней Индии: «Около 140 года саки разгромили Бактрию…». После «года» вычеркнут этноним «скифы-сака». Именно он использован в тексте Н.А. Куна: «В 140 до хр. э. в И. двинулись из Средней Азии скифы-сака и, завладев Бактрией, нанесли решающий удар греко-бактрийскому царству» [2:244].

Неоднократное вычеркивание из текста очерка Н.А. Шолпо оборотов, которые ранее использовались в очерке Н.А. Куна, воспроизводство тех же цитат, говорит о том, что Шолпо использовал практику «некорректных заимствований» из очерка Куна. Конечно, говорить о прямом списывании не приходится. Концептуальная разница между очерками весьма существенная. Для Куна Индия маурийского времени – «типичная восточная деспотия» и «империя» [2:240-241]. Понятие «империя» в тексте Шолпо не встречается, однако от тезиса о восточной деспотии как типе государственного устройства он не отказался. Даже транскрипция династийных имен в очерках отличается, например, «Шайшунага» у Куна и «Сисунага» у Шолпо.

Тем не менее, нельзя не отметить того, что с большой долей вероятности соответствующий том «Большой Со-

ветской энциклопедии» лежал на рабочем столе Н.А. Шолпо при работе над очерком «Индия эпохи арийского завоевания» для «Всемирной истории».

Литература

1. *Булич С.К.* Индия (история) // Энциклопедический словарь. Том XIII. Имидоэфиры – Историческая школа / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Лито-Типография И.А. Ефрона, 1894.
2. *Кун Н.А*. Индия. IV. Исторический очерк. Ведийский период и образование классового общества // Большая советская энциклопедия. 1937. Том 28. М.: ОГИЗ РСФСР.
3. *Разумов Н.В*. Николай Альбертович Кун и «Щербининский вестник» // Чертковский исторический сборник. Выпуск IV. Российская империя: властные структуры и общество / Отв.ред. М.Ю. Андрейчева. М.: Государственная публичная историческая библиотека России. 2022. С. 311-318.
4. *Ольденбург С.Ф.* «Несколько слов к характеристике Н.А. Куна». Заметка. «Щербининский вестник» 1904. № 6 // РГАЛИ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 3.
5. *[Б.и.,некролог]* Профессор Н.А. Кун // Вестник древней истории. 1940. №3–4 (12–13). С. 379.
6. *Шмидт Э*. Индия. IV. История Индии // История человечества. Всемирная история / под общ. ред. Г. Гельмольта. Том II. Восточная Азия и Океания. Индийский Океан / Сост. М. Брандт, К. Вейле, Э. Шмидт, Г. Шурц. Перевод… под ред. В.В. Радлова. СПб.: Типография Книгоиздательского товарищества «Просвещение», 1909. С. 341-527.
7. *Снегирев И.Л*. Древнейшая Индия в свете последних археологических раскопок // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 155-168.
8. Например: *Ананьев В.Г.*, *Бухарин М.Д.* «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу…». Советская историческая наука и музейное строительство в 1917–1941 годах (исследования и документы). М.: Индрик, 2022. 768 с.
9. *Шор Р.О*. Асвагоша // Литературная энциклопедия в 11 т. М., 1929–1939. Т.1. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930.

Анна Анатольевна Котомина

ТЩАТЕЛЬНОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ И СТРОГАЯ ГРУППИРОВКА: ИСТОРИЯ УСТРОЙСТВА ТУРКЕСТАНСКОГО ОТДЕЛ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ МУЗЕЕ (1872-1900)

Аннотация. В статье изложены результаты исследования 28 лет истории Туркестанского отдела в московском музее Прикладных знаний (Политехническом). Отдел существовал в музее с самых первых дней и был упразднен около 1901 г. Источники позволили проследить этапы становления коллекции предметов, собранных для отдела в ходе выставок, экспедиций и военных компаний. Меняющиеся политические и культурные контексты заставляли сотрудников музея неоднократно переосмыслять концепцию отдела. Отчеты музея и протоколы заседаний его Комитета дают возможность узнать, как отдел, «не соответствующий систематизации», был включен в музей, в каких словах были сформулированы цели его создания и мотивы участников процесса, на какие образцы ориентировались его создатели, представляя публике новые территории и их жителей. Насколько нам удалось проследить, меняющиеся поколения членов Комитета оставляли прежним подход к принятию решений относительно коллекций, изменились только внешние обстоятельства, в которых приходилось действовать.

Ключевые слова: Политехнический музей в Москве, политика Российской империи в Центральной Азии, Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, история приемов создания музейных экспозиций, материальная история знания.

Об авторе: Котомина Анна Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУК «Политехнический музей», 101000, Москва, Новая площадь 3/4. akotomina@yandex.ru

В ноябре 1872 г. музей Прикладных знаний (Политехнический) открыл свои двери для посетителей во временном помещении на улице Пречистенка в Москве. Быстро расту-

щий промышленный и торговый центр империи нуждался в общеобразовательном научно-техническом публичном музее, и на новое учреждение «были возложены определенные ожидания». Известное здание на Лубянской площади еще не было построено, но коллекции для него уже были собраны. Горячо обсуждалась «программа музея», то есть общий план его устройства в будущем. Были сомнения и относительно того, соответствуют ли имеющиеся коллекции этому плану. Несмотря на тесноту арендованного здания, там были представлены 13 отделов – геологический и горнозаводской; механический; технологический; сельскохозяйственный; лесоводства; промысловый (шелководства и пчеловодства); строительный и архитектурный; судостроения и судоходства; почтовый; прикладной физики; учебный; графических искусств (печатный) и Туркестанский. Туркестанский отдел с большой картой русских владений, восковыми фигурами «туземцев» в полосатых халатах и чалмах, образцами полезных ископаемых и домашней утварью был мало похож на остальные, которые представляли посетителям достижения науки или техники. По мнению, высказанному секретарем музея Н.К. Зенгером, отдел «не входил в общую систему», но был «вызван жизнью музея, явившись вследствие обстоятельств, сложившихся по мере развития учреждения» [41:89-90].

Обстоятельства, о которых говорил Н.К. Зенгер, были связаны с военными действиями, которые с 1860 г. российские отряды вели против Кокандского ханства в Центральной Азии. Под руководством полковников Н.А. Веревкина и М.Г. Черняева в 1864–1865 гг. были завоеваны несколько крупных городов, включая Ташкент. В 1867 г. на землях, попавших под контроль России, было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Руководить был назначен Константин Николаевич фон Кауфман. «Твердою рукою, властно и смело принялся он за управление вверенным ему краем» [42:14]. Выпускник Николаевского инженерного училища пользовался особенным доверием

и поддержкой Александра II. Подчиненные лестно отзывались о генерале: «Это был человек просвещённый, глубокого ума, с широким государственным взглядом, твердой воли и стойкого характера, смелый и решительный, и при этом человек общительный, доступный и добрый». [42:14]. К 1872 г. русская армия под руководством К.Н. фон Кауфмана и его сподвижников политически подчинив Кокандское ханство, вела военные действия против Бухарского эмирата и Хивинского ханства, на берегу Каспийского моря был создан форпост для наступления на туркменские оазисы. Сопротивление местного населения еще не было полностью сломлено. Военные действия сопровождались интенсивной дипломатической активностью, военно-научными разведывательным экспедициями, компанией в российской прессе и дискуссиями в министерствах о наилучшем устройстве налогообложения и администрирования новых территорий. Историки конфликта полагают, что военная активность России в регионе была частью политического противостояния с Британией. [5:64-66]. С экономической точки зрения новые территории в 1860–1880-х гг. [1] приносили казне убыток. Бедное местное население выплачивало не так много налогов и было не слишком привлекательным рынком сбыта российских товаров из-за значительных транспортных расходов. Содержание воюющей армии, затраты на чиновников, строительство городов, поддержка переселенцев съедали немалые суммы. Политические амбиции генералов, аппетиты местных администраторов нуждались в расширении общественной поддержки. Генерал-губернатор Туркестана видел своей задачей рассказывать населению центральной России о новых территориях в выигрышном свете, чтобы обеспечить одобрение своим инициативам. Одним из действий в этом направлении было создание Туркестанского отдела в музее Прикладных знаний.

Организацией музея Прикладных знаний занималась группа молодых ученых из Императорского московско-

го университета (ИМУ), сложившаяся вокруг зоолога А.П. Богданова и геолога Г.Е. Щуровского. Известно, что все они «серьезно относились к научным основаниям» своей деятельности и стремились «не идти на поводу у «общества» и «властей»» [26:47]. Почему они согласились включить отдел, «не соответствующий систематизации», в музей? Как они формулировали цели создания отдела и свои мотивы? На какие образцы они ориентировались? Как именно были представлены новые территории и их жители?

Туркестанский отдел просуществовал в музее 28 лет, и был упразднен в 1901 г. За это время создавшие его люди состарились и передали управление музеем в руки учеников и последователей. В Туркестанском крае за эти годы завершились военные действия, началось его хозяйственное освоение. Отношения с метрополией стали теснее, и приняли более рутинный характер. Архивы Политехнического музея сохранили отчеты отдела, его описания в путеводителях, некоторые изображения экспонатов, комментарии и записки членов правления музея о текущих делах. На основании документов можно проследить изменение экспозиций и поставить вопрос о причинах закрытия. Были ли они связаны с личными пристрастиями, со случайным стечением обстоятельств? Как изменились мотивы принятия решений у нового поколения профессиональной интеллигенции, к которой перешло управление музеем? Повлияли ли на закрытие отдела изменение ожиданий от музея со стороны общества и власти? Музей и его отделы появились на волне роста поддержки «общественной науки», ученых обществ, масштабных выставок. Возможно, закрытие отдела указывает на спад поддержки?

Поиски следов туркестанских коллекций в толще музейных документов сопровождались в данной статье попытками разобраться, как менялись смыслы, которые видел коллективный владелец этих вещей в хранении и приумножении собрания. Подход, ориентированный на

тексты, организованные вокруг предметов, можно назвать «материальной историей знания». Он позволяет различать больше нюансов в мотивах действий людей, имена которых хорошо известны в истории науки. Исследователи сходных сюжетов традиционно уделяют внимание заметным и ярким событиям, которыми были большие научные выставки. Исследование истории одного музейного отдела, который существовал три десятилетия, позволят проследить, как изначальные намерения, «системы» и «программы» выдерживали изменчивость многоплановых жизненных обстоятельств.

Создание туркестанской коллекции

Основа коллекций музея Прикладных знаний, в том числе и Туркестанского отдела, была собрана в процессе подготовки Политехнической выставки в память о 300-летии со дня рождения императора Петра I. Инициатива принадлежала Императорскому обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ). Оно было создано при ИМУ в 1864 г. единомышленниками А.П. Богданова и Г.Е. Щуровского сразу после принятия нового университетского устава 1863 г., который дозволил открытие научных обществ при университетах. Программа общества включала содействие естественным наукам, путем создания музеев, устройства выставок и публичных лекций. Спустя четыре года, в 1868 г. был официально утвержден и устав нового объединения профессионалов и любителей. Общество получило право именоваться «Императорским».

Политехническая выставка была запланирована на лето 1872 г., местом проведения выбрали московские Кремлевские сады. Готовить ее начали осенью 1869 г. При обсуждении идеи А.П. Богданов подчеркивал, что пришло время показать, «насколько отдельные отрасли знания о природе принесли свои выводы на пользу человека», предъявить

публике «разнообразие научных применений к тому или иному производству». Задуманная выставка должна была состоять из двух частей, «на отдел политехнический […] с основанием наук опытных […] и отдел прикладного естествознания, то есть отдел наук наблюдательных». [4:19]. Уверенность профессоров в возможности организовать столь масштабное событие подкреплялось успехом Этнографической выставки, которую они провели в петербургском Манеже в апреле-июне 1867 г. Там можно было увидеть 288 манекенов в характерной одежде, предметы быта, орудия, модели жилищ. По распоряжению правительства местные чиновниками по всей стране собирали предметы для выставки. «Всему делу устройства и проведения выставки была придана вполне официальная окраска […] Правительственные круги стремились сделать выставку демонстрацией мощи и величия царской империи […], но, вопреки этому нарочито казенному лицу выставки, она объективно имела большое научное значение», – пишет о достижениях 1867 г. историк этнографии С. А. Токарев. [40:400]. М. Могильнер подчеркивает политический характер первого организованного ОЛЕАЭ мероприятия, которое «показывало человеческое разнообразие, которое преломлялось в оптике имперского многообразия и одновременно – колониального доминирования». [26:43].

В 1867 г. в «имперском многообразии» народы Центральной Азии не могли быть представлены в большом масштабе. В Манеже появились лишь восковые фигуры жителей Ташкента, который в 1865 г. был занят после длительной осады войсками под командованием М. Г. Черняева. К.Н фон Кауфман посетил Этнографическую выставку вскоре после открытия. Его только что назначили руководить недавно образованным генерал-губернаторством. Он по достоинству оценил успех мероприятия у публики и осознал возможности, которые новая форма публичности открыла для обеспечения общественной поддержки его ближайших инициатив. Знакомя генерала с экспозицией,

члены ИОЛЕАЭ предложили ему содействие. Они сообщили о своем желании «принимать участие в изучении страны» и просили «доставить Обществу возможность командировать одного из своих членов для ученых исследований в Туркестанский край» [14:2]. За год до этого разговора московские ученые уже имели возможность получить первое профессиональное представление о регионе. Вскоре после взятия Ташкента, зимой 1865–1866 гг., М.Г Черняев отправил в Москву с купцом Хаджи Юнусовым живых животных для зоосада и коллекцию «промышленных, сельскохозяйственных и естественных предметов». Городские власти передали коллекцию для изучения ОЛЕАЭ. В заседаниях 2 и 8 апреля 1866 г. были зачитаны при большом стечении людей подготовленные ими результаты исследований образцов минеральных богатств, сельскохозяйственных продуктов, мануфактурных изделий, шелков, красителей и лекарств, поступивших из края. Отдельно был представлен доклад об «имевшем живой интерес» вопросе о путях сообщения.

В конце 1867 г. К. Н. фон Кауфман ответил официальным письмом на обращение ОЛЕАЭ. Он сообщал, что готов выплатить «ученому, заслуживающему доверия» годовое содержание в 1500 рублей и содействовать ему в изучении производительных края по академической программе. Круг единомышленников решил послать в Туркестан зоолога Алексея Павловича Федченко. Двадцатитрехлетний выпускник ИМУ преподавал естествознание в Екатерининском институте благородных девиц. В ОЛЕАЭ он занимал пост председателя энтомологической комиссии и секретаря отдела антропологии. Для подготовки к путешествию было решено отправить А.П. Федченко на четыре месяца «за границу, с тем чтобы усовершенствоваться в некоторых приемах естественнонаучных исследований и просить советов и указаний известных заграничных ученых, практически знакомых с условиями научных путешествий» [14:2]. Для этого ему выдали 400 рублей,

на которые он приобрел «снаряды и руководства» для исследований. В поездках Алексея Павловича сопровождала жена, Ольга Александровна, дочь профессора ИМУ А.О. Армфельда. Профессиональная подготовка О.А. Федченко и ее собственные научные интересы в области ботаники способствовали успеху начинания.

После получения письма от генерала-губернатора ИОЛЕАЭ собрало Комиссию, задачей которой была подготовка инструкции для исследования Туркестана. В Комиссию вошли крупные ученые с разнонаправленными интересами. Программа исследований получилась предельно широкой. Кроме составления коллекций «местных естественных произведений и продуктов», «изучения беспозвоночных животных», «краниологических исследований туземцев» они включали «изучение фауны Аральского моря», «раскопки курганов», «по возможности разностороннее изучение местностей, еще не посещенных другими путешественниками» [14:3]. Все поставленные задачи едва ли могли быть реализованы одним человеком даже при основательной поддержке местных властей и при деятельном участии таких преданных помощников как Ольга Александровна. Инструкция носила преимущественно декларативный характер, давая возможность большому кругу академических ученых выразить поддержку идее исследования окраин империи.

В сентябре 1869 г. К. Н. фон Кауфман приехал в Петербург. Он ознакомился с академической инструкцией и послужным списком А. П. Федченко и распорядился добавить к ежегодному содержанию 1400 рублей на инструменты и книги, 1000 рублей «на подъем», «двойные прогонные на тройку лошадей до г. Ташкента». Генерал-губернатор предложил ученому не дожидаться командировки от военного министерства, а отправляться в путь, через Ташкент в Самарканд, который только летом 1868 г. был тяжелыми боями отбит у Бухарского эмира. Константин Николаевич «полагал необходимым» начинать исследования с только

что отвоеванного Зеравшанского округа [14:4]. Он предоставил в распоряжение супругов Федченко «казака, знавшего туземный язык» и вооруженную охрану.

С января по август 1869 г. супруги Федченко, как этого от них и хотели власти, исследовали окрестности Самарканда и долину реки Зеравшан, в октябре они вернулись в Москву для разбора собранных коллекций. Изучать гербарии пригласили директора Петербургского ботанического сада Э.Л. Регеля. Зоологическими находками занялись А.А. Штраух, Н.А. Северцов и другие. В мае 1870 г. супруги снова поехали в Туркестан, чтобы присоединиться к военному походу генерал-майора А.К. Абрамова в гористые верховья реки Зеравшан. В июле и августе из-за жары полевые исследования были невозможны. А.П. Федченко приступил к программе Туркестанского отдела для Политехнической выставки, подготовка которой полным ходом шла в Москве. После сентябрьской поездки в Магиан всю осень, зиму и весну супруги Федченко при помощи русских сотрудников администрации в Ташкенте готовились к выставке. Они планировали экспозиции, составляли объяснительные тексты, собирали, упаковывали и отправляли в Москву экспонаты. Люди, объединившиеся вокруг А.П. Федченко для подготовки к выставке этой зимой, образовали Туркестанское отделение ИОЛЕАЭ. В него, в частности, вошел сосланный в военную службу студент ИМУ Дмитрий Львович Иванов, выпускник того же университета, аптекарь и ботаник Иероним Иванович Краузе, выпускник Горыгорецкого земледельческого института агроном Михаил Иванович Бродовский, педагог и писатель Юрий Дмитриевич Южаков.

Практический опыт, накопленный супругами Федченко к последнему экспедиционному сезону, позволил им весной и летом 1871 г. перейти к «изучению местностей, еще не посещенных другими путешественниками», предписанному инструкцией ИОЛЕАЭ. В апреле они отправились в пустыню Кызылкум в среднем течении Амударьи. В ию-

не-августе было предпринято путешествие к неизученному Заалайскому хребту и к предгорьям Памира. В октябре, завершив последние приготовления, супруги вернулись в Москву для непосредственного участия в устройстве отдела. В ноябре на заседании Комитета выставки А.П. Федченко представил подготовленную в Ташкенте программу. Она была принята без обсуждения. Четыре больших ящика с естественноисторическими коллекциями для выставки доставили в Москву месяцем раньше. В ящиках прибыли образцы полезных ископаемых – руд, бирюзы, угля, торфа. Там же были гербарии из последних поездок по пустыне Кызылкум и по Алаю. Сотрудники местной администрации прислали скелеты, черепа, шкуры и животных. Для антропологической части экспозиции из гробниц в Самарканде и Ташкенте были «добыты» черепа и скелеты «туземцев». А.П. Федченко приступил к составлению каталога, который был опубликован перед открытием выставки.

Каталог, как и инструкция для исследования, был не просто руководством к осмотру павильона, но и декларацией научного сообщества о намерениях. В данном случае она была обращена к широкой публике и подкреплялась предъявлением коллекции вещей, объявленных ценными. Риторика введения передает азарт первопроходцев, готовых на риск, чтобы ознакомить «русскую публику и специалистов с краем, сделавшимся так недавно вполне доступным для исследований». В самом начале названа цель устройства отдела – «ознакомление с краем и его производительными силами может быть приведет в край новых предприимчивых деятелей и, самое главное, даст русской публике основание для суждения о значении новых приобретений русских в Средней Азии» [16:1]. Каталог использует аргументы К.Н. фон Кауфмана, высказанные в переписке с ИОЛЕАЭ: «Настоящая администрация Туркестанского края полагает совершенно для себя необходимым изучение производительных сил Сырдарьинской и Семиреченской областей с тем, чтобы эти страны мог-

ли бы с течением времени принести возможно большую пользу России» [14:2]. «Признавая такое изучение совершенно необходимым и для административных целей, а также желая возможно скорее сделать этот край, до сих пор еще малоисследованный, известным России, я со своей стороны изъявил согласие доставить необходимые к тому материальные средства ученому» [14:4]. В каталоге представлены результаты объединения усилий ради общей цели. Константин Николаевич обеспечивал материальную поддержку и безопасность, ученые рационально упорядочивали неизвестную, дикую и новую природную и «инородческую» стихию.

В основе каталога – пронумерованные списки экспонатов, распределенных по тематическим разделам. В первом из них, географическом, были представлены 15 карт, планов и листов топографических съемок, составленных с 1868 по 1871 гг. путешественниками и военно-топографическим отделом Туркестанского военного округа. Географические сведения были настоящими трофеями военных компаний, и добывались с трудом и риском. Они закрепляли власть чужестранцев, давая возможность самостоятельно передвигаться по местности. Население препятствовало их получению. Страсти, кипевшие в те годы вокруг уточнения географических сведений, отображены в приключенческом романе Р. Дж. Киплинга «Ким». Сюжет авантюрного романа для мальчиков родился у автора, когда он в начале 1880-х гг. работал журналистом на севре Британской Индии [18]. Каталог вынес коллекцию карт на первое место, чтобы подчеркнуть важность и ценность добытых географических сведений для текущего момента освоения территорий. Самым заметным экспонатом раздела была карта крупного масштаба (в 1 см – 30 км) «Русский Туркестан (по новейшим сведениям)», вычерченная межевым инженером Е.М. Тарасовым в Москве. Карта собрала воедино все данные, доступные русским на момент открытия выставки. Маршруты экспедиций ботаника

Н.А. Северцова и супругов Федченко были изображены на отдельных листах.

Географический раздел Туркестанского отдела украшали 16 видовых живописных картин, большая часть которых была исполнена А.К. Саврасовым по эскизам О.А. Федченко. Три картины были нарисованы с натуры. В этюдах принимал участие Д.Л. Иванов. На картинах запечатлены живописные озера, горные хребты, пустыня, «религиозные и бытовые постройки». Фотографий было выставлено 19, на них – современные «туземные» и европейские дворцы, медресе, мечети, крепостные ворота. В географическом отделении можно было осмотреть небольшую коллекцию древних монет, собственность Туркестанского отдела ИОЛЕАЭ.

В естественноисторическом разделе было 1408 экспонатов. Его устройством заведовал А.П. Федченко. Открывали раздел 176 образцов угля, торфа, руд, мрамора и других минералов. Нефть, под наименованием «горное масло» была помещена рядом с мылом и сальными свечами в техническом разделе. Она в те годы еще не рассматривалась как ценное и важное полезное ископаемое, и значилась в каталоге как сырье для получения керосина, одного из видов освещения наряду со свечами. Каталог пояснял назначение нефти – «сарты употребляют ее как лекарство от чесотки, а асфальт употребляют для своих сапожных изделий» [16:46]. Изначально планировалось показать в разделе «образцы золота, намытого г. А.П. Колесниковым» и воды из разных местностей и источников. Демонстрация образцов воды, видимо, была сочтена недостаточно занимательными для публики. Золото в экспозицию также не попало, и любопытство посетителей могла удовлетворить только статья А.П. Колесникова «Золотопромышленность в Туркестане», опубликованная к выставке [9:82-83; 22].

Следом за полезными ископаемыми в каталоге шли ботанические коллекции, в основном собранные во время походов О.А. и А.П. Федченко весной летом 1871 г. в пусты-

ню Кызылкум и по Заалайскому хребту. Было выставлено 350 трав, кустарников, частей деревьев. Наиболее характерные экспонаты были помечены в каталоге звездочкой, их выставляли под стеклом. Для «лиц, специально интересующихся ботаникой», была возможность, обратившись к дежурному по отделу, осмотреть новые, еще не описанные виды. Их не было в зале, но в опись предметов отдела их включили. В таких случаях каталог был первой научной публикацией результатов экспедиции.

Кроме академических коллекций экспедиции ИОЛЕАЭ в ботаническом подразделе были представленные местные растения, любопытные для широкой публики. В их подготовке принял участие И.И. Краузе. Были выставлены «красивые растения», «растения, дающие какие-либо продукты», живописные снопы злаков и трав, спилы стволов деревьев. Таких экспонатов было 321, то есть почти столько же, сколько и в гербариях, собранных с исследовательскими целями. На радость садоводам и рукодельницам планировали показать пророщенные семена и клубни, и «искусственные цветы, сделанные госпожой А.П. Харламовой по сухим экземплярам из гербария Ольги Федченко» [16:11]. А вот «копрологическую коллекции», собранную все той же дотошной четой Федченко, учитывая чувствительность публики, решили не выставлять, хотя и обсуждали такую возможность при подготовке [9:82]. Представители фауны в зоологическом подразделе каталога перечислялись по размеру от крупных – зверей, к мелким – паразитам человека и животных, насекомым и слизнякам. Всего в подразделе было 519 экспонатов. Для ценителей Д.Л. Ивановым был собрана коллекция «принадлежностей» с различными «туземными» приспособлениями для ястребиной и ружейной охоты и для ловли птиц [16:12]. Каталог анонсировал возможность увидеть в отделе живых животных из Семиреченской области. Генерал Г.А. Колпаковский отправил в Москву верблюдов, яков, рысей. После закрытия выставки звери должны были поступить в Зоологический сад. Завер-

шала естественноисторический раздел небольшая антропологическая коллекция черепов с кладбищ, приобретенных докторами И.П. Суворовым и И.И. Моревым и востоковедом А.Л. Куном. Черепа дополнялись фотографиями антропологических типов представителей разных местностей Туркестана. Фотографии позднее вошли в парадный альбом, подготовкой которого А.Л. Кун был занят по заданию губернатора в это время. «Мумифицированных голов, слепков и образцов волос» достать к выставке не удалось, имелся «только один» мозг, доставленный из Самарканда лично А.П. Федченко [9:82].

Разделы сельского хозяйства и технологический были полностью новаторскими, показывая возможности производительных сил региона. Для подготовки этих разделов «в первый раз были подвергнуты подробному изучению сельскохозяйственная промышленность в крае и большая часть существующих технических производств. В этих исследованиях, вызванных выставкой, видна уже прямая польза ее», говорится во введении каталога [16:1]. Сельскохозяйственным разделом занимался М.И. Бродовский. Из 147 экспонатов, собранных им и генералом Г.А. Колпаковским для выставки, только 13 были орудиями труда, 4 – образцами почвы. Остальные позиции этого раздела каталога представляли злаки, семена и плоды. Их проще было выслать на выставку с мест. Кроме того, продукты сельского хозяйства региона были потенциальными товарами на всероссийском рынке и объектами возможного экспорта в метрополию. Акцент на продуктах в разделе был сделан в расчете возбудить интерес московских купцов и «привести в край новых предприимчивых деятелей» [16:1].

Для организации списка экспонатов технологического раздела было выбрано деление производств и ремесел на группы по типам используемого сырья. В каталоге раздела были перечислены 1023 экспоната, он был самым обширным из всех. Предметы были собраны, в основном, М.И. Бродовским и И.И. Краузе. В дополнение они запи-

сали в популярной манере подробные сведения о том, как именно «туземцы» обрабатывали или добывали те или иные виды сырья. Список экспонатов открывали шёлк, шерсть и хлопок, представлявшие наибольший интерес для русских промышленников. Очень тщательно составлен Д.Л. Ивановым раздел строительных материалов. Металлические изделия как продукты кустарных промыслов следовали в каталоге на 8 и 9 месте. Далее перечислены типы ресурсов, которые можно есть и пить – различные масла, мука, мед. Не обойдены вниманием наркотические вещества и алкоголь, «фармацевтические средства, встречающиеся в Туркестанском крае». Коллекцию лекарств собрал и написал пояснения И.И. Краузе, владевший аптекой в Ташкенте. Кожи, косметика, меха, и другие предметы «показательного потребления» размещены ближе к концу раздела. В самом конце списка упомянуты экзотические вещества: «таранджобин», используемый «для приготовления разных конфет» и «ширяш» из корней растений, который «обладает свойствами превосходного клейстера» [16:52].

Сразу за технологическим разделом следовал этнографический. Такая последовательность была вызвана влиянием популярной в те годы русской интеллигентной среде экономической теории Дж. С. Милля. Перевод «Очерков из политической экономии» Дж. С. Милля, сделанный золотым пером русской публицистики Н.Г. Чернышевским, был опубликован в читаемом журнале «Современник» в начале 1860-х гг. Русская интерпретация теории Дж. С. Милля, подчеркивала, что производство – сфера отношения человека к природе, и что хозяйственная деятельность приводит окружающую среду в соответствие с потребностями человека, и поэтому именно материальные условия быта играют главную роль в общественной жизни [7]. В контексте популярной в те годы экономической теории вполне логичным было показать публике не только природные условия региона, особенности его хозяйствен-

ного уклада, но и условия быта, «домашнюю и общественную жизнь» «различных народностей Туркестана». За этот раздел отвечал Ю.Д. Южаков. Он отобрал 303 экспоната. С опорой на уже имеющийся положительный опыт петербуржской Этнографической выставки в разделе планировалось выставить несколько десятков восковых фигур в национальных костюмах сартов, киргиз, цыган, евреев, индийцев и персов, представили модели домов, музыкальные инструменты, игрушки, кибитки. Все экспонаты составляли систему вещей, позволявшую посетителям выставки, в основном жителям больших городов, сравнить то, что они видели в отделе, с собственной повседневной привычной материальной средой.

О военном характере присутствия русских в регионе напоминали последние разделы каталога. В военном разделе 184 экспоната демонстрировали обеспечение довольствия русских войск в Туркестане – образцы тканей для обмундирования, еду, фураж, палатки и транспортные средства. Эта часть экспозиции была задумана как «наглядный отчет» о том, на что тратились деньги из государственной казны. В последний момент в каталог были включены 216 разнородных экспонатов, присланных генералом Г.А. Колпаковским из Кульджинского района, «бывшей Илийской провинции Китайской империи» [16:75]. В 1862–1866 гг. в Илийской провинции шло восстание дунган и уйгуров против китайского наместника, по его просьбе в 1871 г. Россия ввела войска. В 1876 г. территории были возвращены Китаю, за исключением земель, где расселились мусульмане, пожелавшие остаться под защитой русского царя. Линия разграничения с Китаем в этой местности была окончательно установлена только в 1881–1884 гг. [5:82]. Предметы из «кульджинской коллекции» были сами по себе не так оригинальны на фоне остальных вещей, собранных для отдела. Они представляли интерес для посетителей как трофеи, материальные свидетельства текущих политических событий.

Тщательность, основательность и «строгость» в составлении каталога, обеспеченного более чем тремя тысячами собранных предметов, были заслугой и гордостью ИОЛЕАЭ. Для «наблюдательных наук», к которым тогда относили естествознание, коллекционирование и каталогизация были основным методом познания окружающего мира. Наблюдения с целью выделить необычные предметы из естественной природной и бытовой среды при беглом знакомстве с новым регионом требовало особенных навыков – деятельного любопытства, остроты зрения и дотошности. Добытые предметы препарировались, консервировались и засушивались. За сбором и консервацией коллекций следовала их систематизация и объяснения наблюдений, которые предпринимались коллективно и уже в метрополии. ИОЛЕАЭ вовлекли в разбор коллекций ботаника Э.Л. Ригеля, зоолога Н.А. Северцова, А.А. Штрауха, энтомологов В.Н. Ульянина, С.М. Сольского. Все они работали на добровольных основаниях. В результате собранные в Туркестане образцы флоры и фауны получили наименования в соответствии с общепринятой научной классификацией. В естественнонаучном разделе каталога даже шкуры тигров, рога и черепа горных баранов, охотничьи трофеи К.Н. фон Кауфмана и Г.А. Колпаковского, и искусственные восковые цветы мастерской А.П. Харламовой обозначены латинскими названиями [16:12]. Неожиданно для А.П. Федченко оказалось, что для разбора предметов коллекций по технологии гораздо труднее привлечь специалистов из научной среды. Сохранилось несколько его писем с просьбами к профессору И.И. Архипову на эту тему. Последнее из них от 29 апреля 1872 г. содержит предложение заняться этим за гонорар в 600 рублей [29]. В среде ученых-технологов еще не сложилась в то время общепринятая система классификации материалов и объектов, и задача представлялась для них трудно осуществимой. И.И. Архипов и М.Я. Киттары так и не справились с ней до издания каталога. Она была отложена на будущее.

Осенью 1871 г. К.Н. фон Кауфмана пригласили стать одним из почетных членов Комитета Политехнической выставки. Этим званием удостаивали тех, кто оказал финансовое или административное содействие. Благодаря энергичной поддержке генерала-губернатора в марте 1872 г. в Первом Кремлёвском саду началась постройка павильона для туркестанских коллекций. По проекту главного архитектора выставки Д.Н. Чичагова он должен был занимать 100 кв. сажень (455 кв. м) и расположится между центральным павильоном геолого-минералогического отдела и мануфактурным павильоном. Комитет по подготовке отдела во главе с А. П. Федченко решили придать постройке внешнее сходство с самаркандским медресе XVII в. Ширдар. Для этой цели Д.Л. Иванов скопировал орнамент изразцовой облицовки фасада медресе из геометрических фигур, листьев, цветов и упрощенных «куфийских арабских надписей». Рисунки с изразцов вошли в коллекцию строительных материалов технического раздела экспозиции. Орнаменты повторили маслом на полотне с соблюдением пропорций. Полотно было натянуто на деревянную постройку, фасад которой в общих чертах напоминал медресе в пропорции «уменьшенной в 2 и 2/3 раза против настоящей величины Ширдара» [16:1]. Сочетание расписанного полотна и деревянных конструкций напоминало театральную декорацию. Сохранилась стереофотография с фронтоном павильона [35]. На ней остроконечная арка, которая образовывала нишу. На площадку перед нишей вела лестница в пять ступеней. У входа в кадр попали четыре «туземца», сидящие в непринужденных позах. Это не люди, как может показаться на первый взгляд, а восковые куклы в национальных костюмах. Манекены у входа усиливали театральный эффект.

Из каталога отдела мы узнаем, что левый вход в здание вел во внутренний двор с цветником, откуда был проход в

большой зал с картами, гербариями, препаратами, минералами, сельскохозяйственными и ремесленными орудиями. Правая часть павильона была отведена под площадку с группами манекенов этнографического раздела, далее посетитель попадал в небольшие комнаты с экспонатами военного и кульджинского разделов. Одна из стереофотографий была сделана в большом левом зале за цветником [36]. Благодаря неизвестному фотографу, мы видим, что предметы в экспозиции были расставлены не в полном соответствии со стройной системой, заданной каталогом. Каталог распределил собранные в путешествии предметы по логичным разделам и рубрикам. В зале павильона они вновь слились в единую, но уже искусственную среду. Почти всю заднюю стену большого зала занимала карта «Русский Туркестан». Ниже были укреплены листы с растениями гербария. По правой стороне у муляжа горного склона выставили чучело кабана и хищных птиц, на стене развесили охотничьи трофеи – рога и черепа баранов и маралов из Тян-Шаня. Там же на горизонтальной витрине – «черепа с кладбищ Самарканда и Ташкента, из коллекций Туркестанской ученой экспедиции и докторов И.П. Суворина и И.И. Морева». В центре зала – колонна из «снопов дикорастущих злаковых растений туркестанской флоры, собранных И.И. Краузе», по периметру ее окружают бочонки с семенами. Стереофотография передает почти материальное ощущение плотности заставленного предметами пространства. Эта часть экспозиции воплощала идею богатства и изобилия приобретенных территорий.

Постройка и отделка павильона Туркестанского отдела в Кремлёвском саду, обошлась в шесть тысяч рублей. Изготовление манекенов для этнографического раздела также обошлось в круглую сумму. Манекены или восковые фигуры как тип зрелища распространился в Европе с конца XVIII в. Пока не была изобретена фотография, искусные мастера с медицинской подготовкой изготавливали их, имея перед глазами живые, либо недавно умершие моде-

ли. Восковые куклы приобрели особенную известность, благодаря доктору Филиппу Кёртису из Берна, открывшему в конце 1760-х гг. при поддержке принца Конти, либерального брата Людовика XV две коммерческие галереи восковых фигур в Париже. Моделями Ф. Кёртиса согласились быть следом за принцем Конти и юной Жанной дю Бари, любовницей короля, многие представители высшего общества, писатели и политики последовали их примеру. Предприимчивый антрепренёр показывал в своих галереях и восковые фигуры известных преступников и убийц, снятые с их тел сразу после казней. Манекены Ф. Кёртиса образовывали сцены частной жизни аристократии, например, «обед в Версале» или «Мария Антуанетта готовиться ко сну» [43:156-157]. 12 июля 1789 г. разгоряченная толпа вынесла на улицу из галереи Ф. Кёртиса восковые бюсты только что уволенного популярного швейцарского министра финансов Жака Неккера и герцога Орлеанского. Отказ драгун на площади Конкорд салютовать восковым бюстам привело, как считает исследователь Д. Макколам, к первым открытым уличным столкновениям в ходе Великой Французской революции [43:162]. В этом происшествии проявились специфические свойства восковых фигур – фотографическая верность натуре, портативность и эмоциональная сила воздействия на зрителей, превосходящая эффекты театральных представлений. Легендарные манекены доктора Ф. Кертиса были унаследованы дочерью его экономки, Марией Тюссо, и вывезены ей в Лондон в 1802 г. Галерея М. Тюссо в Лондоне стала частью «одной из самых впечатляющих империй развлечений современности» [43:153]. Почти полвека спустя восковые фигуры галереи М. Тюссо мог видеть А.П. Богданов. Он дважды в 1859 и 1868 г. ездил в этот город для ознакомления с местными музеями и ботаническими садами.

Во всех трех больших выставках, предпринятых по инициативе А.П. Богданова, разнообразие «этнографических типов» воплощали восковые фигуры. После Ан-

тропологической выставки 1879 г. А.П. Богданов пояснял потенциал этого типа зрелища для решения выставочных задач: «Манекены с представителей изучаемых племен […] лучше всяких фотографий знакомят с характеристическими чертами и их особенностями; кроме того, они особенно останавливают на себе внимание массы посетителей и служат лучшим пособием для передачи цельного, законченного впечатления, как по ним, так и по сгруппированным около них вещам, для которых они являются естественным центром... Конечно, количество бюстов и манекенов, сделанных с антропологической целью, крайне ограничено по трудности добывания их и по стоимости» [2:28]. Если восковые куклы М. Тюссо и Ф. Кертиса волновали зрителей сходством с известными людьми, то манекены этнографических отделов изготавливались по «характеристическим» фотографиям, и передавали не индивидуальные портреты, а обобщенные «типы». Привычная и одобренная культурой зрелищная форма приспосабливала внешние особенности населения «диких» и «неведомых» регионов к восприятию неподготовленного зрителя.

А.П. Федченко, младший коллега Анатолия Петровича, имел, как видно из его подхода к формированию экспозиций Туркестанского отдела, больше интереса к непосредственным проявлениям жизни, чем к модным формам ее представления публике. Вспомним его радость от возможности представить на выставке живых животных, настоящий мозг или копрологическую коллекцию. По замыслу А.П. Федченко в павильоне должны были показывать себя публике «живые представители здешних ремесел», «два ткача, гончар, токарь, ювелир» [9:84]. В смете расходов отдела были заложены 2000 рублей на «прогоны» для них, и их дальнейшее устройство в Москве. Зимой 1870 г. он хлопотал об устройстве жилого помещения, где будут жить ремесленники из Туркестана. Оплачивались услуги «толмачей», которые вели переговоры. К зиме следующего года выяснилось, что «население Туркестана […] в этот раз не

смогло принять самостоятельное участие в выставке». [(9:84]. Из Ташкента для участия в выставке приехал только один «юрмадус» (вышивальщик) по имени Мир Сафар. Он привез и продавал свои товары на импровизированном «восточном базаре».

Как некогда министра финансов Франции заменили в революционной толпе восковая кукла работы Ф. Кертиса, так и «живых туземцев» в толпе посетителей выставки заменили манекенами. На предварительных обсуждениях А.П. Федченко, как театральный режиссер, говорил о «постановке» многофигурных сцен из восковых фигур. По изначальному замыслу 25 манекенов должны были быть показаны за игрой в мяч, 27 изображать восточный базар с «кукнарханой», 18 – перекочевку у богатых и бедных киргиз, 6 фигур были нужны для представления сцены суда, 5 фигур – обед у сартов, еще 7 – женскую половину дома. Еще 41 фигура должны были объединиться в сцены «утро и вечер у киргизов». В небольшом павильоне планировали разместить 11 групп из 143 манекенов. Реализация столь масштабного замысла привела бы к созданию зрелища, напоминающего многоактный спектакль или документальный фильм о бытовой жизни региона. Как и при кинопроизводстве, «постановка» групп манекенов начиналась с натурных съемок в Туркестане. Приготовление экспозиции этнографического раздела обошлась организатором значительно дороже участия «живых туземцев». Ташкентским фотографам Н.Н. Нехорошеву и Г.И. Кривцову было ассигновано 500 рублей на «разъезды» для «тщательной и отчетливой» подготовительной съемки моделей. Изготовление 69 восковых кукол по фотографиям стоило 2000 рублей. Покупка одежды, украшений, сбруи и оружия для оформления фигур, а также шкур животных, юрты, мебели, ковров, музыкальных инструментов и весов для обстановки потребовало значительных сумм. Например, 3 халата стоили 150 рублей, большая юрта – 200 рублей, оружие обошлось в 605 рублей.

Теснота павильона, нехватка денег, сложности с получением фотографий достаточной для мастеров в Москве степени подробности, промедления со сбором и отправкой реквизита приостановили полет фантазии организаторов. После прений, упреков и сожалений полностью отказались от сцен игры в мяч, суда, утренней жизни киргизов. «Восточный базар», перекочевка, женская половина дома, обед были реализованы в несколько видоизменённой и сокращенной форме. От большинства групп остались, в основном, отдельные «типичные» фигуры в статических позах. Различия между «типами» передавались костюмами и атрибутами. Более широко публике представили бытовые сцены, смысл которых было легче понять без подготовки. Сохранилась стереофотография «площадки с группами манекенов этнографического раздела» [37]. Существенную часть занимала самая большая из реализованных «групп» «перекочевка киргизов». Каталог дополнял зрелище научно-популярным текстом о подробностях «этого характерного явления из жизни киргизов». [16:57]. Сопоставление текста с фотографией позволяет понять, что на одном из двух чучел верблюдов на вьючном седле сидит «киргизка, хозяйка аула» в рубахе и характерной белой повязке. Верблюда держит в поводу работник-байгуш, сидящий верхом на чучеле быка. Второе чучело верблюда покрыто бухарским ковром, на котором водружён ящик для украшений «карагул», орнаментированный костью и увенчанный фазаньими хвостами. Это приданое киргизской девушки. Еще на стереофотографии видна установленная у колонны павильона кукла базарного поливальщика с мешком из бараньей кожи для воды за спиной. Из каталога мы узнаем, что «поливальщик есть на всяком туземном базаре; обязанность его ежедневно поливать базар, за что он получает известную плату с хозяина каждой лавки» [16:56]. Еще 5 манекенов, попавших в этот кадр, представляют еврея, индуса, сарта и двух сартянок в «характерных» костюмах с этикетками на груди. Базар с пельменной и мелочной лав-

кой попал в кадр последней из имеющихся в нашем распоряжении стереопар из туркестанского отдела [38]. Эта часть экспозиции была предметом особой гордости организаторов отдела. В мелочной лавке на стереопаре видны мешки с сухофруктами и сладостями, бобины с нитками. Вдоль балки крыши лавки развешанные арканы, ногайки, уздечки, чубуки для трубок; у входа лежат зеркала и нарды. Среди разнообразных товаров разместилась кукла мелочного торговца в чалме и полосатом халате. «Они всегда оканчивают свою жизнь тем же, чем и начали, просиживая в своих лавочках» [16:60]. В соседней лавке «мантузы-дукхана» помещена модель печи с казаном для кипящей воды и тремя деревянными решетами для их приготовления на пару, на втором плане – манекен сарта, раскатывающего стоя тесто для пельменей. В объектив фотографа не попали, к сожалению, цирюльник и его посетитель, кибитка и ее обитатели, а также женщины-сартянки, занятые обыденными делами на своей половине дома. Одна из них укачивает ребенка, служанка помогает госпоже одеваться перед зеркалом. Последняя группа напоминает классическую восковую фигуру Ф. Кертиса, изображающую вечерний туалет Марии Антуанетты.

Восковые куклы женщин в нарядной необычной одежде с украшениями должны были нравиться не только дамам. Группы манекенов удовлетворяли понятное любопытство посетителей к «домашней жизни» других людей. В данном случае это были не представители высшей аристократии, как в коллекции Ф. Кёртиса, а «инородцы». Эта часть экспозиции открывала им то, что было закрыто не только благодаря существующим социальным нормам, но и дальностью и опасностью путешествия. Восковые фигуры «туземцев» больше всего напоминали неподготовленной публике привычные манекены из магазинов платья. Тратя немалые деньги на манекены для Туркестанского павильона, К.Н. фон Кауфман стремился наверстать упущенное на Этнографической выставке 1867 г. Там население Турке-

стана было скромно представлено. В этнографическом разделе павильона при помощи своих штатных фотографов и А.П. Федченко он добился места для населения, вверенного ему края в «имперском многообразии» народов, мобилизовав все возможные ресурсы.

После выставки: новый хозяин коллекции.

Выставка продолжалась 97 дней, и за это время ее посетили 750 тысяч человек. Туркестанский отдел, как вспоминал тремя годами позже декан физико-математического факультета ИМУ А.Ю. Давидов, «был истинным украшением выставки и возбуждал всеобщее внимание». «Мы живо помним, с каким любопытством посетители толпились в помещении отдела, с каким вниманием они знакомились с предметами, поражавшими их своею новизной» [32:29]. 1 сентября, когда выставка закрылась, А.П. и О.А. Федченко находились на пути в Лейпциг – ИОЛЕАЭ и туркестанский генерал-губернатор командировали их на год в Европу для подготовки материалов экспедиции к публикации. Правительство в июле 1872 г., выделило на издание материалов 15 тысяч рублей. Разборкой павильона, упаковкой и вывозом коллекций занимался по поручению Алексея Павловича друг семьи и участник военно-исследовательской экспедиции генерала А.К. Абрамова к верховьям реки Зеравшан Д.Л. Иванов. Под наблюдением Дмитрия Львовича полотно с имитацией изразцов было продано. Вещи, выставлявшиеся в павильоне, были приобретены и перевезены на выставку на средства Туркестанского генерала-губернатора, и с юридической точки зрения они были его собственностью. Он безвозмездно передал их ИОЛЕАЭ, а общество на тех же основаниях передало их Комитету музея Прикладных знаний, который был учрежден при Московской городской думе 23 сентября.

Комитет музея принял решение выставить технические коллекции и манекены во временном помещении на

Пречистенке. Их разместили «изолированно» на третьем этаже арендованного Комитетом дома Степанова. Многие экспонаты, знакомые по каталогу, можно заметить на фотографии экспозиции отдела, сделанной в этот период. Теснота временного помещения не давала возможности расставить там многофигурные группы. Кибитка с семьей, всадница на верблюде и торговцы восточного базара были помещены на складе в бывшем павильоне Морского отдела выставки на Кремлевской набережной. Все манекены отдела весной следующего года по воле К.Н. фон Кауфмана и под наблюдением Д.Л. Иванова были отправлены в Вену на Всемирную выставку. Туркестанские коллекции принесли владельцам медаль, но пострадали от перевозки. Из протоколов заседаний Комитета мы узнаем, что экспонаты получили повреждения, нуждались в мелком ремонте. Начиная с демонтажа Венской выставки, заботу о физической сохранности туркестанских экспонатов взял на себя помощник А.П. Богданова Н.Ю. Зограф. Он был знаком с коллекцией, так как помогал А.П. Федченко с устройством Туркестанского павильона в Кремлёвских садах будучи еще студентом. Более 1000 ботанических и зоологических предметов, собранные в экспедиции, были собственностью супругов Федченко и не были переданы Комитету музея. Ученые забрали их для дальнейшего изучения и подготовки публикации. В дальнейшем эти предметы, как говорил А.Ю. Давидов в 1875 г., «обогатили кабинеты Московского университета» [32:29]. Ни в одном из путеводителей по музею мы больше не встречаем упоминания о туркестанских гербариях или коллекциях змей, жуков, червей из этой местности.

После отъезда супругов Федченко из Ташкента К.Н. фон Кауфман поддержал следующую инициативу по «ознакомлению России с новым, неизвестным ни для кого явлением» [28], то есть с вверенным ему краем. Как он писал в 1874 г. в письме к председателю ИОЛЕА Г.Е. Щуровскому, эту работу он «считал одной из главных

обязанностей первой администрации в наших Средне Азиатских владениях». [28]. Он доверил чиновнику для особых поручений своей канцелярии, выпускнику восточного факультета Санкт-Петербургского университета Александру Людвиговичу Куну «составление […] этнографического, исторического, археологического и промыслового альбома при помощи фотографа [Н. В.] Нехорошева» [15:176]. Для альбома делал фотографии и подпоручик Г.И. Кривцов. Оба фотографа фигурируют и в сметах подготовки туркестанского отдела Политехнической выставки. По мнению коллеги А.Л. Куна Н.П. Остроумова, «этот дорого стоивший казне альбом не имел особых технических и научных достоинств (какими отличался индийский альбом), потому что [альбом А. Куна] не имел описания. Когда я в 1877 г. увидел этот альбом, то он был значительно потрепан любителями картинок – фотографий. Для позднейших научных исследований Туркестана альбом Куна оказался устаревшим». [15:176]. В альбоме 1400 фотографий были распределены по четырем томам, тематика которых названа Н.П. Остроумовым. К.Н. фон Кауфман писал в письме к Е.Г. Щуровскому, что, «не стесняясь качеством работы фотографических снимков», полученных в результате «трудных странствий по малоустроенным местностям в течение двух лет», он счел возможным подарить по одному экземпляру царю и наследнику престола. [28]. Один экземпляр альбома через О.А. Федченко был передан в Москву осенью 1874 г. для пополнения коллекции музея Прикладных знаний.

К этому времени Ольга Федченко была уже вдовой. Алексей Павлович погиб во время горной экскурсии в Альпах в окрестностях Шамони в августе 1873 г. На протяжении нескольких лет она при поддержке ИОЛЕАЭ прилагала массу усилий для анализа и публикации результатов путешествия, но дело шло тяжело. Задуманное А.Л. Куном и К.Н. фон Кауфманом описание к составленному им альбому снимков тоже так и не было, как мы

знаем из воспоминаний редактора «Ташкентского вестника» Н.П. Остроумова, реализовано в полном объеме. Эти затруднения указывают на существование институционального и интеллектуального барьера межу практиками, способными собирать материалы в путешествии, и кабинетными учеными, способными систематизировать и описывать их результаты. Людей, которые как А.П. Федченко имели вкус и к тому, и к другому типу деятельности, было не много. К тому же, как показывает переписка с К.Н. фон Кауфманом, изученная О.А. Вальковой, местные власти охотнее выделяли деньги на собирание коллекций, на рисунки и снимки, чем на академические публикации [6:64-114]. Борьба за право считаться первооткрывателем того или иного вида, важная для научного мира, оставляла местную администрацию полностью безучастной.

С февраля 1873 г. три колонны русских войск под руководством К. Н. фон Кауфмана наступали на Хивинский оазис, хан оставил свою столицу неприятелю и бежал в пустыню. По заключенному в августе 1873 г. мирному договору хан признал себя вассалом русского царя и обязался уплатить контрибуцию более двух миллионов рублей [5:75]. По воспоминаниям Н.П. Остроумова, А.Л. Кун участвовал в Хивинском походе, чтобы «собирать» в ханских дворцах редкие рукописи и «этнографические предметы» для «препровождения» в Императорскую Публичную библиотеку и Царскосельский музей [15:177]. Музей прикладных знаний тоже получил в дар часть трофеев. В мае 1875 г. Константин Николаевич лично прибыл в Москву, чтобы передать Комитету музея «костюмы, украшения и другие вещи», «конфискованные во дворце Хивинских ханов». Они составляли гордость коллекции отдела вплоть до его ликвидации в 1901 г. В конце 1875 г. поступили шесть ящиков и два пакета от капитана К.А. Ларионова. Во время картографической поездки «для съемки горных проходов» он собрал «минералы и горные породы, гербарий и орнитологическую коллекция» в Кульжинском районе [32:33].

Орнитологическую часть взял для изучения Н.А. Северцов, гербарий был отправлен Э.А. Ригелю в Петербург. В 1876 г. Кульджинская провинция была возвращена Китаю, и предметы из этой местности стали представлять меньше интереса для Туркестанского отдела.

В знак благодарности за «то добро, которое постоянно оказывается нам со стороны главного Туркестанского управления» ИОЛЕАЭ и Комитет музея провели «экстроординароное совместное заседание» заседание 7 мая 1875 г. Выступали товарищ почетного председателя общества Г.Е. Щуровский, вице-президент А.Ю. Давидов и Н.А. Попов, председатель отделения этнографии общества и зять ректора ИМУ С. М. Соловьева. Ученые в своих речах выразили благодарность за поддержку исследований в регионе, восхищались успехом Туркестанского отдела Политехнической выставки, напоминали о готовящемся издании материалов экспедиции. Н.А. Попов говорил о том, что завоевания в Азии «ввели нас в область всемирной конкуренции между образованными народами», и привел примеры в равной мере из области столкновения торговых интересов и из области борьбы за первенство в научных открытиях. В свете соперничества «образованных народов» поддержка усилий ученых приобрела политическую окраску [32:31]. После заседания почетного гостя пригласили положить камень в основание фундамента строящегося здания музея. В следующем 1876 г. К.Н. фон Кауфман прислал свой портрет работы фотографа М.М. Полякова в дар музею. Его разместили в зале, где заседал Комитет. Музей давал возможность генералу-губернатору Туркестана «ознакомлять Россию с неизвестным регионом», «энергичный радетель за дело музея», в свою очередь, поддерживал деятельность Комитета. Внимание и энтузиазм именитого сановника, судя по почестям, которые ему оказывали, были важны для усиления авторитета масштабного начинания московских профессоров в среде чиновничества.

Внутри музея не утихали споры о том, каким ему быть в будущем. В начале 1873 г. город безвозмездно выделил под

музей участок земли в 2500 кв. сажень (11 375 кв. м.) на Лубянской площади, а император передал в пользование музея «на все время его существования» «для устройства естественноисторических отделов» «часть Кремлевских садов, находящихся под Арсеналом». Отведенные участки в людных местах обещали приток посетителей, но и накладывали определённые обязательства на сообщество, так как интересовали многих предпринимателей. Комитет музея планировал начинать строительство одновременно в двух местах. Технические отделы хотели разместить в каменном здании на площади. Естественноисторические отделы, в отличие от технических, «требовали простор», для них в садах них планировали возвести «музей павильонной системы». Туркестанскую коллекцию было решено размещать «обособленно» в садовых павильонах, что снимало проблему сложностей его включения в общую систему музейных отделов. Во время заседания ИОЛЕАЭ и Комитета музея 7 мая 1876 г. К.Н. фон Кауфману показали варианты здания для Туркестанского отдела в Кремлевском саду, спроектированные Н.А. Шохиным и Н.В. Никитиным. Н.А. Попов на этом заседании говорил о том, что «важность среднеазиатского вопроса должна будет побудить москвичей последовать примеру Англии, имеющей в Лондоне музей для своих колоний, и обратить небольшое Туркестанское отделение в обширный отдел, который мог бы служить пособием для изучения всего русского востока и стран с ним сопредельных» [32:32]. А.Ю. Давидов на том же заседании говорил о том, что Туркестанскому отделу «предстоит раздаться вширь и вглубь и быть, на сколько это возможно, выражением цивилизации России», озвучивая классическую для колониального дискурса идею о роли образованных народов по отношению к «туземным». Видимо, мысль о создании вокруг туркестанского «ядра» обширной коллекции колоний достаточно прочно утвердилась в умах членов Комитета музея. В 1877 г. его секретарь Н.К. Зенгер в записке о дальнейшей

программе развития музея еще раз озвучил мысль о «широкой будущности перейти в последствие в ядро Азиатского Музея или Музея колоний» [41: 92].

В ходе строительства грандиозные планы Комитета музея столкнулись с реальностью. Стало понятно, что строить одновременно и каменное здание для технических отделов на Лубянской площади и музей павильонной системы в Кремлевских садах они не смогут. Выделенная на стройку правительством сумма в 500 тысяч рублей была явно недостаточной. К сожалению, А.П. Богданова, Комитет принял не без внутренней борьбы решение отложить реализацию уже готовых архитектурных проектов садовых павильонов на неопределенный срок. К концу 1876 г. центральная часть здания на Лубянской площади была достроена, в январе 1877 г. туда были перевезены коллекции. На заседании Комитета музея в январе 1877 г. Н. К. Зенгер указывал на то, что «название нашего музея […] достаточно широко, чтобы сохранить за ним в значительной степени свободу различных комбинаций» [41:90]. При расстановке экспонатов в новом здании он предлагал подумать о комбинации коллекций, которая могла бы внести «правильную систему» и позволила бы в дальнейшем «заполнять пробелы» и «выдвигать на первый план составные части, заслуживающие особого внимания» сообразно требованиям времени. Через несколько месяцев автор этой стратегии внезапно умер, однако музейное сообщество действовало в намеченном русле. В новом здании манекены туркестанской коллекции были размещены на площадках лестничных пролетов второго и третьего этажей. В том числе, «группа» манекенов киргизки на верблюде и работника на быке разместилась между вторым и третьим этажом, а мелочный торговец со своей лавкой и пельменщик с казанами – этажом выше. Шкафам с вышитой одеждой, обувью, украшениями и сбруей из «ханских дворцов» нашлось место там же. Расстановка столь ценных экспонатов на лестницах между этажами указывает на неопределен-

ность статуса коллекции и на отсутствие в Комитете музея постоянного директора отдела, который бы волновался об их сохранности. Даже при гибком подходе к системе расстановки, никто не знал, к какой части музея отнести эти предметы.

Туркестанская коллекция и отдел Промышленной этнографии

В мае 1876 г., накануне закрытия экспозиции музея Прикладных знаний на Пречистенке, ИОЛЕАЭ подал прошение министру народного просвещения о проведении Антропологической выставки в 1879 г. В 1877 г. после получения разрешения, был собран Комитет выставки, приняты первые пожертвования от банкиров и предпринимателей. Выставка была задумана, в первую очередь, для поддержки профильной кафедры ИМУ через популяризацию новой дисциплины. Кафедра была только что основана на физико-математическом факультете ИМУ на деньги, пожертвованные К.Ф. фон Мекком. Ученик А.П. Богданова Д.Н. Анучин был отправлен во Францию для подготовки к профессорскому званию, а для обеспечения кафедры учебными пособиями и сбора научного материала была задумана выставка. Планировалось собрать, например, «снаряды, употребляемые в краниометрии, собрания волос различных цветов, серии каменных орудий различных местностей, коллекции антропологических журналов» [3:4]. Для А.П. Богданова было важно, чтобы «эта наука не явилась с полулитературным и полупублицистическим содержанием, а установилась как строго серьезная естественноисторическая» [13:181]. Программные заявления А.П. Богданова отделяют новую инициативу от того «бытописательного» и «колониального» содержания, которое представление народов империи приняло на Этнографической и частично Политехнической выставках под воздействием ожиданий публики. Н.А. Попов, речь которо-

го на чествовании К.Н. фон Кауфмана в мае 1875 г. была характерным образцом «публицистической этнографии», вскоре был заменен в отделении этнографии ИОЛЕАЭ на В.Ф. Миллера. Антропологию А.П. Богданов предлагал понимать, как «естественноисторическое монографическое описание рода «Человек»» [3:4]. Не желая следовать сложившимся ожиданиям публики, Комитет выставки решил направить свои усилия не столько на привлечение «большего числа экспонентов» и на общее администрирование выставки, сколько на «заботу о своих собственных собраниях», на обеспечение их систематичности и научной новизны [3:5]. Была составлена подробная инструкция по сбору материала с обоснованием научных критериев. Этим занимались, в частности, сотрудники статистических комитетов и административных учреждений на местах. Сотрудники музея Прикладных знаний получили возможность отправится «на раскопки и в поездки в целях содействия устройству выставки», их отчеты были опубликованы. Среди командированных был хранитель туркестанской коллекции и отдела прикладной зоологии Н.Ю. Зограф. Вместе с хранителем учебного отдела А.И. Кельсиевым «по почину и на средства» Комитета они отправились для «изучения северных окраин». Николай Юрьевич и Александр Иванович собирали черепа самоедов и лопарей, вели курганные раскопки доисторических людей. [3:5].

Выставка открылась в апреле 1879 г. в московском Манеже. Там были и экспонаты из Туркестана. В краниологический отдел, который готовил сам Анатолий Петрович, вошла коллекция черепов, собранная на иранском кладбище близ Ташкента и в Афросиабе, древней крепости Самарканда. Черепа вывез в Москву в 1871 г. А.П. Федченко. В Туркестанском павильоне Политехнической выставки была показана только незначительная их часть. В Ферганской области, где летом 1875 г. русские войска вели боевые действия против Кокандского ханства, собирал черепа для

Антропологической выставки доктор С.И. Моравицкий. С 1870 г. на службу в администрацию К.Н. фон Кауфмана поступил вернувшийся со стажировки в Германии ученик А.П. Богданова, зоолог и путешественник А.И. Вилькинс. Его стараниями был подготовлен материал о «племени люли», самаркандских цыганах, к выставке были изготовлена группа восковых фигур представителей этого племени. А.П. Богданов писал, что ИОЛЕАЭ «на Этнографической выставке собрало уже значительное число манекенов представителей различных племен и поэтому оно сочло лишним новое воспроизведение их: все могут видеть их в этнографическом отделении Публичного музея», куда поступили экспонаты выставки 1867 г. На выставке 1879 г. было решено ограничить их число, теми «кои представляют дополнение к уже имеющимся или полезны по новой обстановке» [3:7]. Тем не менее, туркестанская администрация, помня об успехе своих манекенов на Политехнической выставке, настояла на размещении двух групп и модели могилы самаркандского воина. В этот раз организаторам удалось привезти нескольких жителей Туркестана, чтобы представить их ученым участникам Антропологического конгресса, проходившего в дни выставки. Во многих отношениях новая выставка ИОЛЕАЭ воспринималась организаторами как возможность довести до реализации некоторые замыслы, которые остались за рамками прежних мероприятий или дополнить то, что казалось достойным дополнения. Члены общества в очередной раз демонстрировали последовательность решений и устойчивость их мотивов.

Накануне открытия выставки А.П. Богданов жаловался, что Комитету не удалось «провести на сколько возможно систематических порядок» в размещении предметов, «при всем желании Комитет не смог подготовить ко дню открытия обстоятельный путеводитель». Экспоненты до последних дней не были уверены в том, какие именно предметы и в каком количестве выставлять, многие экспонаты были

доставлены в последний момент перед открытием выставки. Задуманный порядок был нарушен, Комитет вновь был вынужден проявлять гибкость в системе расстановки. Они не хотели откладывать открытие, которое было намечено на пасхальные каникулы. В каникулы легче было привлечь внимание университетского сообщества, которому, в первую очередь, была адресована выставка. Организационные сложности А.П. Богданов объяснял внешними обстоятельствами: «и Россия и Западная Европа почти до самых последних дней устройства выставки находилась в напряженном состоянии вследствие Восточной войны и под опасением чумы» [3:6]. Действительно, мероприятие готовилось в те годы, когда внимание русского общества было полностью приковано к военным действиям, которые с апреля 1877 по январь 1878 гг. Россия вела против Османской империи на Балканах и на Кавказе. Летом 1878 г. в Астраханской губернии разгорелась эпидемия чумы. Благодаря сбоям в организации, не воплощенной осталась идея представления на выставке «систематики ныне живущих племен». Этнографическое отделение получилось несколько пестрым, так как туда определяли то, что не знали где разместить. После окончания выставки осталось более 7 тысяч предметов, они были переданы, как и планировалось, ИМУ. Предметы из этнографического отдела Антропологической выставки поступили в музей Прикладных знаний.

Вопреки организационным сложностям, Антропологическая выставка в Манеже запомнилась не только специалистам. Модели плезиозавра, ихтиозавра и других ископаемых ящеров, препараты человеческих органов и паталогические черепа, восковые фигуры карликов, «знаменитых волосатых людей Андриана Евтихеева и его сына», «казанской бородатой женщины Юлии Пастраны» произвели впечатление на широкую публику и на антрепренёров. В распоряжении музея по-прежнему находился участок земли в Александровском саду, предназначенный под по-

стройку павильонов для естественноисторических отделов музея. Обнесенный ветшающим деревянным забором, участок пустовал с 1873 г. Комитет музея тратил ежегодно 1168 рублей из своего скромного бюджета на жалование сторожам, садовнику, который стриг траву, и на выплату аренды Дворцовому ведомству. На участке со времен Политехнической выставки работала кофейня, хозяин которой выступал субарендатором части земли. Содержание сада отягощало музей, Дворцовая контора регулярно выражала недовольство запущенностью участка, городские власти раздражал ветхий забор. После Антропологической выставки городские антрепренёры обратились в Комитет музея с предложениями об устройстве в пустующих садах «зрелищного предприятия». В июне 1880 г. Н.К. Миляев, управляющий делами бельгийского акционерного общества «Société Anonyme de Panoramas de la Russie», предложил арендовать у музея 400 кв. сажень (1820 кв.м.) земли на 15 лет за 2000 рублей в год. Общество планировало построить на этом участке «круглое здание из камня, кирпича, железа и дерева», диаметром в 20 саженей (42 м) и «устроить в нем панораму и диораму исторического содержания, преимущественно из минувшей Турецкой войны» [33:52]. По истечении срока панорама должна была бы перейти в собственность музея. В августе того же года свой проект использования земли в саду представил Комитету А.Ф. Федотов. Александр Филиппович был хорошо знаком членам ИОЛЕАЭ. В 1872 г. он организовал на Политехнической выставке во временном деревянном помещении народный театр, который успешно работал все три месяца. Театр на выставке был построен при поддержке московского генерала-губернатора В.А. Долгорукова и Комиссии по улучшению быта рабочих и ремесленников на деньги, собранные по подписке. В России тех лет частные театры были запрещены в столицах. Проекты А.Ф. Федотова, нацеленные на то, чтобы сделать театральные зрелища более доступными простым горожанам, находили поддерж-

ку у губернатора. Александр Филиппович, отчисленный студент медицинского факультета ИМУ, стал заметным актером Малого театра. Летом 1880 г. актер-антрепренёр предлагал Комитету музея выстроить в Кремлёвском саду каменный теплый театр «предназначенный для исторических, бытовых и образовательных представлений» и для публичных народных чтений с проекционным фонарем. В фойе и коридорах планировалось отвести место для «выставок художественных и технических произведений». В здании предусматривалось помещение с отдельной платой за вход для устройства «неподвижной и движущейся панорам», «чтобы популяризировать флору и фауну различных местностей России и других государств, их образ жизни, обычаи, сооружения» [34:54]. «Рядом со зданием театра я обязуюсь выстроить здание для этнографического отдела музея ценою от 30 до 40 тысяч рублей, которое, по отстройке его, прямо перейдет во владение музея» [34:54]. Зрелищное предприятие должно было перейти в собственность музея через 24 года. Одновременное представление более привычных публике манекенов в музейном павильоне и образа жизни, обычаев и сооружений при помощи при новой технологии проекции А.Ф. Федотов считал удачным решением, способным привлекать зрителей на протяжении четверти века. Он подчеркивал новизну этой «формы популяризации знания, возникшей от Жюля Верна» [34:54]. Комитет музея благосклонно принял оба проекта, с оговорками о том, что хотел бы контролировать не только архитектурный проект, но и репертуар театра, и программу чтений и лекций. Через несколько месяцев в Петербурге был убит Александра II. В напряженной политической обстановке министерство Императорского двора, собственник земли в Кремлёвских садах, отклонило оба проекта. В 1885 г. директор архитектурного отдела и член Комитета музея Н.А. Шохин оставил должность старшего архитектора московской Дворцовой конторы, которую занимал 45 лет. Выйдя на пенсию, Николай Александрович боль-

ше не имел возможности отстаивать интересы музея перед чиновниками. После его смерти музей вынужден был вернуть участок в Кремлевском саду собственнику.

Образовательный этнографический театр так и не был построен, но в предложениях предпринимателей проявился характер интереса общества к этнографическим собраниям музея.

В мае 1882 г. умер Константин Николаевич фон Кауфман, «энергичный радетель за дело музея» и Туркестанского отдела. В результате военных компаний 1882–1884 гг. были завоеваны земли, населенные туркменами. Российская армия вышла на линию разграничения с Персией, в декабре 1881 г. была заключена российско-персидская пограничная конвенция. Наступательные действия русских закончились в марте 1884 г. присоединением Мервского оазиса [5:77]. Период установления контроля над новыми территориями закончился, начался период освоения. Члены Комитета все чаще стали оценивать туркестанскую коллекцию как «тщательно собранную», «строго систематизированную» и полностью «законченную». А.П. Богданов, хоть и отказавшийся в середине 1870-х гг. от прямого руководства музеем, все еще имел существенное влияние на его жизнь. Как вспоминали его коллеги, он «всегда был поборником того, чтобы коллекции музея не были безжизненным материалом, стоящим в шкафах и охраняемом от пыли и моли» [10:70]. Между тем, туркестанская коллекция утратила актуальность и связь с «общим интересом». Чтобы привлечь к ней внимание, предметы из нее в октябре 1881 г. показали на регулярных и популярных «воскресных объяснениях коллекций», которые музей проводил с 1873 г. Для объяснения предметов Н.Ю. Зограф прочитал лекцию «Жители Туркестана».

Вопрос о том, как вернуть актуальность устаревающей коллекции, возвратил музейное сообщество к размышлениям о пути ее включения в общую систему музейных отделов. При подведении итогов деятельности музея в связи

с десятилетием его существования Н.Ю. Зограф вновь озвучил идею сделать ее «ядром», но уже не целого музея колоний, а отдела Промышленной этнографии русских окраин [12:60]. Сообщество музея пристально следило за организацией близких по теме экспозиций в европейских столицах. Николай Юрьевич напомнил коллегам о выставке колоний в Париже во Дворце промышленности на Елисейских полях, Кенсингтонском музее в Лондоне, «музее Азиатской этнографии» в Вене, «Колониальной выставке в Амстердаме». В отделе Промышленной этнографии предполагалось показывать «жизненную обстановку русских народов и наших азиатских соседей», чтобы предприниматели, планирующие торговать с «экзотическими потребителями», лучше представляли их «вкусы и требования» [11:15]. Н.Ю. Зограф дистанцируется от гуманитарных аспектов изучения народов. Он пишет, что «духовная жизнь народа […] интересует музей менее, чем жизненная». [11:15]. В этом отношении он воспроизводит позицию своего товарища А.П. Богданова, недвусмысленно выраженную при подготовке Антропологической выставки. Коллекционирование бытовых предметов для изображения «имперского многообразия» было проверенной стратегией, которая открывала перспективу неограниченного приращения коллекции. Проверенный временем подход к этнографическому коллекционирования освежили актуальной прагматической риторикой, напомнив о растущей внутренней торговле и индустриализации производства предметов потребления.

Туркестанская коллекция должна была быть в новом отделе объединена с предметами, поступившими после Антропологической выставки. Новые поступления разместили на первом этаже в двух комнатах, прежде занятых книжным складом. Создание нового отдела началось с инвентаризации поступивших предметов. В 1881–1882 гг. Н.Ю. Зограф описал расположение предметов этнографического собрания для второго издания путеводи-

теля по музею. Новая экспозиция была «открыта для лиц, интересующихся специально этнографией», но «еще не доступна для публики». В центре первой комнаты находились 14 манекенов «северных инородцев», самоедов (ненцев), лопарей (саамов), тунгусов (эвенков) и «финно-татарских народностей», мещеряков, татар, черемисов (марийцев), остяков (хантов). На стенах этой комнаты висели три щита с одеждой, утварью, моделями домов северных русских из Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. По углам стояли манекены двух московских цыган и белорусской женщины. Во второй более просторной комнате выставили шесть манекенов людей «с уродливыми отклонениями» и восемь манекенов «вне-европейских народностей», японца, негров, готтенота, австралийцев. Ниже висели щиты с предметами, утварью и одеждой белорусов, и «случайными» предметами «сибирских инородцев Китайской цивилизации» (монголов и бурят), а также айнов, чукчей, гиляков (нивхи), вогулов (манси). У противоположной стены были размещены шкафы с костюмами разных народов – от китайцев, вогулов, бурятов до могилевских евреев и латышей. Там же были развешены головные уборы россиянок, и расставлена коллекция детских люлек «от среднерусских до калмыцких и лопарских». Ниже были щиты с оружием и орудиями с Кавказа [20:77-78]. Ученик А.П. Богданова и магистр зоологии, привычный к точности языка своей дисциплины и к внимательному наблюдению, составил обстоятельный и подробный текст. Пытаясь обобщать предметы в группы, он опирался попеременно на их географические, этнические и антропологические характеристики. Шаткость принципа группировки затруднила решение задачи внести порядок в большое и стихийно сложившееся собрание разнородных вещей. В 1883 г. для обзора о деятельности музея за истекший год он подготовил еще одно описание отдела, в котором объединил предметы исключительно по географическому признаку: Туркестанский край, Сибирь, Кав-

каз, северные окраины, северо-западный край. При такой группировке стали заметны пробелы: коллекции «южных окраин», Финляндии «совершенно отсутствуют в отделе» [11:16]. Некоторые проблемы для концепции нового отдела прибавили щедрые дарители музея. Например, К.В. Струве, бывший русский посланник в Токио, пожертвовал «прелестный идол Будды», адмирал А. Б. Асланберг, госпожа О. О. Дюбуа подарили «три предмета из Сиама», позже в отделе появились «кустарные изделия из Индии» от Н.И. Лыжина. Индию, Китай и Японию только с большой натяжкой можно было отнести к «окраинам», с которым России предстояло налаживать регулярную торговлю. Поскольку новый отдел, вопреки усилиям, никак не обретал ясных очертаний, туркестанская коллекция оставалась на своем месте, украшая лестничные пролеты музея.

Туркестанская коллекция обретает место

Осенью 1882 г. Комитет музея пригласил на пост директора отдел Промышленной этнографии 33-летнего В.Ф. Миллера. Владимир Федорович, ученик основателя «русской мифологической» школы в лингвистике и истории литературы Ф.И. Буслаева, занимался теорией языкознания и санскритологией. В 1879 г. он увлекся историей и культурой осетин, и совершил три поездки на Кавказ. В 1881 г. были опубликованы его «Осетинские этюды», в которых он исследовал язык осетин, и их верования, предания и традиции, записанные в поездках. Ученого интересовали их связи с арийской мифологией, которая была предметом его магистерского исследования. По результатам исследований на Кавказе В.Ф. Миллеру в 1883 г. присвоили докторскую степень. Члены ИОЛЕАЭ, не дожидаясь защиты, пригласили его сначала возглавить этнографическое отделение общества, а потом и войти в Комитет музея в качестве директора отдела Промышленной этнографии.

Весной 1883 г. музей закрывался на капитальный ремонт здания и коллекций. В том числе, были отремонтированы туркестанские манекены. Для нового отдела отвели три комнаты на первом этаже. Одну из которых ранее Комитет музея сдавал в аренду под торговые помещения. Туркестанские коллекции заняли две из трех комнат. Последняя комната была оставлена для этнографического собрания. Музей открылся для посетителей осенью. В 1884 г. В.Ф. Миллер занял пост заведующего Дашковским музеем, этнографическим отделением Публичного (Румянцевского) музея. В том же году он выступил с докладом о необходимости серьезных преобразований отдела Промышленной этнографии на заседании Правления музея Прикладных знаний. Правление собиралось по мере необходимости принятия решений по текущим делам, и было исполнительным органом Комитета музея. Владимир Федорович предложил изменить «слишком широкое и неопределенное название» на более точное: «отдел кустарной промышленности окраин России». Директор не только хотел внести систему в коллекцию, но и, вопреки тесноте помещения, расставить предметы так, чтобы общая идея собрания была более понятна для посетителей. Он говорил, что экспозиция отдела распадается на две части – «полный и ценный отдел Туркестанского края» и «склад всяких этнографических курьезов». Среди этих «курьезов» он упомянул «египетскую статуэтку, голову и ногу мумии», «гипсовую фигуру каменной бабы из Испании», «манекен татуированного японца», «металлический сосуд времен Алексея Михайловича». Эти предметы профессор предлагал передать в другие музеи – они не относились к окраинам России.

В.Ф. Миллер более последовательно, чем Н.Ю. Зограф сгруппировал предметы. Он выделил группы – манекены и предметы быта северных инородцев; манекены татар, цыган, мещеряков (и.т.д.); коллекцию кавказских предметов; коллекцию предметов с севера России и из Белоруссии. Он

предложил оценить каждую из групп по тому, какое место в торговом обороте с центром России занимают регионы, представленные ее экспонатами. Поволжье, север, запад и юг России имели развитые современные производства и сельское хозяйство. Эти регионы трудно было назвать «промышленными окраинами». Предметы быта мещеряков, татар, цыган, белорусов, крестьян Вологодской и Архангельской губерний предлагалось передать в Дашковский музей. По мнению В. Ф. Миллера «сибирские и северные инородцы» покупали в центральной России «главным образом водку». Их ремесло находилось в «начальном состоянии». По расчетам директора «две трети залы для них достаточно». Благодаря освободившемуся месту появлялась возможность более подробно показать предметы народов Кавказа, которые были объектом научных исследований директора. В этнографическом собрании были восковые фигуры «лопарей, самоедов, тунгусов». Они вполне вписывались в новую концепцию отдела, но вызвали критику, как устаревший способ представления этнографических предметов посетителям. Их сходство с манекенами из магазинов платья вызывало у В.Ф. Миллера скорее иронию, чем одобрение: «Очевидно, в музее Промышленности манекены не могут иметь такого значения, как в полном этнографическом музее, имеющем целью представить можно более полно и наглядно типы народностей. Роль манекенов в музее Промышленности может быть та, что они заменяют вешалки для костюмов, и в этетическом отношении предпочтительнее шкафов и рам. […] Но в таком случае их должно быть больше, и манекены должны быть защищены стеклами от пыли и моли» [8:5]. В.Ф. Миллер стремился к тому, чтобы привести способы представления экспонатов отдела в соответствие со специализацией коллекции. Для этого он предлагал передать все манекены отдела в коллекцию вверенного ему Дашковского музея. Там они могли быть присоединены к тем 270 манекенам, которые поступили в Дашковский музей, после Этнографический

выставки, чтобы давать посетителям широкий обзор типов народов. В докладе вопрос с дорогими и привлекательными для публики манекенами был дипломатично оставлен «на усмотрение Правления».

План В.Ф. Миллера по обмену и передаче экспонатов был осуществлен в 1885 г. Освободившееся место заняли «предметы быта остяков и самоедов северо-западной Сибири от Н.Л. Гондатти», коллекция из 200 «кавказских кустарных предметов от С.В. Лепешкина». До 1887 г. в отделе Промышленности окраин стояла небольшая коллекция люлек, игрушек и других предметов, связанных с уходом за детьми, собранная для Антропологической выставки доктором Е.А. Покровским. Она имела статус подотдела Физического воспитания детей. В 1887 г. коллекцию Е.А. Покровского перенесли на третий этаж в Учебный отдел, а на освободившемся месте расставили новые предметы, привезенные В.Ф. Миллером из Крыма и с Кавказа специально для пополнения отдела. Это был последний вклад В.Ф. Миллера в развитие вверенных ему Комитетом музея коллекций. Специалист по «не-европейским» культурам и теории языкознания провел анализ разнообразия этнографических предметов, накопившихся за годы в музее. В результате он смог выстроить жизнеспособную и понятную посетителям систему представления экспонатов. Его подход был основан на представлении публике «кустарной техники», то есть ремесел, и «художественного вкуса инородцев окраин и населения соседних с Россией малокультурных стран» [25:56]. До этого посетителям, при помощи почти тех же предметов показывали «жизненный уклад» или быт. Этот принципиальный поворот можно связать с проникновением в Россию идей британского движения «Искусств и ремесел». Под влиянием работ Дж. Рёскина и У. Морриса сформировалось представление об эстетической ценности ремесленных изделий, и их превосходстве над продуктами индустриального производства. Концепция В.Ф. Миллера наиболее полно изло-

жена в описании отдела, которую он подготовил к двадцати пятилетию музея. В ней прагматические и политические обоснования актуальности собрания уступили место эстетическим. В рамках, заданных В.Ф. Миллером, отдел Промышленности окраин сохранялся в неизменном виде 10 лет.

Последние годы туркестанской коллекции

К началу XX в. экономическая деятельность метрополии изменила образ жизни людей, населявших Туркестан. Были ввезены новые сельскохозяйственные и огородные культуры, вводились новые приемы разведения шелковичных червей. Были прорыты ирригационные каналы, построены Закаспийская и Среднеазиатская железные дороги. Началось массовое переселенческое движение из центральной России. Примерно в это же время правительством были приняты налоговые льготы для хлопкоробов, и непомерно высокие пошлины на хлопка-сырца из США. С начала 1890-х гг. в Туркестане начался хлопководческий бум, земля освобождалась от зерновых культур ради разведения хлопка. На внутренний рынок региона стали завозить дешевые индустриальные потребительские товары, которые полностью вытеснили изделия кустарной промышленности [1]. Тот Туркестан, который был показан в отделе Промышленности окраин музея, уходил в прошлое. Слово «сарты» стали все реже использовать для обозначение крупной этнической группы, проживавшей в регионе, так как его происхождение вызвало острую дискуссию в академических кругах. А ведь оно было написано на этикетах шести манекенов отдела.

Новое положение дел было представлено москвичам на Среднеазиатской выставке в Императорском историческом музее в 1891 г. Начиная с обозначения региона, использованное вместо заимствованного у британцев «Туркестана», все на выставке указывало на поворот от политики

конкуренции с соседом к озабоченности собственными интересами. Выставка была богато обставлена, ее проводили промышленники, торговавшие с регионом и заинтересованные в рекламе своих предприятий. Можно сказать, что цель «привести в край новых предприимчивых деятелей», которая декларировалась при устройстве павильона Политехнической выставки, была на тот момент достигнута. Темы отделов в Императорском историческом музее были выбраны такие – «картографический и экспедиции по исследованию старого русла Амударьи», «сырье Средней Азии», «ввозный отдел», «военно-исторический отдел», «самаркандский базар», «зал кустарно-заводской промышленности», «железнодорожный и этнографический». Организация экспонатов по отделам напоминала Туркестанский павильон Политехнической выставки 1872 г. Раздел карт и экспедиций, и военный остались без изменений. Технологический разделился на сырьевой и кустарный отделы. Как и при постройке павильона в 1872 г., устроители уделили особенное внимание воспроизведению обстановки самаркандского базара. Для создания атмосферы были использованы не манекены, а задник из увеличенной панорамной фотографии базарной площади с видом на соборную мечеть Биби-Ханум. Самым крупным и подробным был ввозной отдел, где были представлены товары предпринимателей, финансировавших выставку. В этнографическом отделе были выставлены не только восковые фигуры жителей в характерной одежде, но и макет железнодорожного полотна с локомотивом и грузовыми вагонами. Группы «перекочевка киргиз» и «цирюльник с клиентом» представляли отдел Промышленных окраин Политехнического музея. При подготовке Среднеазиатской выставки председатель ее Комитета А.А. Майков обращался за содействием в Политехнический музей. Он попросил предоставить на две недели комитету выставки фотографии Туркестанского отдела для ознакомления [30]. На основании фотографий Комитет выставки давал

указания архитекторам, разрабатывавшим новую экспозицию. Туркестанская коллекция политехнического музея в 1890-е гг. воспринималась в профессиональных кругах как эталон, в котором зрелищность формы сочеталась с рациональной интерпретацией местного материала.

Манекены туркестанской коллекции в последний раз представляли свой край на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. В том же году было закончено правое крыло музейного здания на Лубянке, обращенное к Ильинскому скверу. У музея появились дополнительные помещения. Экспонаты готовили к перестановке и переезду. В 1895 и 1896 гг. умерли А.П. Богданов и председатель Правления музея директор сельскохозяйственного отдела Д.А. Наумов. Они были почти сверстниками, одновременно учились в ИМУ, и были соратниками по многим начинаниям в музее и вне него. Место председателя Правления занял химик-технолог Петр Петрович Петров. Он работал в музее с дня его основания, начав с должности хранителя Технического отдела. С приходом в Правление музея нового поколения он стал менять профиль. Все реже в документах его называли «музеем Прикладных знаний», все чаще – «Политехническим». Большую часть отделов возглавили инженеры-технологии и люди с техническими интересами. В 1896 г. В.Ф. Миллер предложил передать все экспонаты отдела Промышленности окраин России, кроме туркестанской коллекции, в Этнографическое отделение Публичного музея. Сам он уже не был его заведующим, приняв предложение возглавить Лазаревский институт восточных языков. В освободившейся от этнографического собрания комнате открыли отдел Новостей промышленности, который возглавил ученик П.П. Петрова В.Р. Вильямс. После закрытия отдела Промышленности окраин туркестанская коллекция опять стала самостоятельным отделом.

В путеводителе по музею 1901 г. было в последний раз опубликовано описание экспонатов Туркестанского отде-

ла. На его страницах мы обнаруживаем знакомую группу «перекочевка киргиз» с верблюдом и слугой на быке, а также пельменную и мелочную лавки. Спустя почти 30 лет после выставки в Кремлевских садах, манекены, изготовленные по проекту А.П. Богданова и А.П. Федченко украшали залы 21 и 22 на втором этаже в «новом» правом крыле здания с видом на Ильинский сквер. В обновленном музее Туркестанский отдел разместили рядом с Учебным. К началу XX в. сведения о рельефе, флоре и фауне, ремесле, жилищах одежде и внешности местных жителей вошли в популярные путеводители и школьные учебники. Знания, накопленные научным сообществом о Туркестане, стали основой общепринятой картины мира, распространяемой через систему начального образования. Место рядом с Учебным отделом проясняет роль коллекции в изменившемся мире. В последние годы своего существования туркестанская коллекция все в большей степени выступала как наглядная иллюстрация к курсу отечественной географии.

В отчете о деятельности музея за 1899 г. В.Ф. Миллер последний раз упоминается как директор Туркестанского отдела. К началу нулевых годов член-корреспондент Императорской академии наук выбыл из состава должностных лиц музея. Признавая его заслуги перед учреждением, за ним оставили почетную, но формальную роль «непременного члена Комитета музея». Туркестанский отдел «как несоответствующий прикладным потребностям» был упразднен.

К началу XX в. «характерные» виды ландшафтов и городов Туркестана, портреты населявших его народностей в национальных костюмах, виды жилищ, храмов, мостов, животные и растения были много раз сфотографированы любителями и профессионалами. Фотографии печатали в журналах, на открытках. В форме диапозитивов на стекле их показывали детям и заинтересованным взрослым в ходе лекций, уроков и популярных чтений. «При помощи

волшебного фонаря и теневых картин, можно дополнить то, что не передано коллекциями», – писал большой поклонник этого типа работы с посетителями Н.Ю. Зограф в 1897 г. [10:70]. После 1895 г. при Учебном отделе силами добровольцев был создан абонемент диапозитивов для внешкольного образования подростков и взрослых. Школьные учителя, лекторы могли брать на время диапозитивы из богатой коллекции, насчитывающей тысячи наименований и сотни тем. К 1910-м гг. в абонементе собралась солидная коллекция диапозитивов по теме «Средняя Азия». Часть из них были пересняты сотрудниками музея с фотографий туркестанской коллекции, некоторые были принесены в дар Борисом Алексеевичем Федченко, сыном основателей отдела, который тоже стал путешественником по Азии [17]. Материальные предметы Туркестанского отдела исчезли из музея, но созданный и проверенный временем образ региона продолжал существовать в других формах музейной работы. Усовершенствовавшаяся технология фотографии показала свою способность не хуже манекенов «передавать характристические черты и особенности» Туркестана, вытеснив их из музея.

История коллекция как история ее владельцев

Ретроспективный обзор истории туркестанской коллекции в музее Прикладных знаний показал, как менялся ее статус и смыслы, которые вкладывали в эту систему вещей ее владельцы. На первых этапах в далеком и опасном Туркестане были собраны природные и «туземные» предметы, они были систематизированы и описаны, и представлены широкой публике в Москве в соответствии с приемами экспонирования, принятыми в европейских столицах. Власти, заинтересованные в одобрении столичными жителями своих инициатив в регионе, поддерживали усилия ученых по сбору и систематизации предметов, перевозке их в Москву. Генерал-губернатор не поскупился на финансиро-

вание оформления коллекции по вкусу широкой публики. Сотрудничая с властью, ученые руководствовались интересами своего сообщества. Они проявляли здоровый прагматизм, ради успеха задуманного предприятия, цитируя идеологически окрашенные заявления политиков. Задача приспособить коллекцию, собранную с научной целью, к интересам широкой публики, не всегда легко давалась ученым.

На следующем этапе коллекция стала собственностью Комитета музея, который не совсем понимал, как присоединить это собрание к другим коллекциям. Деятельное внимание генерала-губернатора только осложняло дело. Новые экспонаты, которые он дарил отделу, разрушали стройную классификацию и их некуда было ставить. Собранные экспонаты представляли положение в Туркестане на момент начала военных действий. С изменением ситуации в регионе коллекция стала меньше восхищать публику. Предметы уже не воспринимали как богатые, разнообразные и необычные военные трофеи. Новые войны отодвинули события 1870-х гг. на второй план. Однако само качество коллекции, ее подробность, связность и полнота гарантировали ей долгую жизнь в музее. Члены Комитета музея пристально следили за музейной конъюнктурой в Европе, пытаясь понять, как включить свою туркестанскую экспозицию в ряд музеев «колоний». Коллекцию планировали объединить с «образовательным театром», чтобы усилить зрелищную составляющую в подаче «туземной жизни». Н.Ю. Зограф, сохраняя верность «наблюдательному подходу» А.П. Федченко, тщательно описал и перегруппировал то, что увидел в разросшейся коллекции, и предложил для нее новое название. На этом этапе снизился интерес власти к делам музея. На трон взошел новый монарх с другими вкусами, привычками, окружением. Академическое сообщество музея, лишенное внимания властей, сосредоточилось на научных способах решения музейных задач. Одной из них было поддержа-

ние актуальности стареющих коллекций. Был приглашен В.Ф. Миллер, ученый-лингвист, меньше связанный с сообществом музея и его ментальными привычками. Он имел опыт анализа и систематизации культурных объектов. Он снова переименовал коллекцию. Внес в нее более строгий порядок, удалил «случайные предметы». В эти годы люди, включая политических и финансовых покровителей музея, стали больше путешествовать. Из поездок многие привозили фотографии и коллекции. Их сложнее стало убедить в уникальность собранных в отделе предметов. Для туркестанской коллекции музея осталась роль прототипа для всех подобных собраний вещей. На последнем этапе для широкой публики коллекция стала образцовым наглядным пособим для уроков географии и эталоном музейно-выставочных приемов представления региона.

М. Могильнер в книге по истории становления физической антропологии в России пишет о «проникновении практического знания, точного и универсального естественнонаучного языка, в сферу гуманитарных и формирующихся социальных наук, в область управления собственными и колониальными обществами, в массовую культуру и в новаторское осмысление политического процесса» [26:39]. Исследовательница обобщает несколько протекавших одновременно разнонаправленных процессов с многими участниками в схему, позволяющую ей развернуть драму рождения этой академической дисциплины. Анатолий Петрович Богданов и его ученики имели непосредственное отношение не только к появлению новаторской области науки, но и к созданию музея Прикладных знаний. Исследование той части их деятельности, которая касалась распоряжения материальными ресурсами, зданиями и ценными коллекциями вносит больше ясности в мотивы их поступков и решений, которые М. Могильнер кажутся противоречивыми. Представляется полезным рассматривать не только декларации, произносимые на заседаниях, и отпечатанные в журналах и брошюрах, но и результаты

попыток их воплощения в жизнь. История Туркестанского отдела дает нам такую возможность. В частности, мы видим, что сообщество ученых естественников интересовалось политическим процессом ровно в той мере, в которой можно было извлечь из него пользу, и вряд ли всерьез занималось его осмыслением. Отношение А.П. Богданова и его учеников к «массовой культуре» оставалось прохладным и прагматичным. Они учитывали моду и вкусы посетителей, но шаги по повышению зрелищности коллекций предпринимались медленно и неохотно. Проникновение практического знания в гуманитарную сферу не было однонаправленным процессом. В истории отдела был эпизод, когда «точный и универсальный естественнонаучный язык» не смог решить задачу описания и обновления концепции коллекции, и музейное сообщество пригласило ученого гуманитария, который справился с задачей, продлив жизнь коллекции на 15 лет.

Хотелось бы коснуться вопроса, в какой мере британская викторианская культура повлияла на те формы, которые приняла туркестанская коллекция. К поиску этого влияния подталкивает связь происхождения отдела с политическим противостоянием Российской и Британской империй в регионе. В нескольких решениях Комитета музея в отношении коллекций прослеживается воздействие популярных в среде русской интеллигенции политэкономических и эстетических теорий британского происхождения. Поскольку знание английского языка было в те годы редким навыком, восприятие этих идей членами Комитета музея происходило через общие интеллектуальные веянья в московской университетской среде. На решения по туркестанской коллекции влияло непосредственное знакомство членов Комитета музея с французскими, австрийскими, голландскими и английскими музейными практиками.

В данной статье была исследована история материальных следов проникновения «практического знания» в жизнь науки и общества, и рассматривались решения и

высказывания, появившиеся в результате взаимодействия конкретных людей в конкретных ситуациях под влиянием политического и культурного контекста. Полученные результаты дополнили и уточнили ряд положений обобщающих исследований, выдержанных в другой исследовательской оптике. Комплекс источников по истории Политехнического музея имеет свои ограничения. Так, о реакции публики на изменения в экспозициях мы можем только догадываться. Музейные документы приводят только самые обобщенные статистические данные. Также мы мало узнаем из музейных документов о личных моментах принятия тех или иных решений. Академическая среда была и остается закрытым сообществом. Н.Ю. Зограф все время существования в музее туркестанской коллекции, заботился о ней. Тем не менее, он был даже в зрелом возрасте только ее хранителем. В некрологе, написанном в память А.П. Богданова, он в очень размытой форме намекает на особенные навыки его учителя объединять «противоречивые интересы» и направлять «личные начинания» к общей цели. За фасадом коллективно принятых решений только угадывается борьба позиций и амбиций членов сообщества, которую хотелось бы более ясно представлять.

Литература

1. *Абашин С. А.* Социально-экономическое и демографическое развитие Центральной Азии в составе Российской империи. Центральная Азия в составе Российской империи. М. 2008. С. 132-169.
2. *Богданов А. П.* Антропологическая выставка. Т. I / Известия ОЛЕАЭ. М., 1878. Т. XXVII. С. 315.
3. Богданов А. П. Краткий обзор Антропологической выставки 1879 г. М. 1879. С. 17.
4. *Он же*. О цели и характере Политехнической выставки. / Протокол четвертого заседания Комитета Политехнической выставки января 3 дня 1869 г. // Политехническая

выставка ИОЛЕАЭ, состоящем при Московском университете. М. 1869. С. 18-22.
5. *Боронин О. В*. Завоевание Российской империи в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Центральная Азия в составе Российской империи. М. 2008. С. 62-86.
6. *Валькова О. А*. Ольга Александровна Федченко 1845–1921. М. 2006. С. 317.
7. Всемирная история экономической мысли. От Смита и Рикардо до Энгельса и Маркса. М. 1988. С. 574.
8. Доклад директора отдела промышленной этнографии Всев. Миллера правлению Политехнического музея. Рукопись. ГПМ. КП 16532/105. На 7 листах.
9. Доклад о ходе работ по устройству Туркестанского отдела Политехнической выставки от 18 сентября 1872 г. // Протоколы заседание Комитета по устройству Политехнической выставки ИОЛЕАЭ, состоящего при Московском университете. 3 выпуск. М. 1872. С. 81-86.
10. *Зограф Н.Ю.* Анатолий Петрович Богданов, инициатор и организатор музея Прикладных знаний. // Двадцатипятилетие музея Прикладных знаний в Москве. М. 1898. С. 67-70.
11. *Он же*. Отдел Промышленной этнографии. // Годичное заседание высочайше учрежденного Комитета для устройства музея Прикладных знаний. М. 1884. С. 15-22.
12. 12 *Он же*. Отчет отдела Промышленной этнографии. // Десятилетие музея Прикладных знаний в Москве. М. 1883. С. 60-63.
13. *Ефимова С.Г*. Туркестанский край на I Антропологической выставке 1879 г. в Москве. // Вестник антропологии, 2010. Вып. 18. С. 180-188.
14. Инструкция для Туркестанской экспедиции, составленная Комиссией общества. // Известия ИОЛЕАЭ. Т. III, вып. 2. М. 1869. С. 43.
15. *Исакова М.С*. Вступительная статья, комментарии, подготовка текста к публикации. Воспоминания Н. С. Остроумова о А. Л. Куне. // Восток (Oriens), 2016, №4. С.172-191.

16. Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М. 1872. С.76.
17. Каталог Комиссии теневых картин при Учебном отделе музея Прикладных знаний. М. 1916. С. 211.
18. *Киплинг Р.Дж.* Ким. Пер. Клягина-Кондратьева М.И. М. 2018. С. 432.
19. Краткий указатель коллекций Московского музея прикладных знаний. М. 1880. С. 73.
20. Краткий указатель коллекций Московского музея прикладных знаний. 2-е изд. М. 1882. С. 79.
21. Краткий указатель коллекций музея / Московский музей Прикладных знаний (Политехнический). 6-е изд. М. 1901. С. 160.
22. *Колесников А.П.* Золотопромышленность в Туркестане. // Русский Туркестан. М. 1872. С. 245-258.
23. *Левинский В.Д.* Краткий обзор деятельности Политехнического музея в 1884–1885 году. // Годичное заседание высочайше учрежденного Комитета для устройства музея Прикладных знаний. М. 1886. С. 7-19.
24. *Левинский В.Д.* Краткий обзор деятельности Комитета московского музея Прикладных знаний в 1885–1887 годах. // Годичное заседание высочайше учрежденного Комитета для устройства музея Прикладных знаний. М. 1886. С. 10-22.
25. *Миллер В.Ф.* Краткая историческая записка об отделах Туркестанском и Промышленности окраин России. // Двадцатипятилетие музея Прикладных знаний в Москве. М. 1898. С.55-56.
26. *Могильнер М.* Homo imperii: История физической антропологии в России (конец -начало). М. 2008. С. 505.
27. *Петров П.П.* Отчет секретаря музея. // Десятилетие музея Прикладных знаний в Москве. М. 1883. Десятилетие музея Прикладных знаний в Москве. М. 1883. С. 5-30.
28. Письмо туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана Г. Е. Щуровскому по поводу составления им фотоальбома о Средней Азии и о его передаче в дар музею. Рукопись. ГПМ КП 16503/29.

29. Письмо председателя Комиссии по устройству Туркестанского отдела Федченко А. П. [председателю Технологического отдела Комитета по устройству Политехнической выставки Архипову] И.П. о расходах, связанных с устройством Технического отделения Туркестанского отдела. Рукопись. ГПМ. КП 16449/57.
30. Письмо председателя Комитета по устройству Среднеазиатской выставки А. А. Майкова в Правление политехнического музея. Рукопись ГПМ КП …
31. Пятьдесят первое заседание. 7 октября 1881 г. / Московский музей Прикладных знаний. Заседания Комитета музея за 1877–82 года. // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXVI, вып. 3. М. 1883. С.70-72.
32. Соединенное заседание ИОЛЕАЭ и высочайше учрежденного Комитета для устройства музея прикладных знаний 7 мая 1875 года / Протоколы заседаний ИОЛЕАЭ при Московском университете с сентября 1874 г. по октябрь 1876 г. // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXIV, вып. 2. М. 1876. С. 27-33.
33. Сорок седьмое заседание Комитета и Правления 14 июня 1880 года. / Московский музей Прикладных знаний. Заседания Комитета музея за 1877–82 года. // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXVI, вып. 3. М. 1883. С. 52-53.
34. Сорок восьмое заседание Комитета и Правления музея 22 августа 1880 г. / Московский музей Прикладных знаний. Заседания Комитета музея за 1877–82 года. // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXVI, вып. 3. М. 1883. С. 53-56.
35. Стереопара «Туркестанский отдел». ГПМ КП 30652/54.
36. Стереопара «Туркестанский отдел» ГПМ КП 28139/34.
37. Стереопара «Внутренний вид Туркестанского отдела» ГПМ КП 20735/20.
38. Стереопара «Лавка восточного базара с образцами кустарного производства Туркестанского отдела выставки». ГПМ КП 20735/15.
39. Среднеазиатская выставка. Москва. Альбом фотографий, собственность Шерер, Набгольц и Ко. М. 1891, 10 л.

40. *Токарев С.А*. История русской этнографии. М. 2015. С. 656.
41. Тридцать шестое заседание Комитета музея 28 января 1876 г. / Протоколы заседаний ИОЛЕАЭ при Московском университете // Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXVI, вып. 3, М.1883 С. 9-10.
42. *Южаков Ю.Д*. Итоги 27-летнего управления нашего Туркестанским краем. СПб, 1891. С. 84.
43. *MacCallam D*. Waxing Revolutionary: Reflections on a Raid on a Waxworks at the Outbreak of the French Revolution // *French History,* 2002, № 16 (2). С. 153-173.

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Александр Иванович Сидоров

МЕДИЕВИСТИКА В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ … ЗАВТРА?

Аннотация. Медиевистика на протяжении большей части XX века играла важную и даже ведущую роль в формировании исторического знания в России. Однако сегодня она стремительно теряет прежние позиции и превращается в периферийную научную дисциплину. Медиевистика маргинализируется, несмотря на то, что она опирается на долгую традицию, солидный научный фундамент, развитые институты и квалифицированные кадры. В статье предпринята попытка понять, почему так произошло, насколько необратим этот процесс и можно ли найти решение возникшей проблемы, опираясь на исторический опыт существования медиевистики в нашей стране.
Ключевые слова: медиевистика, история науки, Средние века, университеты, историческое знание
Об авторе: Сидоров Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории исторического знания Института всеобщей истории Российской Академии наук. Российская Федерация, 119334 г. Москва, Ленинский пр., 32А; alexhist@mail.ru

Медиевистика – область исторической науки, которая занимается изучением западноевропейского Средневековья – на протяжении большей части XX столетия являлась очень значимой частью исторического знания в нашей стране. А в иные моменты и вовсе претендовала на роль безусловного лидера, задающего основные тренды в этой сфере. По образному выражению П.Ю. Уварова, медиевисты пользовались среди коллег репутацией профессиональной элиты и считались «спецназом» советской исто-

рической науки [31:82-84]. В конце 1990-х гг. казалось, что так будет всегда. Но не прошло и пары десятков лет, как ситуация изменилась с точностью до наоборот. Сегодня речь идет даже не о сохранении некогда завоеванных позиций, а о положении дисциплины как таковой, ибо будущее ее по целому ряду причин туманно. Более того, непонятно, есть ли оно вообще. Проблема эта касается довольно широкого круга людей, поэтому попытаться в ней разобраться – задача вполне насущная.

Когда, как и почему в России родилась медиевистика, как развивалась и изменялась? Почему в первые десятилетия XXI в. несмотря на все свое внешнее благополучие она оказалась в глубоком кризисе? Можно ли рассчитывать на то, что она сохранится в том или ином виде в сколько-нибудь отдаленной перспективе? Ниже речь пойдет именно об этом. Разумеется, в рамках статьи по столь многогранной теме можно сформулировать лишь самые общие вещи. Тем не менее, очевидно, что такая проблема существует и требует серьезного обсуждения.

Разговор о судьбе русской медиевистики невозможен вне более широкого контекста, а именно, особенностей организации академической науки, с одной стороны, системы образования – с другой, общественных и государственных запросов – с третьей.

Устойчивый научный и педагогический интерес к истории Европы сформировался в России только в XVIII в. Это было прямым следствием петровского разворота России на Запад. Границы двух разных геополитических пространств не просто соприкоснулись, но сделались взаимопроницаемыми. Русские элиты оказались перед необходимостью разобраться в том, как устроено это по большому счету новое для них общественное пространство, чтобы понять, как с ним взаимодействовать. Иными словами, появился социальный заказ на определенное знание, но заказ этот инициировался и стимулировался государством. Государство же искало возможности, как этот заказ удовлетворить.

Молодых людей отправляли учиться заграницу, но этого явно было недостаточно. Для более широкого охвата требовалось организовать обучение внутри страны.

В России поначалу просто не было своих академических ресурсов, поэтому они черпались вовне, прежде всего, в Германии и Голландии. В этом смысле становление исторической науки в России при Петре и его преемниках ничем не отличалось от развития многих других сфер общественной жизни. На протяжении практически всего XVIII столетия интерес ко всеобщей, в значительной степени европейской истории удовлетворялся исключительно за счет перевода обзорных работ западных ученых.

Первой ласточкой стала «Всемирная история» кальвинистского пастора Ильи Копиевского, изданная в Амстердаме в 1699 г. по личному распоряжению Петра I [19. Об этом сочинении подробнее см.: 14]. За ней последовали другие сочинения, на протяжении XVIII в. таковых вышло около двух десятков [15:36-40]. Среди важнейших назовем более или менее пространные исторические обзоры Филиппа Дильтея [10], Иеронима Фрейера [35] и Иоганна Шрека [37]. По ним всеобщую историю преподавали в гимназиях, духовных семинариях и университетах. Причем даже в высшей школе обычно использовалось какое-то одно пособие, которое штудировали от корки до корки. Например, студенты Московского университета на протяжении нескольких десятилетий работали исключительно с «Краткой всеобщей историей» Фрейера, которую в 1769 г. перевел и опубликовал Харитон Чеботарев, «истории и географии учитель и Университетской публичной библиотеки кустос», как он сам обозначил себя в конце предисловия [35:XVI].

Копиевский делил всемирную историю по четырем мировым империям, опираясь на восходящую к книге пророка Даниила (Дан. 2:36-43) периодизацию, которую еще в начале V столетия использовали в своих историографических построениях Св. Иероним и Павел Орозий. В дру-

гих обзорах исторический процесс обычно делился на два периода – до и после Рождества Христова. Здесь важно отметить следующее: в переводной учебной литературе, доступной в России, до конца XVIII в. отсутствовало представление о Средневековье как самостоятельном периоде истории, и в такой парадигме сформировалось несколько поколений российских школяров и студентов. Как следствие, не прослеживается и никакого специального научного интереса к этой эпохе.

Ситуация меняется только в первые десятилетия XIX в. Так в пособии профессора Царскосельского лицея Ивана Кайданова история, кажется, впервые разделилась на древнюю – от Сотворения мира до падения Западной Римской империи в 476 г., среднюю – до начала XVI в. и новую – «до наших времен» [16]. Книга, изначально предназначенная для исторического и нравственного наставления лицеистов, за двадцать лет – с 1817 по 1837 гг. – выдержала шесть изданий и быстро обрела популярность в широких кругах. На это, в частности, обратил внимание Фаддей Булгарин в своей рецензии на третье издание «Руководства», опубликованной в 1826 г. в 105 номере «Северной пчелы».

Той же схемы придерживался Тимофей Николаевич Грановский, в 1840-х–1850-х гг. читавший лекции в Московском университете [8]. В XIX в. трехчленное деление становится общепринятым в России, оно утверждается в системе образования на всех уровнях.

Смена парадигмы по всей видимости, была связана с тем, что со времен Александра I русские студенты начали активно стажироваться в Германии для приготовления к профессорскому званию. В ведущих университетских центрах, прежде всего, в Берлине и Геттингене, как раз придерживались трехчленной схемы. В первом учился Грановский, во втором – Кайданов.

Данный факт, сам по себе важный, не означал, однако, рождения медиевистики, хотя и подготовил для этого необходимое основание. В XIX в. абсолютное большинство

университетских преподавателей, имена которых сегодня обычно связывают с изучением средневековой истории, читали курсы по всем периодам – от Античности до Нового времени, а еще по русской и византийской истории, праву, географии, статистике и многим другим дисциплинам. Таков был профессиональный путь, например, Тимофея Грановского, Петра Кудрявцева, Степана Ешевского, Михаила Стасюлевича, Владимира Герье, Ивана Гревса. Впрочем, подобный академический плюрализм оставался характерной чертой университетской среды в Российской империи вплоть до революции. Это первое.

Второй важный момент заключался в том, что на протяжении большей части XIX в. перед отечественной высшей школой не стояло задачи формировать профессиональных ученых-историков. Российские университеты готовили кадры для госслужбы либо для преподавания в заведениях самого разного ранга. Широкое историческое образование считалось важной частью такой подготовки, но не предполагало обязательного наличия самостоятельного исследовательского опыта.

С другой стороны, в обществе постоянно рос интерес к всеобщей истории. Прежде всего потому, что Россия, как империя, все больше осознавала свое полноправное место в мировой цивилизации. Не следует сбрасывать со счетов и широкую общественно-политическую дискуссию 1840-х гг. между западниками и славянофилами о путях дальнейшего развития страны. Специалисты по всеобщей истории обычно оказывались среди западников, считавшихся более прогрессивными и либеральными, а потому объективно привлекали к себе внимание широкой аудитории. Невероятная популярность публичных лекций Т.Н. Грановского – яркое тому свидетельство.

«Для русского всеобщая история есть история человеческой цивилизации, на которую он смотрит, как на свершившийся процесс. Он смотрит, скорбя там, где цивилизация гибла и останавливалось дело прогресса, и радуясь там,

где она торжествовала <…> Великая работа России в течение почти двух веков заключается в усвоении плодов цивилизации, в постоянном слиянии с передовыми народами в деле общечеловеческих интересов». Под этими словами Владимира Ивановича Герье в рецензии на книгу Александра Станкевича о Грановском могли бы подписаться многие его современники [7:430]. В русском обществе объективно сформировался высокий спрос на эту область знаний, и он сохранялся на протяжении всего XIX в.

После университетской реформы начала столетия в России по инициативе государственной власти постоянно открывались новые университеты, а потому существовала острая потребность в кадрах. Она постоянно ощущалась даже в столицах, причем вплоть до конца столетия. Наиболее перспективных студентов оставляли при университете для приготовления к профессорскому званию. Обычно это предполагало длительную стажировку за границей либо в Профессорском институте Дерптского университета и последующую защиту диссертации. После этого молодому специалисту полагалось отработать на кафедре некоторое количество лет.

В России очень медленно формировалось представление о том, что университетский преподаватель, ведущий курс всеобщей истории, должен систематически заниматься научной работой, проводить самостоятельные исследования с опорой на критический анализ источников и литературы, а не просто знакомиться с документами и профессиональной литературой для подготовки к занятиям. Иными словам, профессор мог писать научные книги, но это не было обязательным требованием. Все оставалось на его личное усмотрение. Результаты изысканий, нередко более эрудитских, нежели строго академических, обычно презентовались не столько в виде статей и монографий, сколько в формате лекционных курсов, да частных беседах с учениками.

Между тем, единое пространство всеобщей истории постепенно сегментировалось, хотя и очень медленно. Обо-

собление средневековой истории произошло только на рубеже 50-х и 60-х годов XIX в. Это было связано с именем петербургского профессора Михаила Матвеевича Стасюлевича, к слову, профессионального антиковеда и блестящего специалиста по истории Древней Греции.

В 1853–1861 гг. он читал лекции по средневековой истории в Санкт-Петербургском университете. Столкнувшись в процессе преподавания с объективными трудностями в виде отсутствия подходящих учебных пособий, с одной стороны, и нетвердого знания студентами древних и новых языков – с другой, в 1856 г. Стасюлевич опубликовал «Общий курс истории средних веков», кажется, первое самостоятельное тематическое издание такого рода в России [30]. А в 1863–1865 гг. уже в статусе члена ученого комитета Министерства народного просвещения подготовил и опубликовал три тома «Истории средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых» [29].

Здесь под одной обложкой были собраны разнообразные источники и довольно большие фрагменты из актуальных зарубежных научных исследований, причем все представлено в русском переводе. Для своего времени это был по-настоящему революционный просветительский проект. Ничего подобного вплоть до конца XIX в. в России больше не появилось. Не удивительно, что за следующие полвека книга выдержала четыре издания. Более того, она по сей день остается востребованной в педагогической практике и продолжает переиздаваться.

К сожалению, благие намерения обернулись для Стасюлевича сущим адом. Вскоре ему пришлось отбиваться от яростных и необоснованных обвинений в том, что своим универсальным пособием он якобы вознамерился оставить всю университетскую профессуру без работы. «Оправдательные» предисловия, написанные Михаилом Матвеевичем ко второму и, особенно, к третьему томам, в этом смысле вполне красноречивы. В конце концов, он принял решение оставить работу над «Историей средних

веков», которую успел довести только до XIII в., хотя изначально планировал закончить эпохой Великих географических открытий, и никогда больше к ней не вернулся.

В контексте нашей темы важно отметить, что этот проект был полностью посвящен медиевистике. Его можно считать своеобразным символом того, что в России на академическом уровне, кажется, впервые очень предметно, пусть и утилитарно задумались о Средневековье как самостоятельной эпохе. Спустя двадцать лет такое преставление стало нормой. Свидетельством тому можно считать публикации учебника профессора Казанского университета Николая Осокина [24] и курса лекций Павла Виноградова [5]. На рубеже столетий появились и другие строго тематические издания вроде «Книги для чтения по истории средних веков» [18] и «Средневековья в его памятниках» [28].

В последней трети XIX в. наметились важные изменения в системе высшего образования. Этот процесс был запущен принятием университетского Устава 1863 г., предполагавшего усиление специализации, с одной стороны, и углубление собственно научной подготовки студентов – с другой. Ключевым моментом здесь стало укоренение практики семинаров в университетах, сначала столичных, а затем провинциальных [4]. Эта форма подготовки была заимствована из Германии. В Петербурге первые опыты по ее адаптации относятся к концу 1840-х гг. Таковыми сегодня принято считать «вечерние беседы» Куторги, которые Михаил Семенович устраивал на дому для некоторых своих учеников. Среди немногих избранных, к слову, был и Стасюлевич. [27]. Однако окончательно семинарская система оформилась в столице только к концу XIX в. В Москве практика семинарских занятий начала активно внедряться с конца 1860-х гг. благодаря личной инициативе В.И. Герье и постепенно тоже стала обязательной. Она же легла в основу работы исторического общества, созданного Герье в Московском университете. Постепенно оформилась и

разница между «московским» и «питерским» подходами к семинарам. Если в Москве отдавали предпочтение обсуждению общих проблем, то в Северной Пальмире довольно рано сосредоточились на узкоспециальной тематике, в частности, на эпиграфике и дипломатике [36:172-173].

В итоге к исходу XIX в. в университетской среде сложились благоприятные условия для появления людей, хорошо подготовленных именно к научной работе и в целом куда более квалифицированных, чем еще за поколение до того. Характерно, что русские студенты той поры не испытывали особых комплексов во время своих заграничных стажировок. А иные довольно критично высказывались об уровне преподавания и качестве научной подготовки ведущих западных ученых, включая таких мэтров, как Леопольд Ранке, Генрих Бруннер, Нюма Дени Фюстель-де-Куланж или Ипполит Тэн. Так, 22-летний Павел Виноградов, посещавший в годы заграничной стажировки семинар Теодора Моммзена, позволял себе публично дискутировать с ним по теме своего доклада, чем вызвал неподдельное изумление у своих немецких сокурсников [38:180-181]. Дело, разумеется, не в том, что западная университетская наука стала хуже, а в том, что русские очевидным образом изменились.

С другой стороны, последовательно шло накопление научных знаний, усложнение и сегментирование научного поля, прежде всего, на Западе – это объективно приводило к формированию более узкой специализации. Изменилась и проблематика. Наряду с политической историей, долгое время господствовавшей в науке безраздельно, все более заметное место стала занимать аграрная история и вообще история различных форм хозяйствования, а также история отдельных социальных групп и общественных институтов.

Вместе с тем серьезно трансформировалось понимание общественного положения истории. Представление о ней как об «учительнице жизни», как о предмете, к которому следует обращаться прежде всего за нравственными

примерами, необходимыми для гармоничного воспитания личности, что было характерно еще для поколения В.И. Герье, у его учеников сменилось вполне прагматичным, очень рациональным и, если угодно, строго академическим отношением к истории как к сфере собственно научных изысканий. Морализаторство было им несвойственно. Во всяком случае, в своих исследованиях они явно сторонились подобных вещей.

В итоге, к началу XX в. в российских университетах появились те, кого уже вполне обоснованно можно называть медиевистами в строгом смысле слова. Таковыми в значительной степени были уже Федор Фортинский и Павел Виноградов, но еще больше историки следующего поколения, ученики Герье, Гревса или того же Виноградова – Дмитрий Петрушевский, Владимир Пискорский, Дмитрий Егоров, Николай Оттокар, Николай Грацианский, Лев Карсавин, Александр Удальцов, Евгений Косминский, Ольга Добиаш-Рождественская.

По нынешним меркам их было совсем немного, но для своего времени это был достаточно заметный круг специалистов. Кроме того, они успели воспитать следующее поколение ученых, тех, ко сыграл ключевую роль в развитии русской медиевистики в XX столетии, например, Александра Неусыхина, Елену Скржинскую, Александру Люблинскую, Виктора Рутенбурга, Сергея Сказкина.

Отметим еще одну важную вещь, значение которой, кажется, остается недооцененным. Работы русских историков, специалистов по западноевропейскому Средневековью, начали переводить на иностранные языки и публиковать в ведущих западных академических изданиях. Кажется, и здесь одним из первых отметился студент Виноградов, по протекции Генриха Бруннера опубликовавший в 1876 г. небольшую статью в престижном Forschungen zur Deutschen Geschichte [41].

С рубежа XIX–XX вв. это уже стало довольно обычной практикой. Отмечу, что историки предшествующего поко-

ления таких целей перед собой не ставили. Зарубежные работы они охотно переводили, но свои публиковать за рубежом не стремились. Может быть, потому, что осознавали известную вторичность своей научной продукции по отношению к исследованиям европейских ученых.

Поколение их учеников, напротив, зачастую демонстрировало совершенно иное. Эти люди научились создавать работы, которые были не просто оригинальными, однако находящимися в уже сформированном исследовательском поле, но в ряде случаев реально передовыми, серьезно опережавшими порой на десятилетия достижения западной науки. Таковыми были П.Г. Виноградов с его историей манора [6], Л.П. Карсавин с его вниманием к проблемам массовых религиозных представлений в средневековой Европе [17], Д.Н. Егоров с его почти постмодернистским исследованием процесса колонизации Мекленбурга [12], чуть позже О.А. Добиаш-Рождественская с ее изысканиями в области каролингской палеографии [39].

Все это стало результатом системной политики государства в области университетской подготовки и тех процессов, которые были запущены еще в начале XIX в. Хотя, как представляется, результатом побочным. В Министерстве образования Российской империи вряд ли стремились развивать медиевистику.

После революции медиевистика на полтора десятка лет ушла в тень. Исторические факультеты распустили. За это время кто-то уехал, как Бицилли, Карсавин, Оттокар или Виноградов. Кого-то, как Егорова, коснулись первые репрессии. Но в целом с медиевистами целенаправленно никто не боролся – их было мало и никакой серьезной угрозы новому строю они не представляли.

В эпоху межвременья устраивались кто как мог. А.И. Неусыхин несколько лет работал научным сотрудником Института Карла Маркса и Фридриха Энгельса, а потом референтом Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственной библиографии при библиотеке им. Ленина.

Н.П. Грацианский читал курс истории техники в Московском геологоразведочном институте. И.М. Гревс заведовал библиотекой Госакадемии истории материальной культуры. Целый ряд заслуженных ленинградских медиевистов – О.А. Добиаш-Рождественская, Е.Ч. Скржинская, М.А. Тихонова – были привлечены М.А. Гуковским к сотрудничеству в Институте истории науки и техники. Кто-то сумел пристроиться в МИФЛИ, кто-то – в РАНИОН.

При этом научная жизнь не замерла. По инерции продолжали проводиться семинарские занятия. Они вернулись в домашний формат, при этом утратили учебно-методический характер и превратились в полноценные научные собрания, вдобавок сделались важным элементом сохранения собственно академических коммуникаций – за отсутствием иных возможностей. На протяжении 1920-х гг. вышло довольно много публикаций по истории западноевропейского Средневековья, в основном научно-популярных, но написанных настоящими профессионалами. Сохранялись и зарубежные контакты. Благодаря им в 1928 г. Е.Ч. Скжинская опубликовала в Италии сборник документов по истории генуэзских колоний в Крыму [40]. В те же годы О.А. Добиаш-Рождественская несколько раз выезжала на стажировки во Францию и Германию. Случались защиты диссертаций. Так, в 1929-м А.И. Неусыхин блестяще защитил кандидатскую по теме «Общественный строй древних германцев», вскоре опубликованную в виде монографии [23].

Пожалуй, самая громкая научная дискуссия 1920-х гг. связана с переизданием в 1928 г. книги Петрушевского «Очерки экономической истории Западной Европы», за которое Дмитрия Моисеевича обвинили в допшианстве. Но для автора тогда все закончилось относительно благополучно. Петрушевский стал академиком, более того, первым медиевистом в СССР, удостоившимся этого звания, преподавал в МГУ.

Историю Средних веков на время вытеснили из высшей школы. Но это происходило в рамках более широкого

процесса наступления на общественные науки. Например, в начале 1930-х в МГУ были ликвидированы все гуманитарные факультеты. Однако известный запас прочности у сообщества был и в принципе его хватило, чтобы пережить смутные времена, благо этот период оказался коротким.

Все резко изменилось в 1934 г., после выхода постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Были восстановлены истфаки в Московском и Ленинградском, затем Горьковском университетах, где начали массово готовить учителей истории в школах. Там же появились специализированные кафедры истории средних веков. В МГУ ее возглавил Е.А. Косминский, в ЛГУ – О.Л. Вайнштейн.

Спустя два года был образован Институт истории АН СССР, который на первых порах возглавил Николай Лукин. В рамках Института появился Сектор истории Средних веков. В 1937-м в него вошли Е.А. Косминский, А.И. Неусыхин, Н.П. Грацианский. Вскоре к ним присоединились А.Д. Удальцов, С.Д. Сказкин, М.М. Смирин, Д.М. Петрушевский. Сектор очень быстро стал главным центром советской медиевистики, он остается таковым и сегодня.

Перед историками на государственном уровне была поставлена задача борьбы с буржуазной наукой, но прежде всего –осмысления прошлого человечества в соответствии с марксисткой теорией общественно-экономических формаций. В этой схеме, как известно, была и феодальная формация, которая по умолчанию смыкалась с историей Средневековья, и медиевисты вдруг оказались чрезвычайно востребованными. Особенно те, кто занимался практическими исследованиями, а не теоретическими обобщениями. Ровно потому, что эту предельно общую социологическую конструкцию нужно было насытить конкретикой. К этому добавились и потребности текущего момента, а именно, необходимость идеологического противостояния немецкому фашизму и немецким историкам как его носителям.

История Средних веков занимала здесь особое место, ведь «Средние века – это излюбленная область кликушеских извращений фашистских историков, преследующих политическую цель приспособления истории средневековья для обоснования притязаний Третьего рейха на господство над народами Запада и Востока Европы» [13:6].

В университетах повсеместно была внедрена система семинарских занятий, что потребовало создания учебных пособий и они массово выходят в 1930-е гг. [34; 3; 22; 1; 25; 11]. Кроме того, оперативно публикуется серия монографий [например, 21; 32], к сожалению, иногда в ущерб качеству, как это произошло с книгой Н.П. Грацианского о бургундской деревне [9]. Идет интенсивная работа над десятитомником «Всемирной истории».

Медиевистика как самостоятельная научная дисциплина очень быстро оформилась институционально. Появились кафедры истории Средних веков, утвержденные государством программы обучения и разработанные на их основе полноценные школьные и университетские курсы, многочисленные пособия, учебники, научная специализация, аспирантура, кандидатские и докторские степени, наконец, специализированное издание «Средние века». О системности работы по созданию в СССР узкопрофессиональной научной периодики говорит тот факт, что в 1937 г. начал издаваться «Вестник древней истории», а в 1947-м увидел свет «Византийский временник».

Первый номер журнала «Средние века» вышел в 1942 г. и открывался программной редакционной статьей «О задачах советской исторической науки в области изучения средних веков» [13:3-6], цитату из которой я привел выше. Речь шла о необходимости пересмотра в свете марксизма-ленинизма всей истории Средневековья. Также был намечен список из 12 тем, требующих первоочередного исследования:

1. Этногенез народов Западной Европы (кельты и германцы).

2. Готы в Причерноморье и другие вопросы, связанные с историей СССР (например, аланы на Востоке и на Западе; гунны и авары в Западной Европе; генуэзские и венецианские колонии в Причерноморье).

3. Варварское государство и формы его феодализации.

4. Образование средневековых империй (империя Карла Великого и империя Отгонов).

5. Социальные основы сословной и абсолютной монархий на Западе.

6. История крестьянства в средние века.

7. История средневекового города и средневекового бюргерства; движения городского плебса.

8. Возникновение предпролетариата в конце средних веков.

9. История средневековой церкви и папства; средневековые «еретические» и реформационные движения.

10. История социально-политических учений в средние века.

11. История международных отношений в средневековой Европе.

12. Возникновение наций и национальных культур в Западной Европе.

За последующие полвека все эти темы были отработаны, пусть и с разной степенью основательности. Первенство в развитии медиевистики перешло от Петербурга к Москве – в столице концентрировались лучшие кадры, здесь создавались масштабные исследовательские проекты, требовавшие привлечения большого количества интеллектуальных и материальных ресурсов. Зато в Ленинграде удивительным образом сохранялась возможность заниматься наукой в дореволюционном смысле слова – с акцентом на источниковедение и другие специальные исторические дисциплины, необходимые для работы с рукописями и разнообразным архивным материалом. Свидетельством тому является творческое наследие О.А. Добиаш-Рождественской, А.А. Аннинского, А.Д Люблинской, Е.Ч. Скр-

жинской [39; 2]. Еще какая-то часть опытных медиевистов предпочла уехать в провинциальные вузы, где в отличие от Москвы и Питера делать карьеру было немного проще, а иные возглавили там кафедры и даже основали собственные школы, например, как С.М. Стам, создавший в Саратове ведущий центр по изучению средневекового города.

Все это формировало профессиональную среду, которая на внешнем контуре решала идеологические задачи государственного уровня, а на внутреннем занималась воспроизводством кадров, в том числе, исследователей в строгом смысле слова.

Важно отметить, что никогда ранее медиевистика в России не находилась в таких специфических условиях. До революции историки были вполне свободны в выборе тем для исследования и подготовки диссертаций. Разумеется, они в какой-то степени реагировали на общественную ситуацию в стране. Отсюда, например, интерес некоторых ученых к аграрной истории и формам крестьянской зависимости, к истории парламента, городского самоуправления. Но вместе с тем было написано довольно много, если не подавляющее большинство, работ, никак не связанных с текущими российскими реалиями. Вдобавок не существовало никакого единого центра организации науки. Ни Министерство образования, ни тем более Академия наук на эту роль не претендовали. Научная периодика была развита чрезвычайно слабо, равно как и межуниверситетские коммуникации.

Теперь же перед сообществом медиевистов на государственном уровне четко ставились задачи, которые необходимо было решать; обозначался круг приоритетных тем, в рамках которых следовало вести исследования; формулировалось общетеоретическое основание для таких исследований; выстраивалась организационная вертикаль; создавались рабочие места; выделялось приличное финансирование. Думаю, не будет большим преувеличением сказать, что именно благодаря этому медиевистика в России

и превратилась в полноценную и очень развитую отрасль исторической науки, а медиевисты получили уникальную возможность стать тем самым академическим «спецназом».

Для профессионального сообщества это был совершенно новый опыт, который сочетал в себе и негативное, и позитивное начало.

К негативным моментам можно отнести, во-первых, то, что за бортом остался целый ряд тем и направлений, ключевых для изучения средневекового общества, например, богословие, история рыцарства, университетов, монашеских орденов. Во-вторых, для приоритетных тем, обозначенных в упомянутой редакционной статье «Средних веков», изначально задавался исследовательский вектор, что до известной степени ограничивало творческую самостоятельность.

В качестве негативного момента обычно указывают на то, что советская медиевистика была оторвана от мировой. В какой-то мере это действительно так. Тем не менее, разрыв никогда не был полным, контакты – личные и институциональные – сохранялись, советские историки участвовали в международных конгрессах, книги из-за рубежа попадали в советские библиотеки, а с определенного момента стали предметом постоянных и очень качественных реферативных обзоров, выходивших в ИНИОН, монографии советских ученых, особенно в послевоенный период, публиковались на Западе, а западных ученых переводились в СССР. Обязательная критика недостатков буржуазной науки, как бы к этому ни относиться, объективно способствовала знакомству советских историков с передовыми идеями западной науки. Советская медиевистика очевидно была другой. Но именно этим, как кажется, она и была интересна вовне. Этот интерес подпитывался и тем весом, авторитетом и влиянием, которые имел СССР на международной арене.

Наряду с негативными были и позитивные моменты. Жесткие идеологические и институциональные рамки

объективно создавали вполне комфортную среду для развития медиевистики, стимулировали творческую активность. Порой, но далеко не всегда, это происходило принудительно. Однако нынешняя практика отработки грантов зачастую оставляет исследователю куда меньше пространства для свободного научного поиска.

Сформировалась полноценная корпорация, которая сама себя воспроизводила и аккумулировала лучшие интеллектуальные силы, а в итоге, кажется, единственная, даже сформировала собственную «культуру памяти». Было написано внушительное число весьма качественных исследований, которые объективно способствовали серьезному приращению научного знания. Были реализованы крупные коллективные научные проекты, совершено немыслимые в дореволюционную эпоху. Например, в 1957–1958 гг. вышли III и IV тома «Всемирной истории», в 1985–1986 гг. опубликована трехтомная «История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма». Государство не только щедро финансировало корпорацию, но также взяло на себя функцию распространения накопленных знаний: научные книги публиковались большими тиражами, продавались в магазинах и централизованно рассылались в библиотеки по всей стране. Сегодня об этом приходится только мечтать.

При этом идеологический контроль за медиевистами объективно оказался менее жестким, чем за историками других направлений, особенно заметным это стало после XX съезда партии. Истоки «феномена Гуревича» в его академическом и общественном измерении, равно как и того, что позднее назовут «неофициальной наукой» в СССР [20:132], кроются именно здесь.

Наконец, во второй половине XX в. медиевистика очевидно стала модной. Думается, что в значительной степени это было следствием ее небывалой популярности на Западе, прежде всего, благодаря Школе «Анналов». И тем не менее, советские медиевисты тоже ощущали себя подлинной научной элитой страны.

А потом все кончилось…

Не сразу, но довольно быстро державший советскую медиевистику скелет был разрушен. Причем разрушен не изнутри, как бы историкам ни хотелось приписать себе заслугу в ниспровержении ненавистной марксисткой идеологии, а снаружи. Историков ни о чем не спросили, их просто поставили перед фактом, что отныне все будет иначе. В 1991 г. марксизм отменили, причем, в буквальном смысле слова. Но вместе с этим государство отказалось от всего, что на протяжении десятилетий цементировало корпорацию – от идеологического заказа, от выбора приоритетных тем, от распространения знаний, от финансирования. Историки сегодня публикуют книги мизерными тиражами, часто бесплатно либо за свой счет, а в университетские библиотеки эти работы не доходят.

Образовалась пустота, которая довольно быстро была заполнена потоком идей и теорий, хлынувших с Запада. Никогда еще русские медиевисты так жадно не впитывали чужие идеи. Со своими – оригинальными – дело обстояло сильно хуже. Казалось, что наступил долгожданный плюрализм, оковы пали и теперь все будет по-другому, историки, наконец, заживут в полную силу и сделают науку великой. Не получилось. За последние 30 лет в стране не появилось ни оригинальных научных школ, ни самостоятельных научных направлений, ни даже сколько-нибудь влиятельных научных центров. При этом общий уровень подготовки русских медиевистов до сих пор остается весьма высоким, но этого, как выяснилось, самого по себе недостаточно.

Главная проблема в том, что с отказом от марксизма и в целом от комплексного подхода к изучению общества русская медиевистика утратила свое лицо, которое у нее безусловно было. Стремясь стать полноправной частью западной науки, она очень быстро сделалась периферийной – перестала предлагать свое и начала пассивно потреблять чужое. Интеллектуальные центры этой науки, формирую-

щие смыслы и задающие тренды, находятся не в Москве и даже не в Париже или Берлине, а, например, в Мичигане или Северном Техасе. Стоит только взглянуть на список крупнейших международных конференций по истории Средних веков, быстро убеждаешься, что львиная их доля приходится не на Европу, а на США и Канаду.

Все лучшее, что эти центры могли забрать из России, они забрали, в том числе перспективную молодежь. То, что осталось от некогда солидной советской науки, перестало представлять для них интерес. Влиятельный некогда конкурент самоустранился, добровольно сдал свои позиции, стал неопасен и бесполезен.

Сегодня государство как основной заказчик и финансист не формулирует прямо, зачем ему нужны медиевисты, тем более в таком явно избыточном количестве, что они делают, какой продукт производят и для чего его можно использовать. Прямым следствием этого стало медленное, но верное и, вероятно, необратимое сокращение пространства медиевистики – закрываются кафедры, уменьшается количество мест в аспирантуре и количество диссертаций, урезается грантовая поддержка исследований, сокращается финансирование публикаций и стажировок.

Корпорация перестает заниматься самовоспроизводством, что она довольно эффективно делала на протяжении нескольких поколений. Число медиевистов неуклонно сокращается, постепенно возвращаясь к дореволюционному уровню. Заметно меняется кадровый состав – молодые ученые, прежде всего, мужчины не видят в этой сфере возможностей для заработка и успешной карьеры, а значит уходят туда, где все это можно получить. Происходит естественный отбор, социальная реальность оказалась бессильна перед самым обычным биологическим процессом.

Среди тех, кто остается в профессии, все больше людей переключается на работу с переводами – которые никогда не были для медиевистов сколько-нибудь важным видом профессиональной деятельности. Теперь все изменилось,

создание комментированных переводов становится реальной альтернативой собственно научным изысканиям, и это можно рассматривать, как внешнее проявление глубокого внутреннего кризиса целой отрасли [26].

Справедливости ради следует отметить, что серьезные объективные проблемы есть и на внешнем контуре. Назову лишь некоторые. Во-первых, повсеместно заметна утрата интереса к теоретическим обобщениям, к постановке больших проблем и созданию синтетических исследований, которые описывали бы фундаментальные принципы развития разных общественных систем.

Во-вторых, отказ от больших идеологий, обернувшийся методологическим плюрализмом, неизбежно привел к стремительной фрагментации исторического знания. Как следствие, наблюдается невероятный расцвет мелкотемья.

В-третьих, происходит постепенное исчезновение национальных школ и их последовательное вытеснение глобалистскими академическими структурами, которые продвигают подчеркнуто трансграничную и транскультурную повестку, например, гендер, сексуальность, насилие, климат, изменчивость, возраст, голод, эмоции. Речь не о том, что такие сюжеты не нужно изучать. Куда важнее, что их исследование никак не работает на формирование национальной и культурной идентичности. А ведь на протяжении тысячелетий история отвечала именно за это.

В-четвертых, в мировой науке накопилась запредельно критическая масса знаний, которую уже почти невозможно эффективно освоить даже в рамках относительно узкой проблематики. Вдобавок резко выросла скорость устаревания научных наработок. Как с этим справляться пока непонятно. Но ясно, что русской медиевистике такое положение вещей никак не помогает.

Что делать в такой ситуации? Прежде всего, надо попытаться ответить на вопрос – зачем в современной России нужна медиевистика, какова ее идеологическая, общественная и культурная функция? Несколько лет назад

И.С. Филиппов предпринял попытку сформулировать проблему в схожем ключе, но реакции на это не последовало [33].

Думается, что здесь была бы полезна широкая дискуссия внутри корпорации, а круг вопросов мог бы быть, например, таким. Как медиевисты определяют свое место в современном российском обществе? Пока, насколько можно судить, ответ на этот вопрос лежит почти исключительно в поле персональных жизненных стратегий, но не корпоративных решений.

Какой продукт и для чего медиевисты могут создавать в перспективе? Не факт, что это непременно должна быть история западноевропейского Средневековья или средневековая история в том виде, в каком мы ее знали до недавнего времени. Возможно, мы в том или ином виде вернемся к формату всеобщей истории или к формированию общегуманитарного знания на стыке истории и, например, литературы, философии, искусствоведения.

В какие форматы медиевисты могли бы упаковывать свой продукт, чтобы сделать его максимально привлекательным для широкой аудитории? Какие каналы коммуникаций использовать для его наиболее эффективного продвижения? Очевидно, что наиболее перспективными площадками сегодня являются соцсети и мессенджеры, но их аудитория предъявляет строго определенные и очень специфические требования к контенту – медиевисты пока плохо с этим справляются, зачастую даже не представляя себе особенности медиапотребления интернет-пользователей.

Кто сегодня мог бы выступить заказчиком, а в идеале и спонсором такой продукции, с одной стороны, и потребителем – с другой?

В зависимости от ответов станет понятно, какие компетенции потребуются медиевисту, а также где и как именно их следует формировать. Не факт, что компетенции останутся прежними, а выращивать новых виноградовых, петрушевских или гуревичей будут непременно на истфаках

университетов, а не в каких-нибудь интеллектуальных инкубаторах типа «Сколково» или «Сириуса». Впрочем, эти моменты, хоть и важные, все-таки инструментальные.

Что касается главного вопроса, то пока более или менее понятно только одно – весь предшествующий опыт говорит о том, что в России вне государства и без государства никакая медиевистика, равно как историческая наука в целом, не существовали и существовать, по всей видимости, не могут. В России данная отрасль знания всегда была вспомогательным инструментом для решения других – не сугубо научных и даже не сугубо исторических, но внешних по отношению к ней – задач. Если русская медиевистика хочет выжить, она должна найти возможность приносить ощутимую пользу своей стране.

Литература

1. Агрикультура в памятниках западного средневековья / пер. и коммент. под ред. *О.А. Добиаш-Рождественской и М.И. Бурского*. М.; Л., 1936.
2. Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии наук СССР / Подготовил к изд. *С.А. Аннинский*; предисл. *О.А. Добиаш-Рождественской*. М.; Л., 1937.
3. Английская деревня XIII–XIV вв. и восстание Уота Тайлера / Сост. *Е.А. Косминский, Д.Н. Петрушевский*. М.; Л., 1935.
4. *Антощенко А.В., Свешников А.В.* Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллективная монография в честь профессора И. М. Савельевой. М., 2012. С. 138-160.
5. *Виноградов П.Г.* История средних веков. Курс лекций, читанных в весеннем семестре 1886/1887 ак. г. М., 1889.
6. *Виноградов П.Г.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911.
7. [*Герье В.И.*] Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 424-440.
8. *Грановский Т.Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1987.

9. *Грацианский Н.П.* Бургундская деревня в X–XI вв. М.-Л., 1935.
10. *Дильтей Ф.Г.* Первыя основания универсальной истории с сокращенною хроналоги: В пользу обучающегося российского дворянства. [Москва]: Тип. Моск. имп. ун-та, 1762, 1763, 1768. Ч. 1–3.
11. Древние германцы: Сборник документов / сост. *Б.Н. Граков, С.П. Моравский и А.И. Неусыхин*; вводная ст. и ред. *А.Д. Удальцова*. М., 1937.
12. *Егоров Д.Н.* Славяно-германские отношения в середине века: Колонизация Мекленбурга в XII в. Т. 1-2. М., 1915.
13. Задачи советской исторической науки в области изучения средних веков // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 3-6.
14. *Зарецкий Ю.П.* Всемирная история Ильи Копиевского (Перевод, истолкование, компиляция, адаптация, трансляция европейского исторического знания в Россию) // История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М.А. Юсима). М., 2021. С. 447-467.
15. *Зарецкий Ю.П.* Российская картина Средневековья в контексте социальной истории // Средние века. 2022. Вып. 83 (3). С. 31-53.
16. *Кайданов И.К.* Руководство к познанию всеобщей политической истории. СПб, 1837 (6-е изд.).
17. *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии. Пг., 1915.
18. Книга для чтения по истории средних веков (составленная кружком преподавателей под ред. *П.Г. Виноградова*). В 4 частях. М., 1896–1899.
19. *Копиевский И.Ф.* Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тесинга, 10 апреля 1699.
20. *Копосов Н.* (при участии Ольги Бессмертной). Юрий Львович Бессмертный и «новая историческая наука» в России // Homo historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. Кн. 1. М., 2003. С. 122-160.

21. *Косминский Е.А.* Английская деревня в XIII в. М.-Л., 1935.
22. Немецкий город XIV–XV вв.: Сборник материалов / вводная ст., подбор материала, пер., прил. и коммент. *В.В. Стоклицкой-Терещекович*. М., 1936.
23. *Неусыхин А.И.* Общественный строй древних германцев. М., 1929.
24. *Осокин Н.А.* История средних веков. В 2 томах. Казань, 1888–1889.
25. Памятники истории Англии XI–XIII вв. / пер. и введ. *Д.М. Петрушевского*. М., 1936.
26. *Сидоров А.И.* Антикризисная вакцина: зачем медиевисты переводят и публикуют свои источники (заметки на полях читательской конференции журнала «Средние века») // Средние века. 2022. Вып. 83 (1). С. 38-55.
27. *Скворцов А.М.* Становление системы домашних семинаров в России: «вечерние беседы» М.С. Куторги // Pax Britannica: история Британской империи и создание ею мира (сборн. научных работ к 60-летию профессора В. В. Грудзинского). Челябинск, 2016. С. 168-182.
28. Средневековье в его памятниках / пер. Н.А. Гейнике, Д.Н. Егорова, В.С. Протопопова и И.И. Шитца; под ред. *Д.Н. Егорова*. М., 1913.
29. *Стасюлевич М.М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. В 3 т. СПб.: в типографии Иосафата Огризко, 1863–1865.
30. *Стасюлевич М.М.* Общий курс истории средних веков (от падения З. Р. империи в 476 г. по Р. Х. до падения В. Р. империи в 1453 г.) СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1856.
31. *Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». М., 2015.
32. *Удальцов А.Д.* Из аграрной истории каролингской Фландрии. М.-Л., 1935.
33. *Филиппов И.С.* Что может дать российская медиевистика современному обществу? // Средние века. 2022. Вып. 83 (3). С. 8-30.
34. Французская деревня XII–XIV и Жакерия: Документы /пер., вводная ст. и прим. *Н.П. Грацианского*. М.; Л., 1935.

35. *Фрейер И.* Краткая всеобщая история, с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории: Для употребления учащегося юношества с немецкаго на российской язык переведена, исправлена и умножена при Императорском Московском университете. [Москва]: Печатана при оном же Университете, 1769.
36. *Цыганков Д.А.* В.И. Герье и Московский Университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2008.
37. *Шрек И.* Древняя и новая всеобщая история, дополненная кратким повествованием о последних событиях нашего времени. В 3 ч. Санкт-Петербург: тип. А. Смирдина, 1836 (7-е изд.).
38. Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924 гг.). СПб., 2020.
39. *Dobias-Rozdestvenskaja O.* Histoire de l'Atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les corbeienses Lenipolitani. Leningrad: Acad. des sciences de l'URSS, 1934.
40. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava). Genova, 1928.
41. *Winogradoff P.* Die Freilassung zu voller Unabhängigkeit in den deutschen Volksrechten // Forschungen zur Deutschen Geschichte. Bd. XVI. 1876. S. 599-608.

Матвей Евгеньевич Яковлев

МЕДИЕВИСТИКА: ОСОБЕННОСТИ ДИССЕРТАЦИЙ

Аннотация: Статья посвящена актуальным тенденциям в отечественной медиевистике. На материале докторских диссертаций автор выделяет существующие направления исследований и характеризует проблематику диссертаций историков-медиевистов, а также прослеживает влияние на характер защищаемых работ процесса разрушения единого терминологического аппарата.
Ключевые слова: историческая наука, медиевистика, Средние века, диссертационная культура.
Об авторе: Яковлев Матвей Евгеньевич, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, 119334, Ленинский проспект, 32а. mattyakovlev@gmail.com.

Современная историография всё чаще обращается к различным формам профессиональной рефлексии – концептуальным обобщениям относительно сущности дисциплин и субдисциплин истории, характеризующих тенденции в рамках исторической науки как таковой [13]. Подобная практика характерна для самых разных исследовательских направлений и многократно отражена в научных изданиях [14] затрагивающих различные хронологические пласты [15]. Особенно интересным комплексом источников для такого типа анализа нам представляются диссертации на соискание степени доктора исторических наук. Ведь согласно «Положению о присуждении ученых степеней и званий» в каждой такой работе «автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, либо решена научная проблема, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие

страны» [3]. В рамках данной статьи мы попытаемся проанализировать диссертации по истории Средних веков, защищенные в 2014–2021 гг., то есть с реформы ВАК до реформы системы научных специальностей. На основе этих работ мы дадим характеристику тематическим приоритетам и исследовательским практикам медиевистов.

Всего по средневековой истории в 2014–2021 гг. защищены 18 работ, однако, нами подробно рассмотрены будут только восемь – за вычетом диссертаций по археологии, историографии, истории Восточной Азии, как имеющих собственную специфику и проблемные поля. Оставшиеся диссертации отличаются широтой хронологического и географического охвата – две посвящены международным отношениям государств Восточной Европы с Русью/Россией, две – крестоносному движению, одна – Англии, одна – Византии, одна – истории турок-сельджуков и одна – мудехарам Арагона.

Как объясняют сами исследователи подобные тематические приоритеты?

Историки, изучающие Крестовые походы, используют в качестве аргумента прежде всего историческое значение рассматриваемых событий. Как отмечает С.В. Близнюк, Крестовые походы были крупнейшей миграцией европейского населения со времен Великого переселения народов и до открытия Нового Света [6:4]. В.Л. Портных утверждает, что Крестовые походы положили начало практике священных войн, развивавшейся вплоть до Нового времени [9:6]. Русисты чаще предпочитают иную стратегию обоснования актуальности, акцентируют внимание на том, что заполняют существующие в современной историографии белые пятна. Так, М.К. Юрасов указывает на то, что российские историки, изучающие средневековую Венгрию, зачастую поверхностно знакомились с трудами венгерских ученых, а венгерские историки не были осведомлены о новейших исследованиях русского летописания, проливающих свет на общие сюжеты в истории двух стран [12:5]. В меньшей

степени в диссертациях медиевистов представлена наиболее распространенная общественно-политическая модель обоснования актуальности. Например, И.И. Шилова-Варьяш называет в числе причин значимости своего исследования о мусульманах Арагона то, что современный мир еще не нашел удовлетворительного способа наладить общее для европейской и исламской цивилизаций правовое взаимодействие [11:8]. А.Г. Праздников обосновывает научный интерес к «Войнам Роз» актуальностью этой темы для современной мировой культуры [10:9-11].

Своего рода серединой между общественно-политической и професионально-тематической моделями объяснения является диссертация В.В. Василика, где используются оба типа обоснования – наряду с указанием на значимость для византинистики каждого нового вводимого в научный оборот источника, автор обосновывает актуальность работы «духовно-культурным кризисом человечества» [7:3]. При этом, несмотря на использование медиевистами в том числе общественно-политического типа обоснования актуальности исследования, интерес к переброске моста между прошлым и современностью не следует переоценивать – так, в отличие от ряда историков, изучающих Новую и Новейшую историю, медиевисты не считают ни желательным, ни даже возможным включить в работы «уроки истории» или «рекомендации государственной власти».

Интерес представляет также методология диссертационных исследований. Не вызывает удивления то, что медиевисты ссылаются в качестве методологии на принцип историзма. Куда интереснее стремление историков «дорабатывать» определение данного принципа исходя из проблематики собственного исследования. Так, С.В. Близнюк приводит определение историзма И.Д. Ковальченко [6:32], В.Л. Портных – Д.С. Лихачева [9:31]. В то же время И.И. Шилова-Варьяш [11:11] и В.М. Запорожец [8:13] дают собственные определения, основанные на классических, но частично измененные, чтобы подчеркнуть многофак-

торность и изменчивость исторического процесса. Иногда термин и вовсе произвольно видоизменяется без видимой причины, так, у М.Б. Бессудновой фигурирует «диалектический историзм», но вот определение этого редкого термина далеко от данного его автором Э.В. Ильенковым, напротив, под диалектическим историзмом понимается обычное определение «принципа историзма», восходящее к И.Д. Ковальченко [5:12].

В.В. Василик же скорее следует в русле школы М.А. Барга, представляя историзм не в качестве принципа работы историка, но в качестве одного из свойств источника [7:34]. Таким образом, можно констатировать, что при сохранении формального единства терминологии, существуют расхождения в понимании медиевистами даже основного методологического понятия. Эта тенденция в целом характерна для докторских диссертаций и не является специфической для рассматриваемой субдисциплины.

Подобная неопределенность в области терминологии может показаться малозначимой, если бы не указывала на высокую долю историографических штампов в формулировке историками собственной методологии.

Так, диссертация М.Б. Бессудновой лишена ссылок на классиков психоистории, хотя создана в рамках именно этого направления – работа фактически посвящена доказательству определяющей роли характера и мировоззрения Ивана III в развитии русско-ливонских отношений и формированию в Ливонии образа «русской угрозы». При этом действия ливонцев М.Б. Бессуднова объясняет правовой традицией и «непониманием» поведения «московской автократии», зачастую общающейся с внешним миром посредством ультиматумов [5:349]. Практически все действия Москвы объясняются с точки зрения психологии великого князя – задетого самолюбия, мстительности, высокомерия [5:350-353] – вопреки устоявшимся в отечественной науке представлениям о целенаправленности московской политики в этот период. К объективным истокам кон-

фликта М.Б. Бессуднова относит саму пространственную близость столь разных моделей общественного сознания, какими были Московское государство и Ливония [5:359]. В то же время, одним из обоснований актуальности работы выступает утверждение о необходимости опровергнуть представление об исторической обусловленности противостояния России и Запада [5:6].

Еще дальше в фактическом, но не декларируемом историческом идеализме заходит В.М. Запорожец, который рассуждает о сельджуках в таких понятиях как «историческая миссия», коей видит победу над крестоносцами и спасение ислама как религии [8:428], а также «необратимый этнорелигиозный процесс» тюркизации и исламизации населения Малой Азии [8:12]. Автор доказывает, например, раннее происхождение названия «Турция» [8:311], турецкое происхождение доступных для всех медресе [8:318], численность армий Второго крестового похода в миллион человек [8:279] и направленность похода на «уничтожение ислама как религии» [8:427-428], существование у турок цеховой системы ремесленного производства [8:323], совершенство военной организации Сельджуков [340], превосходство в тактике сельджукских военачальников [8:342]. Поражение сельджуков от монголов объясняется исключительно слабостью личности правящего султана, отдельно указывается, что оно не привело к деградации социальной жизни, а отдельные бейлики, на которые распалась страна, «жили как во времена ее расцвета» [8:377, 405]. Успехи Османов объясняются тем, что им удалось воспроизвести совершенную сельджукскую военную организацию. Хотя термин «модернизация» в диссертации не используется, турецкая экспансия явно понимается в работе как исторический шаг вперед, противопоставляется угасающей, «небоеспособной» Византии [8:261]. Отметим, что указанные выводы В.М. Запорожца носят настолько авторский характер, что в отзыве на диссертацию, составленном сотрудниками Института восто-

коведения РАН, не только приводится масштабная критика всех этих положений, но и делается итоговый вывод о несоответствии диссертации В.М. Запорожца требованиям к диссертациям на соискание степени доктора исторических наук [1]. Однако, оппоненты С.А. Васютин, Е.А. Резван и Т.И. Султанов пришли к иному выводу несмотря на то, что отметили в работе ряд принципиальных недостатков.

Даже процедура обращения с историческим источником оказалась не свободна от экспериментов. Так, В.Л. Портных принес в работу с источниками метод попарного сличения списков и неолахмановский метод Анри Кентана [9:47], использовавшиеся прежде всего в библеистике и предполагающие вместо опоры на конкретный список, например, при переводе источника, конструирование текста на основе различных списков. Оппонент, упомянутая выше М.Б. Бессуднова, отнесла применение такого метода с целью воссоздать утраченный протограф «Трактата о проповеди креста» Гумберта Романского к положительным сторонам работы [4]. В то же время, ведущая организация Институт всеобщей истории РАН отметила нестрогое следование В.Л. Портных терминологии вплоть до привлечения советизмов вроде понятий «генеральная линия партии» в описание крестоносного движения, с явным расчетом автора на проведение параллелей с современностью [2].

Подобные эксперименты тем более показательны, что совершаются не в статье и не в монографии, а в докторской диссертации, эталонном научном исследовании

В то же время, нельзя не отметить, что ряд работ медиевистов носит более традиционный характер. Примером может послужить работа С.В. Близнюк. Подобно В.Л. Портных, С.В. Близнюк характеризует особенности крестоносной идеи и ее изменение после Четвертого Крестового похода, но не ограничивается простой декларацией тезисов пропаганды, а указывает на конкретные исторические последствия ее применения – конфликт между

«старыми» крестоносцами Кипра и «новыми» [6:766-767], возглавляемыми Фридрихом II. Подробно освещается, как прагматизация крестоносного движения приводит к его вырождению, единственными же выгодоприобретателями Крестовых походов оказываются итальянские торговые республики, начавшие интенсивную колонизацию [6:771-772]. В свою очередь формы этой колонизации отличались. Так, эксплуатационная колонизация генуэзцев привела к постепенному угасанию колонии на Кипре, вылившемуся сперва в передачу республиканских владений частным лицам, а потом и в оставление Фамагусты, являвшейся центром распространения генуэзского влияния. Напротив, венецианский подход, основанный на врастании колонии в экономику Кипра, приводит к расширению венецианской колонии, а потом и вовсе к включению Кипра в состав республики [6:776-777].

Другим примером традиционализма в историческом исследовании может выступать работа И.И. Шиловой-Варьяш. Исследовательница убедительно показывает, как исламское право в виде «обычаев мусульман» вошло в правовую практику земель Арагонской короны. Мусульмане стремились решать возникающие в умме конфликты исходя из норм шариата, и развитие королевского права не уничтожило совершенно эту склонность, а лишь ограничила ее частноправовыми вопросами [11:499-503]. В то же время, в землях Арагонской короны происходит постепенная изоляция шариата через использование христианской риторики в качестве юридической. Обычаи мусульман, таким образом, начинают выглядеть в глазах судей-христиан преступлением против христианства и постепенно начинают ограничиваться рядом законов, например, предписывающих мусульманам носить определенную одежду или запрещающих созыв на молитву [11:506].

Немалый интерес представляют собой работы В.В. Василика, А.Г. Праздникова, М.Г. Юрасова.

Работа В.В. Василика вводит в научный оборот ряд новых источников – византийские богослужебные тек-

сты. Автор последовательно доказывает существование в таких текстах преднамеренно заложенного политического высказывания и на основе источников, понятых таким образом, переосмысливает ряд важнейших событий византийской истории, например, впервые в отечественной историографии характеризуя восстание Ника как мятеж нехристианского населения Константинополя [7:555] или внося существенный вклад в дискуссию о территориальных пределах византийского миссионерства [7:559]. Также богослужебные тексты содержат в себе тезисы «имперского хилиазма» – византийской идеологии, основанной на восприятии империи как тысячелетнего царства Христова на земле [7:567]. Отдельно отмечается роль духовных текстов как источников для изучения войн, стихийных бедствий и даже частной жизни населения Византии [7:569].

А.Г. Праздников обращается к методам социальной истории, прежде всего просопографическому, для лучшего понимания противоборствующих сторон в «Войнах Роз». Так, на основе анализа 1123 имен упомянутых в источниках участников событий и установления их социального статуса, исследователь доказал существование двух поколений участников «Войн Роз», из которых только 5,3% сражались в битвах на протяжении всего конфликта [10:380]. На основании статистических данных А.Г. Праздников делает ряд выводов о ходе конфликта (точнее, как убедительно доказывается в диссертации – конфликтов) и его последствиях. Так, при наличии 108 титулов британских лордов, а в ходе войн такой титул носили 187 человек, за время смут были казнены 53 лорда и еще 46 лишены прав. Из 6 герцогских династий были уничтожены 4, из 17 графских – 6 [10:382]. Выделен историком и главный выгодоприобретатель войн – выжившие лорды, получившие более высокие титулы и занявшие место у трона [10:382]. Работа опровергает стереотипное представление о «Войнах Роз» как времени повсеместного предательства – на протяжении всех рассматриваемых событий 97% участников оставались верны своей стороне и лишь 34 человека

ее меняли [10:386]. Доказывается тезис о «феодальном характере войны», а также ее общенациональном значении.

М.Г. Юрасов в своей работе утверждает тезис о существовании тесных русско-венгерско-польских взаимоотношений в домонгольский период [12:594]. Тезис этот основывается как на скрупулезно подсчитанных многочисленных династических браках, так и на активном участии правителей во внутренних делах друг друга в том числе на уровне русской диаспоры в Венгрии. При этом, все государства находились в поле геополитических амбиций Византийской империи, роль которой во внутренних процессах на Руси и в Венгрии была в XI–XII вв. больше, чем принято считать в историографии [12:601-603].

Подводя итоги статьи, можно с уверенностью утверждать, что развитие медиевистики в России характеризуется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, сохраняются классические исследовательские направления и практики, породившие ряд научных достижений, особенно в области социальной истории и истории международных отношений. С другой стороны, процесс размывания общего терминологического поля и реактуализация ряда исследовательских подходов историографии приводит к широкому распространению методологических экспериментов в диссертациях (нередко не декларируемых на уровне методологического раздела) и, как следствие, получению выводов, носящих ярко выраженный авторский характер, а не представляющих собой консенсус сообщества историков или хотя бы большинства специалистов по теме. «Экспериментальные» работы несут на себе яркий оттенок презентизма, то есть познания истории, исходя из идеологических концепций современности. Разобранные выше тезисы об исторической миссии турок, сходстве крестоносного движения с коммунистическим или – исторической вине Ивана III в развязывании конфликта России и Запада, могут выступать как раз примерами презентистского взгляда на историю. Отношение к этой второй тенденции

в профессиональном сообществе неоднозначно, что приводит в том числе к активным дискуссиям на защитах, отраженным в отзывах оппонентов и ведущих организаций. Обе тенденции соответствуют положению в исторической науке в целом и отражают изменения в профессиональной культуре, представлениях о допустимом и недопустимом в квалификационной работе.

Литература

1. Отзыв, составленный сотрудниками ИВ РАН (г. Москва) к.и.н. Виталием Владимировичем Прудниковым, к.и.н. Дмитрием Михайловичем Тимохиным, к.и.н. Тишиным Владимиром Владимировичем. Электронный ресурс. Режим доступа http://www.orientalstudies.ru/rus/images/stories/misc/Zaporozhets_VM_review_thesis_Prudnikov_et_alii.pdf свободный (дата обращения 31.03.23).
2. Отзыв ведущей организации (ИВИ РАН, г. Москва), составленный д.и.н. С.И. Лучицкой. Электронный ресурс. Режим доступа https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/03/otzyv-organiz-portnyx.pdf свободный (дата обращения 31.03.23).
3. Положение о присуждении ученых степеней. Электронный ресурс. Режим доступа https://base.garant.ru/70461216/ свободный (дата обращения 15.12.23).
4. *Бессуднова М.Б.* Отзыв на диссертацию В.Л. Портных. Электронный ресурс. Режим доступа https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/03/otyv-opponent-portnyx.pdf свободный (дата обращения 15.12.23).
5. *Бессуднова М.Б.* Русско–ливонские отношения накануне Нового времени: истоки конфликта: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Рукопись. М., 2015. 437 с.
6. *Близнюк С.В.* Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Рукопись. М., 2016. 832 с.

7. *Василик В.В.* Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 24.00.01. Рукопись. СПб, 2017. 672 с.
8. *Запорожец В.М.* Роль тюрок–сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI – начале XIV века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Рукопись. М., 2017. 505 с.
9. *Портных В.Л.* Крестовые походы на Ближний Восток, 1095–1291 гг.: идейное содержание пропаганды: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Рукопись. Новосибирск, 2016. 434 с.
10. *Праздников А.Г.* Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Рукопись. Киров, 2021. 711 с.
11. *Шилова-Варьяш И.И.* Взаимодействие мусульманского и королевского права в землях Арагонской Короны в XIV в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Рукопись. М., 2017. 560 с.
12. *Юрасов М.К.* Венгрия и русские княжества в XII веке: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Рукопись. М., 2017. 627 с.
13. *Уваров П.Ю., Курилла И.И., Тихонов В.В.* [и др.]. Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. // Российская история. 2013. № 1. С. 3-32.
14. *Бобкова М.С.* Новоевропейское историописание: формирование исследовательской парадигмы / М. С. Бобкова // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, № 5(127).
15. *Мирзеханов В.С.* История XX века: многообразие историографических подходов к пониманию феномена // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 7-27.

Abstracts

I. TEXTS, AUTHORS AND READERS IN THE MEDIEVAL LITERARY CULTURE

Sergey V. Alekseev

THE IMAGE OF PAGANISM IN THE SLAVONIC-LANGUAGE LITERATURE OF THE 9TH–13TH CENTURIES

Abstract: When it comes to the image of pagan beliefs in the monuments of medieval Slavic literature, usually the attention of researchers is attracted by long and well-studied, repeatedly, variously (and contradictory) interpreted information from Old Russian sources. At the same time, information about Slavic paganism, much more small in terms of volume, is noted both in Old Slavonic texts of the 9th – 10th centuries and in medieval South Slavic literature. This article attempts to answer the following related questions: What determined the extremely low interest in the polemics with paganism among the authors of the Old Slavonic and South Slavic literary monuments known to us? How much justified are the assumptions about the unpreserved South Slavic writings as a "model" for Old Russian sermons against paganism? For what reasons did the Russian literates create a relatively consistent image of the pre-Christian religion, embodied in dozens of mostly polemical works? Why, in contrast to Scandinavian and Celtic, Slavic booklore are alien to attempts to "record" or "reconstruct" pagan myths? And, finally, how much does the information of Slavic medieval sources on this topic reflect historical realities, and how much does it reflect the "proper" picture of ancient cults, formed on the basis of the Biblical and early Christian traditions?

Keywords: Middle Ages, Old Slavonic literature, Old Russian literature, Old Bulgarian literature, Old Serbian literature, paganism.

About the author: Alekseev Sergey Viktorovich, Doctor of History, Professor, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Professor of the Department of History of the National Research Nuclear Institute MEPhI, 115409, Moscow, Kashirskoe Highway, 31; ipo1972@mail.ru

Margarita Georgievna Logutova

GEERT GROOTE (1340-1384), "FONS ET ORIGO MODERNAE DEVOTIONIS"

Abstract: The article is devoted to the religious movement that arose at the end of the 14th century and in the Netherlands and Germany, new piety (devotio moderna). This movement played a role in the formation of the humanistic model of philosophy and Protestantism. The author focuses on the fate and spiritual heritage of the founder of piety, Gert Grote, and the historical context of the formation and development of his worldview. As sources, the author uses two extant biographies of Grote and his correspondence. As the result of the author's research, we are presented with a reconstruction of the biography of one of the most significant figures for the new piety.

Keywords: Geert Grote, new piety, religious movement, Northern Europe, Germany, the Netherlands, humanism, Protestantism.

About the author: Margarita Georgievna Logutova – PhD (Candidate of Science in History), freelance researcher. m.logutova@mail.ru

II. IMAGES OF HISTORY IN ENGLAND

Elena D. Braun

THE WARS OF THE ROSES IN GILBERT ABBOTT'S "COMIC HISTORY OF ENGLAND" (1847–1848)

Abstract. Gilbert Abbott's "Comic History of England" illustrated by D. Leach is undoubtedly an original, and (in its own way) very serious text, providing readers with the fresh look at English history. One of the reasons for the extraordinary popularity of "History" was that it filled a historiographical gap, gave readers the opportunity to laugh at what by the middle of the XIX century they looked too serious, even pretentious. G. Abbott managed to "blend amusement with instruction", the book fully complies with strict Victorian morality – all slippery topics (for example, the rampant lifestyle of Edward IV York) are reasonably mitigated or ignored. The picture of the Wars of the Roses drawn by G. Abbott and D. Leach is very interesting. This text balances between two different interpretations of the conflict. XIX century's historiography rejected the "century of civil wars" and condemned recognized perpetrators of strife (Margaret of Anjou, Warwick, Richard III). Another trend is represented in popular and artistic culture, it associates with the gradual transformation of the Wars of the Roses into a kind of quintessence of the Middle Ages, the time of the last knights, adventures and intrigues; the process of justifying negative characters has also begun. G. Abbott's book can be considered as the "golden mean". "Comic History" contains softened assessments compared to historiography but describes the era of the Wars of the Roses and its heroes significantly less favorably than artists, novel writers and authors of popular works did.

Keywords: Gilbert Abbott A'Beckett, the Wars of the Roses, Henry VI, Margaret of Anjou, Edward IV, Richard III, Tudor myth, historical writing in England.

About the author: Braun Elena D. – PhD (Candidate of Science in History), Associate Professor, Department of General History, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian President Acade-

my of National Economy and Public Administration. Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82; braun-helen@yandex.ru

Marina P. Ayzenshtat

THE HISTORY IN THE PUBLISHING PRACTICE OF EARLY NINETEENTH-CENTURY BRITAIN (FROM THE MATERIALS OF "THE EDINBURGH REVIEW")

Abstract. The author analyses books market of Britain information about which published in every number Scotland journal "The Edinburgh Review". This journal began published from 1802 and soon became very popular in Britain society. There were reviews of contents of books and lists of new books, published in quarter. Books on history were the main object of author's investigation. The number of biographies and history books was stable, but there themes was different during war years. This realized in publishing contemporary history, biographies and occurrences.

Keywords: Great Britain, publishing practice, journalism, historical knowledge, "The Edinburgh Review", Napoleonic wars.

About the author: Ayzenshtat Marina P. – Doctor of History, Leading Researcher, Center for the History of Historical Knowledge, Institute of World History Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334, Leninskiy pr., 32a; m.aizen@mail.ru

Anton A. Turlygin

HISTORY OF ENGLAND THROUGH THE EYES OF A BRITISH LIBERAL IN THE MID-19TH CENTURY

Abstract. In the article British liberal reading public's views in 1850s on the history of England are examined. The source is materials on the political history of the country, published in the literary and political journal "The Edinburgh Review". The article concerns the

following questions: what things in history were more interesting for liberal reading audience? which of them caused resentment and which – admiration? what factors might have influenced on their perception of the past?

Keywords: history of Britain, images of history, quarterlies, The Edinburgh Review, liberalism.

About the author: Turlygin Anton A. – independent researcher; anton-turl@yandex.ru

III. TO THE ORIGINS OF THE SCIENTIFIC REVOLUTION OF THE MID-17TH CENTURY

Gulnara I. Bayazitova

Ivan A. Sakharchuk

ALCHEMICAL PRACTICES OF FREDERICK THE PIOUS

Abstract. In the article, we make an attempt to grasp the nature of the alchemical practices of Frederick III the Pious, Elector Palatine of the Rhine, which is based on fragments of his correspondence with François Hotman that have reached us. These evidences allow us not only to understand the matter of *Ars Regia* and its perception in Calvinist circles better, but also to shed some light on close relations of Elector Palatine with the most prominent intellectuals of the era, with the aforementioned Hotman, as well as with Joseph du Chesne and Théodore de Bèze.

Keywords: alchemy, paracelsianism, history of science, Frederick the Pious, Hotman, du Chesne.

About the author: Gulnara I. Bayazitova – PhD (Candidate of Science in History), Associate Professor, Tyumen State University. 625003 Tyumen, Volodarskogo street, 6, g.bayazitova@utmn.ru

Ivan A. Sakharchuk – independent researcher. Istanbul
les_solaires_livres@yahoo.co.uk

Ivan Aleksandrovich Sakharchuk

ON THE ALCHEMICAL WORK OF FRANÇOIS HOTMAN: CREATION, REDACTIONS, NATURE, SIGNIFICANCE

Abstract. The work of François Hotman, which is considered in the article, was first published in 1576 and is known in two redactions under two titles. We can establish from the analysis of the texts that their author shares the opinion of Joseph Du Chesne in the both natural-philosophical and alchemical views, being the strict follower of the Paracelsian doctrine. He proves the legality of alchemy through his typical work with postglossators as well as, on the contrary, in an unusual for a Huguenot manner – through references to canon law.

Keywords: alchemy, paracelsianism, history of science, history of law, postglossators, canon law, Hotman.

About the author: Ivan A. Sakharchuk – independent researcher. Istanbul. les_solaires_livres@yahoo.co.uk

IV. HISTORICAL WRITING IN CONTEXT ENCYCLOPEDISM AND COLLECTING

Mikhail D. Bukharin

SOVIET ENCYCLOPAEDISTS: N.A. KUN AND HISTORY OF ANCIENT INDIA ON THE PAGES OF THE "GREAT SOVIET ENCYCLOPEDIA"

Abstract. Soviet science in the 1930s. had to develop a class understanding of world history and demonstrate it on numerous separate examples. However, the history of ancient India turned out to be a

"crisis" direction for Soviet Oriental studies. The shortage of specialists, the scarcity of the initial principles of the methodology for studying history in terms of the class approach led to the lack of a clear presentation of the history of ancient India, despite numerous attempts. The "Great Soviet Encyclopedia" was supposed to present readers with a "correct" view of the main issues of ancient Indian history. The author of the corresponding essay was the classicist Nikolai Kuhn, whose work was mainly reduced to a retelling of the essay "India (history)", prepared in 1894 by S.K. Bulich for the Brockhaus & Efron Encyclopedic Dictionary. Surprisingly, the text of Kuhn, which is not independent at its core, was the sources of inspiration for N.A. Sholpo – the author of an essay on the history of ancient India for the first (unpublished) edition of the "World History".

Keywords: history of ancient India, intellectual history, history of text, Soviet science, history of science, encyclopedia.

About the author: Bukharin Mikhail D., chief researcher, Institute of World History RAS, Leninskiy prosp., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation. michabucha@gmail.com

The article is prepared within the framework of the project of Russian Scientific Foundations "Human sciences of the interwar twentieth anniversary in the USSR and in exile: traditions of the late imperial period and a new political context" (No. 24-18-00117).

Anna A. Kotomina

CAREFUL COLLECTING AND STRICT GROUPING: THE HISTORY OF THE ORGANIZATION OF THE TURKESTAN DEPARTMENT AT THE POLYTECHNIC MUSEUM (1872–1900)

Abstract. The article presents the results of a study of 28 years of history of the Turkestan department in the Moscow Museum of Applied Knowledge (Polytechnic). The department existed in the museum from the very first days, but was abolished around 1901. The sources made it possible to trace the stages of formation of the collection of objects collected for the department during exhibitions, expeditions

and military campaigns. Changing political and cultural contexts forced museum staff to repeatedly rethink the concept of the department. The reports of the museum and the minutes of the meetings of its Committee make it possible to find out how a department that "does not correspond to systematization" was included in the museum, in what words the goals of its creation and the motives of the participants in the process were formulated, what models its creators were guided by when presenting new territories to the public and their residents. As far as we have been able to trace, changing generations of Committee members have left the same approach to making decisions regarding collections; only the external circumstances in which they had to act have changed.

Keywords: Polytechnic Museum in Moscow; policy of the Russian Empire in Central Asia; Imperial Society of Amateurs of Natural History, Anthropology and Ethnography; history of museum exhibition techniques; material history of knowledge

About the author: Kotomina Anna A. – PhD (Candidate of Science in History), Polytechnic Museum, 101000, Moscow Novaia Squ. 3/4. akotomina@yandex.ru

V. FROM THE HISTORY OF HISTORICAL SCIENCE

Alexander I. Sidorov

MEDIEVAL STUDIES: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW…

Abstract. For most of the twentieth century, medieval studies played an important and even leading role in the formation of historical knowledge in Russia. However, today it is rapidly losing its former positions and turning into a peripheral scientific discipline. Medieval studies are marginalized, despite the fact that it is based on a long tradition, a solid scientific foundation, developed institutions and qualified personnel. The article attempts to understand why this happened,

how irreversible this process is and whether it is possible to find a solution to this problem, based on the historical experience of the existence of medieval studies in our country.

Keywords: medieval studies, history of science, Middle Ages, universities, historical knowledge

About the author: Sidorov Alexander Ivanovich – Doctor of History, Leading Researcher, Center for the History of Historical Knowledge, Institute of World History Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334, Leninskiy pr., 32a. alexhist@mail.ru

Matvey E. Yakovlev

MEDIEVAL STUDIES: FEATURES OF DOCTORAL DISSERTATIONS 2014–2020 гг.

Abstract: The article is devoted to current trends in Russian Medieval studies. Based on the material of doctoral dissertations, the author identifies existing research areas and characterizes the problems of dissertations on medieval studies, as well as traces the influence on the essence of the protected works of the process of destruction of a single terminology.

Key words: Historical studies, Medieval studies, Middle Ages, Dissertation culture.

About the Author: Matvey Iakovlev – Junior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.119334 Moscow, Leninsky Prospekt 32A. Mattyakovlev@gmail.com.

ЛЮДИ И ТЕКСТЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ.
Выпуск №17 (2024)

Главный редактор
Бобкова Марина Станиславовна

Рецензенты
доктор исторических наук *М.В. Виниокурова*
Институт всеобщей истории РАН

кандидат исторических наук *О.В. Ауров*
РАНХИГС при Президенте РФ

Reviewers
Doctor of History M.V. *Viniokurova*
Institute of World History RAS

Candidate of Historical Sciences *O.V. Aurov*
RANHIKS under the President of the Russian Federation

Научное издание

ISSN 2414–3650

Издательство: ИВИ РАН
Л.Р. ИД№01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано к печати 19.06.2024

Формат 60x90.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл.печ.л.

ИВИ РАН Ленинский пр-т, 32-А